

Annotation

Вы любите Крым, море и солнце?

Вас не смущают обнажённые сотрудницы и фонтаны вина?

Вы не боитесь зомби-нацистов, маньяков и древних монстров?

А главное, любите ли вы историю искусств?!

Тогда ЧВК «Херсонес» ждёт вас!

P. S. Похороны за счёт компании.

*

Андрей Белянин

notes1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

*

Андрей Белянин

ЧВК «Херсонес»

...Всё началось вот с этого небольшого объявления, вычитанного мной в интернете. Я как раз озаботился поисками новой работы, поэтому разнообразные ссылки в поисковике всплывали постоянно.

«Частный выставочный комплекс музея “Херсонес”, город Севастополь, Республика Крым, ищет молодого, холостого, не обременённого обязательствами иногороднего, физически здорового, перспективного специалиста по истории искусств. Высшее образование обязательно, опыт работы желателен, любовь к приключениям приветствуется, зарплата гарантируется, жильё предоставляется; полный социальный пакет, включая похороны за счёт управляющей компании».

Последние слова можно было счесть неудачной шуткой креативного менеджера. Сейчас в рекламщики набирают кого попало, сами знаете. В остальном же думаю, что получить такое местечко было бы пределом желаний любого выпускника нашего курса. Хотя, быть может, я и ошибаюсь.

Просто бюджетники, как правило, не самые богатые люди, а уж финансирование провинциальных музеев в необъятной России всегда идёт по остаточному принципу. Для нашей работы необходимы не только упёртость, готовность к самопожертвованию, но и неслабый уровень начитанного романтизма. И, естественно, никакой семьи, перспектив на наследство и надежд на перевод в Третьяковку или Петергоф.

Я окончил отделение истории искусств в знаменитом Екатеринбургском университете, потом отслужил срочную в морской пехоте на Балтийском флоте, и естественное желание переехать на не слишком пыльную работу в солнечные края превысило здоровую осторожность. Ну, или всё дело было в подкрадывающемся отчаянии...

Мне довелось поработать то там, то тут, преподавать, вести частные уроки рисования; один раз даже уходил в коммерцию, но всё это без особого успеха. А поскольку недавно мне исполнилось двадцать восемь, я вдруг загорелся стремлением хоть чего-то достичь в этой жизни. Но не в бывшем Свердловске, увольте...

Поэтому, когда на отправленное мною резюме пришёл положительный ответ, я на последние деньги, не задумываясь, взял билет на самолёт. Родители в принципе были не против, им хватало хлопот с двумя моими младшими сёстрами. Жениться я не успел, а моя вторая бывшая девушка развлекалась в очередной секте женского счастья посредством

«хакни-медитации».

Все вещи и книги уместились в небольшой чемодан, мама перекрестила меня, отец похлопал по плечу, сёстры-близняшки крикнули вслед: «Аря-ря-я!», взяв с меня обещание присылать рисунки, и вот уже третьего июля компания «Уральские авиалинии» аккуратнейшим образом доставила меня в новенький аэропорт Севастополя почти на закате дня. Крым наш! Но, вопреки чаяниям, меня там никто не ждал...

Как говорили старики-римляне: Ave, Caesar, te salūtant![1], что в переводе значит: а кто ты, собственно, такой, чтобы тебя встречали цветами и оркестром?

То есть со стороны администрации музея, конечно, никто и не обещал ковровую дорожку с лимузином, но почему-то данный момент оказался первой ноткой странностей этого дня. Я вызвал такси, указал адрес, и мрачноватый пожилой татарин, совершенно непохожий на наших казанских, симбирских или астраханских татар, повёз меня какими-то кручёными улочками на окраину города. Ну разумеется, «так короче», ага...

Севастополь в обширной зелени парков производил двойственное впечатление: обшарпанность зданий ещё советских времён резко контрастировала с праздничными кварталами новостроек. Но главным было не это, а то, что почему-то к знаменитым развалинам старого греческого Херсонеса мы не поехали, свернув куда-то в глушь, в частный сектор, ближе к морю.

И да, прежде чем я успел удивиться или возмутиться, такси тормознулось у ограды двухэтажного кирпичного домика с тремя белыми колоннами, на дверях которого действительно имелась позолоченная музейная табличка.

Сдачи у водителя традиционно не было.

«Пёс с ним», – философски решил я, вытаскивая чемодан из багажника.

Старик-татарин укоризненно покачал головой, сплюнул в сторону музея и укатил восвояси так быстро, словно опасаясь немедленного наказания. К слову сказать, не так уж он был и неправ. Я лишь успел коснуться рукой калитки, как словно из-под земли вырос лохматый коренастый горбун и едва ли не с лаем кинулся на меня!

– Извините. Я по объявлению. Мне к директору...

Горбун, не сводя с меня маленьких чёрных глаз, но перейдя на сдержанный рык, позволил мне войти за ограду. По узкой тропинке из настоящих мраморных плит я прошёл к дому, поднявшись по четырём ступеням, и, не найдя кнопки звонка, деликатно постучал.

Надпись на табличке подтверждала, что завезли меня по верному адресу, так как это и есть музей «Херсонес». Частный выставочный комплекс. Удивляло лишь то, что, кроме названия, написанного стилизованным греческим шрифтом, на таблице не было ничего больше: ни расписания работы, ни ценника за билет, ни даже контактного телефона или

имейла. Откуда-то изнутри раздались очень медленные шаркающие шаги, а потом дверь открылась.

– Ужели вижу я не мальчика, но мужа? Героя, открывающего вход во врата Аида иль, быть может, даже дворца Олимпа, где в свободных тогах пирует небожителей толпа? – шутливо приветствовал меня довольно-таки моложавый, приятный пухлый мужчина в белом брючном костюме из мятого льна.

Вьющиеся рыжие волосы почти до плеч, собранные в оригинальную причёску, прямой нос, округлившееся с возрастом лицо, чуть капризные полные губы, круглые тёмные очки, как у кота Базилио. Он улыбнулся мне в ожидании ответа.

– Здравствуйте. Я ваш новый сотрудник Александр Грин.

Да, увы, родители не задумывались о том, как мне придётся жить под сенью такого имени. Кудрявый толстячок искренне рассмеялся, за рукав втягивая меня в дом.

– Заходите, не смущайтесь, мы все вас ждём! Как говорится, «посидим, попьём вина, закусим хлебом...» Позвольте представиться: Аполлонов Феоктист Эдуардович, директор сего приюта шалопаев, помешанных на истории Крымского полуострова.

Мы прошли в очень тёмный коридор и сразу же, свернув из него направо, вдруг оказались в залитом оранжевым солнцем саду в окружении олив и кипарисов, даривших спасительную тень. В самом центре бил небольшой фонтанчик, украшенный обломками древних колон в коринфском стиле, там же стояли четыре мраморные скамьи, а над нашими головами пели незнакомые мне птицы.

– Чудесный сад! Наверное, чисто музейные помещения в другом крыле?

– Ну, в целом да. Они есть, – не очень уверенно ответил директор, но, поправив очки, вновь заулыбался. – Сосо Церберидзе вы уже видели. Он наш охранник, ночной сторож и дворник, един, так сказать, в трёх лицах. Идёмте, представлю вас остальному коллективу.

Откуда-то из-за древесного ствола показалась очень стройная девичья фигурка, в полупрозрачном облегающем сарафанчике, надетом... если мои глаза не врут... прямо на голое тело. И, клянусь Ранним Возрождением, это было самое совершенное сочетание роста, талии, плеч, объёма груди, увенчанное чудесной голубоглазой головкой в ореоле золотых кудряшек.

– Мы называем её «наша Афродита»! Хотя по паспорту она Гребнева Светлана Сергеевна. Наш младший научный сотрудник, специализируется на чёрнофигурной и краснофигурной вазовой росписи. Уникальный специалист, настоятельно рекомендую подружиться! Светочка, а я к вам с гостем! Вот, только что доставлен прямым рейсом из Москвы – и сразу к вашим ножкам, так сказать...

– Из Екатеринбурга, это за Уралом, – я больше и слова вымолвить не успел, как девушка

вперила в меня влюблённый взгляд, в доли секунды словно пронзив сердце электрическим разрядом. Её щёки заалели, ресницы взметнулись вверх, и она шагнула навстречу мне, поводя плечиками так, что сарафан начал соскальзывать...

– Очень приятно. Грин. Александр. Можно просто... Саша. Я ещё не...

– А я уже да-а-а, – фактически простонала она, откровенно пытаюсь забросить руки мне на шею, но Феоктист Эдуардович очень вовремя встрял между нами. Светлана разочарованно опустила тонкие бровки...

– Ай-яй-яй, Гребнева, вы же мне обещали. Никаких интрижек на рабочем месте! А то знаем мы вас, молодых, – подмигнул директор, вытер выступившие бисеринки пота рукавом и подтолкнул меня к фонтану: – Александр, прошу познакомиться с нашим старшим сотрудником Земновым Германом Николаевичем.

Я не сразу понял: о ком это он? И лишь когда груда старых камней вдруг выпрямилась в полный рост, протягивая мне лопатообразную ладонь, стало понятно, с кем мне предстоит иметь дело. С самым настоящим великаном.

Земнов был на две головы выше меня, наверное, вчетверо шире в плечах, но обладал скорее фигурой пауэрлифтера, чем культуриста. Одет в свободную серую рубашку и джинсовые шорты ниже колен. Лицо простое, открытое, тёмно-русые волосы, небольшая бородка, так что в целом, наверное, больше напоминает былинного Илью Муромца, чем скромного музейного червя.

– Очень приятно, – смущённо прогудел он.

– Мне тоже, – я осторожно пожал его руку. – Могу спросить, а вы по какой части?

– Герман – крупный специалист по бронзе, меди, прочим металлам и мраморной скульптуре, – пояснил довольный директор. – Ну вот вы и знаете нас всех. Коллектив у нас небольшой, дружный, так что вливайтесь, пожалуйста! А сейчас пройдёмте-ка в мой кабинет: оформим документы, подпишем бумаги. Чемоданчик можете оставить тут, он никому не мешает.

Собственно, я был настолько потрясён всем увиденным: южным закатом, зелёным садом, приятными людьми, искренним гостеприимством, с которым никогда не сталкивался ранее, что безропотно позволил взять себя под руку и увести обратно в тот тёмный коридор, являвшийся по факту дорогой в любом направлении. Абсолютно в любом, если вы поняли.

Рабочий кабинет директора музея оказался сразу за поворотом налево. Небольшой, но вполне себе современный офис, дорогая мебель, шкаф с книгами, компьютер, папки бумаг, телефон... вроде бы всё. Да! Ещё большая карта Крымского полуострова и календарь с изображением восхода солнца над развалинами Херсонеса, украшавшие противоположную стену.

– Прошу садиться, молодой человек, – уже совершенно деловым тоном предложил Феокист Эдуардович, опускаясь в коричневое кожаное кресло. – Итак, диплом об окончании учебного заведения, паспорт, страховое, ИНН?

– Паспорт, – я выложил его на стол, – остальные документы в чемодане. Принести?

– А-а, ерунда, успеется. Для начала позвольте пару вопросов. Отвечайте быстро, не раздумывая. Что отсутствует у большого сфинкса в Долине царей?

– Нос. Отбит артиллерией Наполеона.

– Отлично. Моне?

– Клод.

– Мане?

– Эдуард.

– Альбрехт Дюрер, автопортрет на фоне окна, техника?

– Живопись, масло, дерево.

– «Русская Венера»?

– Борис Кустодиев, 1925-26 год.

– У вас смартфон? Чего я спрашиваю, у какого современного человека его нет. Но имейте в виду, что любые фотографии музея, коллекции и даже сотрудников строгойше запрещены. То есть для внутреннего употребления, по работе, снимайте всё, что вам нужно, но делиться в Сети...

– Понятно. А рисовать можно? Ну, я не люблю писать письма, я рисую их.

– Очень интересно! Мы всегда поощряем творческое развитие наших сотрудников. Можно взглянуть?

Я достал новый корейский смартфон, открыл папку изображений и передал директору. Он бегло пролистал с десяток рисунков, удовлетворённо хмыкнул и вернул мне.

– Достаточно, похоже, вы нам подходите. Теперь осталось выяснить, подходим ли мы вам, – Феокист Эдуардович вдруг подмигнул столь игриво, что это граничило с фамильярностью.

– Вы можете снимать квартиру в городе, но обычно все наши сотрудники, включая меня, живут при музее, в гостевых комнатах. Условия почти спартанские, зато всё бесплатно. Зарплата начисляется раз в месяц, в рублях или серебряных драхмах.

– Простите?

– Шутка! Не будьте таким серьёзным, Александр, хотите выпить?

– Я не особо...

Но он уже достал из шкафчика стола бутылку красного и два больших чистеньких фужера.

– Старая Агора, чёрный мускат, до сих пор производится по греческим традициям виноделия. И уж поверьте старику, ни один музейный работник не выживет в Крыму без стаканчика доброго вина! Пейте, друг мой, ибо это высочайший дар бога Аполлона и Диониса, древнее лекарство, дарованное человечеству во спасение от сумасшествия, и глоток счастья...

Я пригубил чисто из вежливости, но тут же понял, что ничего подобного никогда не пил. Греческое вино было густым, невероятно насыщенным по цвету и вкусу, а его крепость мягко нивелировалась сладкой кислинкой. Ума не приложу, каким цыганским заговором Феоктист Эдуардович умудрился влить в меня весь фужер объёмом с пол-литра, но после этого я легко позволил переселить себя в крохотную комнатку шесть-семь квадратных метров.

Узкая кровать, один табурет, крохотный (чуть больше того же табурета) стол, небольшое окно, выходящее в заросший чёрной смородиной угол сада, одинокая лампочка под потолком. Все удобства в конце по коридору. Горячая вода подаётся по расписанию, но это частая беда многих курортных городов. Зато туалет новый, там даже есть полочка с журналами.

Также меня заранее предупредили, что Светлана Сергеевна имеет привычку ходить в душевую на рассвете, босиком, укутанная лишь в небольшое полотенце. Все привыкли, никто не смущается, но вставать раньше восьми утра не стоит чисто из вежливости.

На Германа периодически нападают периоды грусти, он может не спать до полуночи, вздыхать, играть на цитре, тревожа покой остальных постояльцев длинными немзыкальными руладами. Приставать к нему с сочувствием не нужно, скорее, он способен в ответ заразить своим унынием кого угодно. Благо, всё это ненадолго, а тяжёлые гири быстро приводят его в форму.

Старик Церберидзе, абхаз или, скорее, грузин, судя по фамилии, живёт в собственной глинобитной клетушке во внутреннем дворе. Ни с кем не дружит, нелюдим, говорит мало, похоже, у него вообще проблемы с русским. Тем не менее как сотрудник абсолютно безотказен, трудится за троих, не пьёт, не водит женщин, зарплату копит на карте.

Директор, как потом оказалось, слегка слукавил относительно самого себя. У него была трёхкомнатная квартира в городе, по его же рассказам, довольно-таки роскошная, а слова, что он-де живёт в музее, относились лишь к его рабочему кабинету, где он проводил время по циклам природы – исключительно от заката до рассвета! Зимой рабочие дни были короче, летом длиннее. Всё просто: у всех свои правила.

Сам музейный комплекс также произвёл странное, но вполне благоприятное впечатление. В том смысле, что именно экспозиции я пока так и не увидел, но само здание и люди, в нём работающие, особый сладкий крымский воздух, кружащий голову, оказывали такое удивительное воздействие, что выходить за ограду больше как-то не хотелось. Да и поздновато – почти ночь уже.

– Новый сотрудник?

– Да, и такой молоденький. По-моему, он даже не представляет, куда попал.

– Ха, и кто ему скажет?!

– Ох, милый, я даже не представляю, как такого можно убивать? Смотри, он старика Церберидзе так испугался, что даже отпрыгнул.

– Тем проще, дорогая, тем проще. Прежние историки доставляли больше хлопот. Как ты видишь смерть этого?

– Э-э...

– Твой дар предвидения не сработал, милая?

– Не доставай меня, грубиян! Мой дар при мне, просто почему-то...

– Ты издеваешься?

Я кое-как разобрал вещи, выложил блокнот из чемодана, попробовал рисовать, но света было маловато. Так, накидал пару-тройку набросков, остальное завтра.

Если им действительно нужен специалист широкого профиля по истории искусств, то, пожалуй, я буду рад здесь остаться. И, собственно, как оказалось, этот вопрос уже решён за меня. Список служебных обязанностей будет предоставлен завтра, завтра же и подпишем трудовой договор с выплатой аванса, а сейчас время отдыхать. После долгого перелёта и бокала вина практически на голодный желудок это было самое оно. Но просто поспать мне, разумеется, не дали...

– Ш-ш-ш, парень, ты кто? – неожиданно раздалось над моим ухом, наверное, часа в два или три ночи.

На автомате я сначала махнул кулаком, целясь на голос, а уже потом открыл глаза. Ничего личного, просто служба в морской пехоте накладывает свой отпечаток. Нас так учили. Однако неизвестный, неловко качнувшись влево, успел увернуться.

– Ты кто такой, т-бя спрашивают? Ди-ирётся ещё.

Раздалось щёлканье зажигалкой, и в свете маленького огонька я разглядел невысокого, помятого мужчину с заметным пузиком, кудрявой чёрной бородкой, но почему-то

рыжеватыми редкими волосами, зачёсанными назад и схваченными в хвост. Лицо приятное, черты греческие, хотя и мешки под глазами. Одет в подобие короткого банного халата или туники, на ногах растоптанные сланцы, в свободной руке холщовая сумка с чем-то округлым.

– Александр Грин.

– Не звезды-и! Он умер, – не поверил мужчина, вдыхая кислород, а выдыхая перегар. – Или шеф д-г-ворился и т-бя фыпустили из... тода чё, к-круто!

– Это моё имя, родители так назвали. Я новый сотрудник музея.

– У-у, нофый студник...

– А вы... вы же пьяный, да?

– Можишь «тыкать», н-не обижусь, – он бесцеремонно уселся на стол, поставив сумку на табурет.

Потом поискал, нашёл в углу на подоконнике старую глиняную лампу и запалил фитиль. Ночной гость постучал себя кулаком в грудь, откашлялся и постарался говорить чуть чётче:

– Раньше это была моя комната, ключи я спёр. Директору, видишь ли, не нравится, когда сотрудники пьют на работе! А как тут не пить-то? Никак-бл!

Очень надеюсь, что он имел в виду сокращение от слова «блин». Потому что сам я мат категорически не приемлю, а если надо выругаться, то всегда использую старую добрую латынь. *Sic vibes...* как говорится, так и живём!

Хотя наш педагог по религиоведению обмолвился, что таким образом можно, вообще-то, случайно вызвать дьявола. Меж тем полуночный незнакомец вытащил из сумки пузатый глиняный кувшин или, правильнее сказать, греческую амфору.

– Денисыч, – он ткнул пальцем себя в живот и протянул мне ладонь: – Можно просто Диня! Специалист по древним языкам, работал тут в отделе изучения обрядов, песен и стихов первых греческих переселенцев. Лучший специалист! Но... выпнут его сиятельным коленом под зад, нашим драгоценным Феоктистом Эдуардовичем! И вот куда мне идти? Кому я ещё нужен?! Зёма, а давай выпьем?

Наверное, это первый случай в моей жизни, когда я не успел ни ответить, ни удивиться, ни даже опомниться, как уже сидел на кровати, закутанный в простыню, держа в руке широкую медную чашу, наверняка антикварную, из каких-нибудь прошлых раскопок в том же Херсонесе. Мой новый знакомый, подняв такую же, торжественно наполнил их густым багровым вином и, хотя язык вновь начал его подводить, старательно зачитал тост:

– Зевс ук-крал фракийскую принцессу Ивропу, пре-вра-атифшись ф быка. Так выпьем же за то, чтоб только с-самые красивые женщины заставляли нас носить рога!

Мы только успели пригубить, как сзади раздалось:

– Мальчики, вы не заперли дверь. – В проходе стояла босая Светлана в тончайшем пеньюаре на тонких бретельках. – Кажется, здесь говорили о женщинах и вине?

– Пре-е-лесть моя, присоединяйся-я! – Мой незванный гость и бывший сотрудник музея мгновенно уступил ей табурет, но девушка почему-то предпочла с ногами забраться ко мне на кровать.

Она доверчиво улыбнулась и без обиняков отхлебнула из моей чаши. В прямом смысле – ничего неприличного. Разве что сделала она это так сладострастно, что у меня разлилось приятное тепло внизу живота. Светлана мягко толкнулась плечиком:

– Расслабьтесь, я не такая. А этот тип уже рассказал вам, за что его уволили?

– За пьянство? – неуверенно предположил я.

– Диня не пьянеет, – важно кивнул мне сам Диня. – Ос-собенность ар-р-рганизма, может зап-летаться язык, качать как ф шторм, но мозг у меня кристально трезвый!

– Тогда за что?

– За то, что он в пьяном виде припёрся ко мне признаваться в любви.

– Пр-ротестую! Любофь – это не преступление!

– Он был почти голый.

– Неправда-а. Ф трусах!

– На голове, – безжалостно добила красавица. – Неприлично возбуждённый, орал, как кот по весне, разбил две амфоры старого вина...

– Ага-а, вино, знацит, ты пожалела?

– Я пожалела амфоры: всё-таки пятьсот тридцатый год до нашей эры, краснофигурной росписи осталось не так много, а когда вмешался Герман, наш приятель попытался откусить ему ногу.

– Ой, да я всего лишь х-тел, чтоб он стал хоть немношко... – Денисыч вновь отхлебнул вина и причмокнул пухлыми губами, – хоть щуть-щуть пахож на известную статую Геракла, где тот опирается на сфою дубину, как на костыль! А шеф-ф чёт не оценил и не понял...

– Когда наш директор прибежал с полицией и ты обложил его на шестнадцати древних языках, сначала он ничего не понял, это верно, – согласилась неумолимая красавица, также делая второй глоток. – А наутро нашего Диню выперли с треском! И, кстати, поделом.

– Светонька, ры-ыбка, птичка, Аф-фродита наша Тавридская, ну хотя бы признай, шта в своём роде деятельности я был хорош?

Ну, если человек свободно владеет шестнадцатью древними языками, то он реально крут, это даже я охотно признаю. И, несмотря на весьма фривольное поведение этого странного типа, он каким-то чудом умудрялся производить приятное впечатление. Эдакий пьяненький деревенский дурачок, философ из винной бочки, синячащий русский интеллигент, великий ум, измученный боржоми, почти что гений, которому не хватило всего лишь каких-то ста пятидесяти грамм до Нобелевской премии по высшей математике...

– А почему вы не пьёте, Александр? – вдруг обратилась ко мне Светлана.

Да, собственно, как обратилась... Она томно прошептала мне этот вопрос на ухо, опустив ресницы и не обращая внимания на сползающую с плеча бретельку. А я так очень даже обратил, потому что...

– Очень правильно, что не пьёт, – в мою маленькую комнатку шагнул ещё один человек, и всем сразу стало очень тесно. Вы поняли, о ком я.

Герман Земнов действительно был очень крупным мужиком, в двери ему приходилось протискиваться боком, иначе ширина плеч не позволяла, да и рост почти в потолок головой. Которой, кстати, он едва не разбил висящую лампочку без люстры.

– Грин, вы тоже сторонник ЗОЖа?

– Если позволите, на «ты»? – предложил я, вставая и протягивая ему ладонь.

Великан-культурист благодарно кивнул, мы пожали руки, а потом Светлана потянула меня обратно на кровать. Диня, что-то прибалтывая заплетающимся языком, разливал уже на четверых, казалось, амфоры с вином просто самозарождаются у него в сумке. Никто и опомниться не успел, как мы уже пригубили за знакомство, за дружбу, за взаимопонимание (разумеется, по чуть-чуть, мы же не алкоголики), да иногда и спортсмену тоже нужно выпить, нет-нет, без фанатизма, конечно, а ещё за присутствующих здесь дам-с...

Короче, мы все набрались.

Красавица из отдела древней керамики практически лежала у меня на коленях, залиристо хихикая и шутливо шлёпая меня по рукам, когда я пытался её приподнять, чтобы уложить поудобнее. Её губы были влажными и призывными, но поцелуй никак не складывался: то ли я тормозил, то ли она успевала отвернуться, да и два новых знакомца никак не желали понять, что, возможно, они тут лишние. Хотя, наверное, это я торопил события...

Простодушный Герман рассказывал какие-то длинные, жутко затянутые истории об отличиях в производстве бронзового оружия в разных областях Греции, включая колонии-поселения по всему Черноморскому бассейну. Как я понимаю, он неслабо разбирался в археологии и явно был на всех раскопках, хотя и называл эти места исключительно в старых

наименованиях. Ну, тут уж кому как привычнее.

Денисыч, или Диня, – к нему действительно обращались и так и эдак, – был душой компании, сыпал тостами, поминая к месту и не к месту всех богов Древнего мира, читал неприличные стишки Экклезиаста, подливал всем, так что я даже не могу сказать точно, сколько амфор мы уговорили, прежде чем ему пришла в голову очередная «восхитительная» идея:

– Может, та-да иск-паемся? Морюшко-о после винишка – самое то!

– Ночные купания могут разгневать Посейдона, – пошутил я.

Увы, видимо, неостроумно, потому что Светлана с Германом утвердительно кивнули, а резко протрезвевший Денисыч поскрёб кудрявую бородёнку.

– А-а, пошли, я с ним договарюсь. Наверное. Да что он нам сделает на мелководье? Ракушками закидает? Ну, пошли уже, а?

Я беспомощно покосился на остальных, но они, к моему удивлению, уже вышли и ждали нас в общем коридоре с полотенцами на плечах. Мне пришлось встать и хотя бы натянуть джинсы. Лёгкие кроссовки, в которых я приехал, надевать не стал: просто тут все ходили босиком, наверное, так принято.

– Слушай, у меня плавок нет, да и пляж закрыт. Ночь же, – попытался брыкаться я, когда Диня тащил меня за руку из одного крыла здания в другое.

Остальные бодро шли следом. Мой новый приятель и бывший сотрудник музея толкнул дверь с надписью: «Основная экспозиция», и в лицо мне ударил свежий морской ветер. Само море плескалось в десяти шагах, над головой сияли миллиарды невероятно ярких звёзд, а под ногами похрустывала галька.

– Саня, ты что-то про плавки говорил, зачем они тебе? Люди всегда купались в море без одежды, так проще и естественней.

Диня стянул с плеча сумку, достал ещё одну амфору поменьше, на пол-литра, и, вытянув зубами пробку, вылил содержимое в воду. Морской прибой с шипением принял струю красного вина и, как мне показалось, с удовлетворением отступил.

– Всё, владыка глубин даёт добро!

И этот провокатор, скинув тунику через голову, упрыгал в воду, бесяче сверкая молочно-белыми ягодицами. Я вздрогнул, когда сзади на моё плечо легла тяжёлая ладонь Германа. Специалист по мраморной и бронзовой скульптуре тихо посоветовал:

– Лучше подождать, пусть сначала войдёт Светлана.

– Почему?

– В идеале нужно было идти первыми, но мы не успели.

Меж тем светловолосая девушка медленно и даже с некой дразнящей негой сняла тонкий пеньюар, расстелила полотенце на тёплых камнях и сладко потянулась, выгибая спину. Не думаю, что когда-либо мне доводилось видеть столь совершенное женское тело. А ведь по истории искусств мы изучали и греков, и итальянцев, и французов, но Светлана Гребнева была выше их во всех смыслах, словно Пракситель над Фишером Хорстом.

Я сам превратился в кусок мраморной колонны, не смея даже дышать в её присутствии. Она была, по выражению Пушкина, «чистейшей прелести чистейший образец»! Казалось, ни одна пошлая мысль не может даже зародиться в присутствии такой ослепительной красоты. И тут Светлана обернулась ко мне, одарив самой бесстыдной и откровенной улыбкой:

– Догоняйте!

Девушка с весёлым визгом бросилась в море, и каким чудом я ещё не был на ней сверху, ни одному богу не известно. Хотя, возможно, потому, что меня в самой высокой стадии возбуждения подхватили на руки две могучие веслообразные ладони.

– Что-то не так...

Герман нежно качал меня в стальных объятьях, в то время как довольный Диня выбирался по мокрым камням, а Светлана по нос в воде призывно махала мне ладошкой.

– Пусти! Что люди подумают?

– Обо мне? – даже не моргнул он. – Поверь, друг мой, обо мне чего только не надумали, после того как я просидел за прялкой в женской одежде почти три года у царицы Омфалы. То ещё героическое деяние...

– Я хочу купаться! Меня Света зовёт, видишь же! Какая корова...

– Вот сейчас помолчи, бро, – вмиг встревожился Диня, с неизвестно какого дуба отвешивая мне подзатыльник. За что я не раздумывая выдал ему коленом сдачи.

Собственно, сразу после чего здоровяк Герман спокойно поставил меня на ноги, разворачивая лицом налево. Именно туда, где в морском прибое медленно двигалась большая белая корова. Или бык? Или тур? Ну, судя по высокому лбу и огромным рогам, меж которых, наверное, можно было бы спокойно усесться с чашечкой кофе, это всё-таки был бык.

И он, возбуждённо раздувая ноздри, уверенными шагами приближался к беспечно плещущейся девушке. Светлана по-прежнему смеялась, кружась в морской воде, вздымая руками и ногами звёздные брызги, едва не долетавшие до нас, стоящих на берегу.

– Посейдонов бык, – вдруг выдохнул Денисыч, флегматично доставая очередную амфору и делая глубокий глоток, – упокой боги её душу. Ей хана.

Огромный зверь казался совершенно нереальным в свете огней современного города. Это было страшно и противоестественно, потому что, откуда он вышел, с какой частной фермы сбежал и как оказался здесь, фактически на музейной территории, не сказал бы, кажется, никто.

Мы, трое мужчин, замерли в позе Лаокоона с сыновьями, когда Герман вдруг тяжело задышал, выдыхая из носа едва ли не струи горячего пара.

– Ох, да бросьте, – попытался успокоить его я, – всего лишь случайно заблудившаяся домашняя скотина. Сейчас мы её прогоним.

Я набрал с полдюжины обмытых морем камешков и пошёл в атаку.

– А ну, вали отсюда! Как тебя там зовут, телёнок-переросток из Простоквашино? Гаврюша? Ага. Так вот, Гаврюша, сидеть!

Ни один камешек не прошёл мимо цели, но бык даже ухом не повёл. Денисыч и Герман буквально обомлели от моей наглости, а я уже выбирал бульжник посолиднее. Камень попался увесистый, килограмма на полтора, каковой я и...

– Нет, Александр, не на-до-о! – взвился к небу заполошный крик Светланы.

Понятно, что она наконец заметила-таки быка, но явно недооценивала уровень опасности. Бродячее животное часто бывает непредсказуемым. Особенно когда о его голову разбивают бульжники. В пыль!

– Слушай, а он крут, – Диня толкнул локтем в бок охреневшего здоровяка.

В голубых глазах Земнова одновременно читались уважение, обалдение, изумление, фатализм, готовность к смерти и плохо прикрытое желание сбежать из этой палаты номер шесть, потому что бык вдруг остановился и медленно поднял на меня взгляд. В его глубоко сидящих зелёных глазах размером с половник плескалось невнятное удивление. Такое бывает у кота, который смотрит на атакующую его хвост самую маленькую мышь.

– Беги! Он на берег не пойдёт, ему нельзя, он... – успел услышать я, когда по пояс в воде шёл вытаскивать окаменевшую от страха девушку.

– Светлана, держитесь! Я сейчас...

Договорить мне не удалось, потому что громогласный бычий рёв, казалось, разорвал всю ночь. Из его пасти вырывалось оранжевое пламя, короткая шерсть встала дыбом, он наклонил рога и пошёл на меня, выдувая из ноздрей кроваво-красный пар. Это было жутко красиво и пугающе.

– Александр, вы спасли меня! – Мокрая красавица бросилась в мои объятия.

Её сердце билось о мою грудь, и, наверное, ничего более возбуждающего я не испытывал за

всю свою жизнь. А бык с каждым шагом был всё ближе и ближе.

– Фу отсюда, животное!

– Вы о ком? – обомлела девушка, едва не падая в обморок высокой грудью с торчащими сосками вверх к небу. – Он же... это же воплощение самого бога морей! Ни один смертный не может говорить о нём в таком тоне.

– В каком? – мои губы были менее чем в сантиметре от её упругих уст.

У меня не было возможности ответить на их призыв, потому что в эту минуту бык пошёл на нас грудью, и поднывавшая волна отнесла нас к берегу. А когда я, мокрый и всклокоченный, всплыл наверх, то на шее белого быка уже сидел могучий Герман, крепко держа его за элитные рога, словно байкер на Харлее. Думается, скульптор Роден душу продал бы за такой образ.

Я же вдруг понял, что, во-первых, специалист по древнему мрамору и бронзе не только на такое способен, а во-вторых, что это наш шанс успеть выбраться на сушу. Я поднял лёгкую как пушинка Светлану на руки и пошёл к берегу, где нас уже ждал подпрыгивающий чижиком Диня. Его бородка свилась в короткую косичку, а под ногами валялись уже две пустые амфоры.

– Герман?

– Уходите, я его задержу!

Здоровяк Земнов крепко держал быка за рога, уверенно сворачивая его голову вправо. Бычья шея напряглась, и я знал, что человеческой силы, способной повернуть такое, просто не существует. В каких-нибудь сказках – может быть, но не в жизни.

Хотя да, в романе Сенкевича «Камо грядеши» есть похожий эпизод, но тут надо знать автора. Пан Генрик страстно продвигал в литературе свою родину, польский гонор, польскую силу, польскую верность и любовь, и благородство польских рыцарей, и красоту польских женщин! Так что насколько всё описанное им было правдой с исторической точки зрения – вопрос давно закрытый, всё это литературный вымысел с явным налётом нацизма, не более.

– Хотя что я несу? – вдруг обратился я к обнажённой девушке на моих руках. – Какой там вымысел?! Сенкевич просто врал как сивый мерин! Как, собственно, и всякий писатель прошлого, настоящего и будущего... Герман, держись!

Передав томную красавицу с рук на руки раскатавшему губу Денисычу, я подобрал самый большой камень и, вздымая его над головой, попёрся на выручку нашему сотруднику.

А там уже разыгралось настоящее Клодтовское покорение природы в том смысле, что двухфигурные скульптуры барона изображали четыре шага в обуздании дикого коня, но сейчас перед нами вставал на дыбы бык! Мягко говоря, куда более могучий и неумолимый

зверь...

– «Бульжник – оружие пролетариата», Шадр, тысяча девятьсот двадцать седьмой год. Если не путаю, отлит в бронзе двадцатью годами позже. Аря-ря-я!!! – неизвестно кому и неизвестно зачем проорал я, с маху опуская здоровущую каменюку между округлившихся глаз быка. Я был пьян, мне простительно...

– Ты чё творишь, психушник?

Диня сбросил Светлану и кинулся мне наперерез, но споткнулся о свою же пустую амфору, удачно пропахав носом песок между двумя валунами. О третий камень он неудачно затормозил лбом. Звук был гулкий.

– Зема, я пас! Дальше без меня-я...

К моему удивлению, огромный бык пошатнулся, Герман поплыл вбок, лбом вниз, в волну, а я кинулся наперерез, пытаюсь подхватить его, не позволяя утонуть. И нет, я ни разу не герой, но в армии нас так учили: что бы ни было, стой за своих! В общем, он сам едва не утопил меня, всем весом рухнув сверху, или практически утопил – с такой-то тушей...

А когда уже на берегу я лежал пузом вверх, отплёвываясь морской водой, три смутно слышимых голоса спорили в небесах, и, кажется, все они говорили именно обо мне.

– Диня, я тебя убью!

– Как, милочка? Задушишь своими сисяндрами?!

– Не надо ссориться, пожалуйста...

– Ты потащил его купаться, ты во всём виноват!

– Я тебя умоляю! Нефиг было манить его к себе. Он взрослый мальчик, и если бы ты не светила всем чем можно, так мы бы и сидели на бережку, кушали вафли с мороженкой, не глаза на голых тётенек...

– Убью! Чем я хуже Афины или Артемиды?! Если им можно было, почему мне нельзя?!

– Ну не надо так уж остро всё принимать, давайте помиримся...

– Дурак, он же Посейдону по башке бульжником заехал!

– Истеричка! Между прочим, Посейдону оно вдоль трусов – ниже Марианской впадины.

– Ну чего вы завелись, можно же просто обняться и...

– Заткнись уже, герой! – в два голоса раздалось в ответ, и мне показалось хорошей идеей открыть глаза. Почему нет?

Небо было таким же высоким и недостижимо фиолетовым, воздух пах ароматами крымских соцветий, звёзды сияли отмытым хрусталём, а надо мной одновременно склонились три встревоженные физиономии. Оказывается, обо мне ещё кто-то думает! Это было неожиданно и приятно.

– Очнулся? Спи!

Последнее, что я, кажется, запомнил, был кулак, огромный, словно Тауэрский мост, падающий прямо на мою голову. Дальше были тьма, тишина, безветрие и безвременье...

Проснулся я на своей постели от птичьего пения и яркого солнечного света в окно. Несмотря на всё количество выпитого вчера, голова не болела. Хотя я не уверен, что точно помню, пил ли вообще и какова была примерная хронология вчерашних событий. Там был мутный, но весёлый тип по имени Диня, бывший сотрудник, уволенный из музея.

Мы с ним вроде бы подружились, а потом в комнату зашла Светлана, за ней Герман, и все мы отправились купаться на море. Что потом? Белая корова или нет, большой белый бык, неизвестно откуда взявшийся, и тяжёлый удар в лоб, после которого...

– Вот тут провал, – уныло признался я сам себе. Полистал блокнот, новых рисунков не обнаружено. – Но ведь, наверное, можно просто спросить у кого-нибудь?

Кажется, в коридоре раздались лёгкие, почти танцующие шаги. Я вскочил с кровати, как спал – в джинсах, натянул футболку и бросился к двери:

– Светлана?

Девушка подчёркнуто медленно обернулась, на ней было лишь... уф-ф!.. То есть ничего на ней не было, кроме маленького полотенца на сгибе локтя и заколки-крабика в копне золотых волос. А в глазах сквозило искреннее недоумение типа: разве кое-кому не говорили, что с утра к ней не стоит приставать с глупостями?

Я поперхнулся, покраснел, пожелал хорошего дня и тут же отступил обратно в комнату, ровно за полминуты до того, как на подоконнике раздалась трель сотового. Американская певица Бейонсе сообщала, что меня непременно желают слышать прямо сейчас, в восемь часов утра.

– Феоктист Эдуардович?..

– Александр, дружок, а не зайдёте ли ко мне в кабинет?

– Конечно. Что-то срочное?

– Да, право, и не знаю, с чего начать. Вы изрядно покуролесили вчера ночью, поэтому ноги в руки – и галопом марш-марш ко мне сюда-а!!!

Как я понимаю, меня уволят в первый же рабочий день?

Но, вспомнив вчерашний вечер, красное вино, синее море, белого быка, Светлану, новых друзей, я почему-то стал удивительно спокойным. Ведь даже если меня отсюда выпрут, то вряд ли это заставит меня с ними поссориться. Есть люди, которые за один вечер становятся ближе родственников, и я их не сдам.

– Нет, ты видел, что он сделал с быком?

– Ну врезал ему.

– Нет, он его чуть не убил! Ни в чём не повинное животное! Огромным камнем по голове! Почему ты молчишь?!

– Потому что говоришь ты.

– Не зли меня, дорогой!

– И в мыслях не было.

– А то я не знаю, что у тебя в мыслях! Ещё раз предупреждаю: лучше не выбеживай меня, потому что сегодня я... Оу? Что ты делаешь правой рукой? О-о-о...

– Успокаиваю тебя.

– Ты меня бесишь!

– Мне остановиться?

– Про-дол-жа-а-ай...

...За дверями меня ждали. Мрачный горбатый сторож с повадками цепного пса кивком головы предложил следовать за ним и на протяжении всего пути ни разу даже не обернулся. Видимо, он просто не понимал, как это можно не пойти, а мне не хотелось разочаровывать человека. Хотя минутное ощущение, что какой-то бывший энкавэдэшник ведёт меня длинными коридорами на расстрел, почему-то было, и от этого возникало жгучее желание наподдать Церберидзе с ноги под зад!

– Даже не думай, – всё так же не оборачиваясь, предупредил старик.

Мысли он читает, что ли? Или не я первый о таком подумал?

– И не последний. Заходи, бог ждёт.

Честно говоря, от такого неприкрытого пресмыкательства перед начальством меня немного передёрнуло. Я понимаю, субординация: этот – сторож, тот – директор... все дела, но чтоб называть «богом»... это уже неслабо чересчур...

– Вызывали?

Феоктист Эдуардович сидел за столом спиной к двери, так что теперь мне была особенно отчётливо видна ярко блестящая лысина на его затылке в окружении длинных рыжих волос. Словно солнце в сиянии лучей на закате. Я вдруг подумал о том, что впервые вижу человека, которому так идёт лысина. Но вовремя догадался не говорить этого вслух.

– Присядьте, милый друг, порадуйте вниманием седого старика, что в бездну лет глядит... – нараспев, в греческом стиле начал совсем-таки не седой директор «Херсонеса». – Вот белый лист, исписанный словами, что льются горечью, обидой и тоской. Я получил его сегодня утром. В нём же описаны события вчерашней ночи. Так что же, не юноша, но муж, готов мне рассказать о ваших приключениях?

– Ничего особенного, – я решил пока не садиться. – Знакомлюсь с коллективом, как раз хотел сегодня осмотреть экспозицию и определиться с фронтом работ.

– Всё это вы сделали вчера, – глава музея перешёл на нормальную речь. – Как я понимаю, и в коллектив влились, даже налились, если так можно выразиться, и в «основную экспозицию» без разрешения шастали, и купания на исторической территории устроили, и на безобидное животное напали. Кстати, «аря-ря-я» – это что?

– Боевой клич моих сестёр. Но вы бы видели этого бычару-осеменителя...

– Александр, вы маньяк или нудист? У вас какие-то личные счёты с крупным рогатым скотом? Любите убивать ударом камня по голове? Чего я ещё о вас не знаю?

Мне оставалось лишь пожать плечами: крыть было нечем, все козыри были на руках у начальства, которое даже не соизволило оборачиваться в мою сторону, предпочитая чинить разнос параллельно с разглядыванием карты на стене.

– Извините меня, этого больше не повторится.

– Кто с вами был?

– Никто, – соврал я, прекрасно понимая, что он в курсе всего.

– Земнов и Гребнева будут вызваны в свой срок, речь не о них. Я лишь пытаюсь понять, почему вы его защищаете?

Из-под стола выполз вусмерть перепуганный Денисыч. Морда помятая, под глазами синие мешки, бородёнка повисла, но на плече всё та же сумка с амфорами.

– Знакомьтесь, это... ах да, вы же уже знакомы. Так вот, этот пьяница не стал строить из себя героя древнегреческой трагедии и сдал вас с порохами. Мне даже не пришлось загонять ему иголки под ногти или жечь раскалённым железом. Так вот, просто по-человечески скажите мне, это он подбил вас всех на столь вопиющее нарушение дисциплины?

– Нет.

– А если мы прямо сейчас вызовем остальных сотрудников и они опровергнут ваши слова?

– Герман пытался меня остановить.

– Верю, это в его стиле.

– И со Светланой у меня ничего не было.

– Верю, ибо это не в её стиле. Продолжайте.

– Саня, зема, бро, не надо себя топить, – простонал Денисыч. – Ну я подбил, я! И чо?!

– Нет, это было моё собственное, осознанное решение. Ещё раз готов извиниться и принести компенсацию владельцу того быка, хотя он сам виноват, поскольку такое животное должно находиться на ферме или в загоне. Если меня уволят, я пойму. Но если мне можно остаться...

– Нужно, – не оборачиваясь, перебил меня директор. – Мы ценим законопослушание, но музейное братство превыше всего! Как любят говорить наверху: «Своих не бросаем!»

– А я? Я тоже старался! Столько пить пришлось, мне молоко нужно за вредность давать!

– Диня, заткнись, сусли бродячее... Ты восстановлен на работе. С испытательным сроком на месяц. Будешь вводить нашего нового сотрудника в курс дела. Александр, вы владеете компьютером?

Я неуверенно кивнул:

– На бытовом уровне – офис, ворд, основы фотошопа...

– Отлично. Все свободны!

Мы вырвались из кабинета едва ли не вприпрыжку. Церберидзе в коридоре не было, но Денисыч и сам отлично ориентировался в лабиринте полутёмных поворотов, быстренько выводя меня к моей комнате. Или если он снова принят, то, получается, уже его?

В ответ на мой взгляд он лишь пренебрежительно махнул рукой: типа забей, не парься, разберёшься. Впоследствии я узнал, что специалист по древним языкам способен спать практически везде, но чаще всего его находят пьяненьким в кустах или под забором. Причём всегда отлично выспавшегося!

...Короче, я был уверен, что меня уволят. Сам тон директора музея, его полная осведомлённость во всём, его уверенность в собственной правоте и даже то, что он разговаривал со мной, ни разу не посмотрев мне в глаза, изрядно напрягло и заставляло сдавать позиции без боя. Конечно, мне не стоило начинать работу на новом месте с косяков, но раз меня простили, то может быть...

– Э-э, бро! Да не выпер бы он тебя, не волнуйся.

– Он даже не посмотрел на меня!

– И чо? Ну, допустим, очки забыл, с кем не бывает? Мы ж полгода специалиста по общей истории искусств искали, найти не могли, мрут они как мухи или ломаются раньше срока! Люди вообще досадно недолговечны.

– В каком смысле?

– Пошли выпьем! – подмигнул чернявый змей-искуситель.

– Не буду я больше с тобой пить.

– А со Светкой будешь? Пошли, пошли, шеф велел ввести тебя в курс дела, а без пол-литры ты всё равно не врубишься.

– Без пол-литры я у Германа спрошу.

– Вот и спроси. Идём в сад, все наши там!

Ну вот, пожалуй, и всё, спорить действительно не о чем. Диня хоть и прощельга, каких поискать, но по факту работает здесь давно, всех знает и уже поэтому прав. Пьянствовать с ним я не обязан, но разобраться со служебными обязанностями мне надо, это в моей зоне ответственности. Потом можно и аванс попросить, денег на карте кот наплакал и лапкой растёр: пара тысяч рублей, и то не факт...

Я могу составлять каталоги, описывать предметы искусства, зарисовывать нужные детали, классифицировать подделки, определять качество реставрационных работ, вести сайт музея или блог на Дзэне. В общем, почти всё. Если б на тот момент я только знал, ЧТО они мне предложат! Да и по фиг, я бы всё равно согласился...

А тем временем в саду под оливами уже был накрыт небольшой стол: овощи, фрукты, зелень, сыр, масло, молоко, хлеб и мёд. Предполагалось, что это и есть завтрак. Не слишком ресторанная еда, но всё свежее, да и я так проголодался, что провередничать уже не приходилось. Умылся у фонтанчика с ледяной водой и присоединился к остальным.

– Друзья мои, позвольте произнести первый тост за нашего нового, но уже проверенного коллегу! Вчера он не убоился быка, а сегодня и самого Феоктиста Эдуардовича!

Денисыч выудил откуда-то из кустов свою холщовую сумку, но мы трое единодушно послали его к белке в дупло со всей алкашкой. Не подумайте, что он обиделся или огорчился, – нет, просто хлестал из амфоры в одно горло. Проблем-то, а?

Герман ел основательно, как человек, привыкший следить за правильным питанием и здоровой пищей. Светлана немного поклевала виноград, а молоко заменила той же водой. Я набивал желудок бутербродами, помидорами, огурцами, а на десерт слупил пару больших

крымских персиков, крупнее моего кулака, и лишь на минуточку посетовал на отсутствие кофе. Ну и ладно, зато молоко оказалось прохладным и вкусным, как в детстве.

А потом я заметил, что все вдруг уставились мне в глаза.

– Что-то не так?

Светлана Гребнева меланхолично теребила поясок тонкого платья, Земнов мялся, явно не зная, с чего начать, Диня торопливо набирался, видимо, для храбрости, а потому не закусывая – от слова «вообще».

– Если завтрак закончен, то как у вас тут планируется рабочий день?

– Точно, – опомнился здоровяк, – у нас же есть план. Давайте просто посмотрим и разберёмся, кто за что отвечает. Афродита?

Девушка привстала, вытащила из-под скамьи небольшой кейс, а уже из него извлекла ярко-красный ноутбук. Открыла крышку, щёлкнула клавишами пароля, и на экране раскрылся ряд одинаковых зашифрованных файлов. Светлана выбрала папку «Гурзуф».

– Александр, мы все в курсе, поэтому можно не читать вслух. Просто листайте, если появятся вопросы, Диня объяснит, он у нас мастер разговоров.

– Хорошо.

Я пересел к ней поближе, но на этот раз она демонстративно подчеркнула дистанцию – не ближе полуметра, – ничего личного, только работа. На секунду в груди кольнули иголки обиды, но стоило прочесть заглавие, как всё отступило на второй план. Мне предлагалось прочесть краткую историю разграбления Пушкинского музея в Гурзуфе.

Если попробовать всё это пересказать без лишних эмоций и детализации, то в годы Великой Отечественной войны, когда советские войска вынужденно оставили Крым, местные жители слишком понадеялись на устаревшие характеристики немцев. Считалось, что они аккуратны, строги, вежливы и требуют соблюдения установленного порядка, но, являясь цивилизованными европейцами, нипочём не станут грабить музеи.

Что ж, возможно, когда-то это было бы так, но эти немцы были нацистами. Людьми, причислявшими себя к высшей арийской расе, поэтому варварские народы, с их точки зрения, подлежали массовому обращению в рабство, а их культурные ценности и сокровища – изъятию. Ибо народ, лишённый символов собственной культуры, быстро превращается в тупой рабочий скот.

Из крымских музеев вывозили всё: картины, книги, антиквариат, мебель, коллекции древностей, археологические находки. Любые предметы, имеющие хоть какую-то материальную ценность, были отняты, описаны, упакованы в ящики и подготовлены к отправке в тайные хранилища Третьего рейха. Не избежал печальной участи и уютный городок Гурзуф...

Место знаковое для истории Крыма. В своё время здесь строили дачи Коровин и Чехов, тут писал картины Айвазовский, здесь пел Шаляпин, а ещё задолго до них молодой Александр Сергеевич Пушкин гостил в доме губернатора Тавриды – дюка де Ришельё – с семьёй своего друга, генерала Раевского. Считается, что именно тут он нашёл сюжет поэмы «Бахчисарайский фонтан» и впервые начал складывать распевные строки «Руслана и Людмилы», а также многое другое.

– Так что конкретно нацисты вывезли из музея?

– Ой, да, считай, в-сё подчистую, – печально закивал вновь начинающий соловей знаток древних языков и наречий. – Старинные книхи и эти м-ман-нускрип-пты! О, выговорил! Моё здоровье...

– Картины и гравюры французских художников восемнадцатого и девятнадцатого века, – продолжила Светлана, – несколько древнегреческих ваз из раскопок в Тавриде.

– Коллекцию бронзовых скульптур и бюстов, – в свою очередь добавил Герман, сжимая и разжимая кулаки. – Всё погрузили на корабль, но он попал в шторм. Долгое время сокровища музея считали утерянными.

– А солнышко наше н-начальственное их нашло! За здоровье ди-рек-т-ра, я его уважаю-ю, чес-слово...

На минуточку меня вдруг захлестнула жажда приключений: тайные карты, поиск сокровищ, затерянные клады, мешки с монетами и сундуки с артефактами, но ведь всё это не могло быть правдой, верно? Такие истории хороши для пятнадцатилетних юнцов, а я вполне себе серьёзный человек. Но как же мне хотелось во всё это поверить...

– Так и в чём моя задача? – чтобы не спугнуть удачу, я по-детски скрестил пальцы за спиной и уточнил: – Нужна научная статья на заданную тему или искусствоведческое описание предметов для подачи на грант с целью раскопок?

– А ты туп-пенький, зема, пщти как Герман...

Больше Денисыч ничего сказать не успел, поскольку один могучий щелбан в лоб от руки Земнова отправил его в нокаут.

– Александр, – золотоволосая красавица вдруг крепко обняла меня, прижавшись всем телом, и нежно зашептала на ухо: – Феоктист Эдуардович нашёл это место на карте, но мы не можем туда попасть. Вход слишком узок для Германа, а я как слабая женщина просто не смогу справиться даже с одним ящиком. На Диню тоже надежды нет, сами видите...

Смуглый пьяница, не вставая, показал ей неприличный жест средним пальцем.

– В общем, вы нужны нам. Аря-ря-я?

Я встретился взглядом с Земновым, на его лице крупным греческим шрифтом было написано: не верь ей, ни одному слову...

Ну и ладно. Я почувствовал, как девичье сердечко Светланы стучит в унисон с моим, и сишло выдохнул:

– Facile[2]. Погнали.

Диня так же, не поднимаясь, поднял вверх уже большой палец. Здоровяк Земнов тяжело и протяжно вздохнул, а потом ушёл искать у фонтана свою цитру. Повеселевшая девушка удовлетворённо вскинула носик и вернулась на мраморную скамью, вновь включая погаснувший экран ноутбука. Потом улыбнулась и похлопала по скамье ладонью...

Сейчас, задним числом, я понимаю, что подписался на всё сам, произнося слова ртом в присутствии трёх свидетелей. Жаловаться было не на кого, плакаться тоже некому. Да, честно говоря, вряд ли кто стал бы вытирать соплю парню под тридцать?

В своё оправдание могу сказать лишь, что крымский воздух действительно обладает какой-то непостижимой магией, что в глубине души у меня ещё остался романтизм, а изрядная доля авантюризма, смешавшись с нарождающимися чувствами к Афродите нашей Таврической, как её все здесь называют, полностью отключила критический взгляд и заглушила голос разума. Мы сели рядом...

– Tertium non datur![3] – громко процитировал специалист по древним языкам. – Не один ты знаешь латынь, бро. Светланочка, покажи ещё раз карту! Всё остальное мы у тебя уже видели, хи-хи.

Второй щелбан погрустневшего великана вновь уложил Диню отдыхать, после чего Земнов смущённо прокашлялся в кулак и предложил мне пройти переодеться в полевую форму. Да, именно так он и выразился. Светлана осталась в саду у фонтана – побрызгивать водичкой на голову потерявшего сознание сотрудника. Но он заслужил, тут и слов нет, дяденька нарывался как мог!

К моему лёгкому удивлению, полевая форма представляла собой тонкий чёрный гидрокостюм до колен и середины предплечья. Пуленепробиваемый, как пояснил Герман.

Хм, вроде я тоже что-то слышал о подобных разработках для нужд спецназа, но считал это фантастикой. На правой голени двумя ремнями крепился узкий армейский стилет в кожаных ножнах. На руки – перчатки без пальцев, на пояс – мощный, но лёгкий фонарь. На ноги – тонкие тапочки для плавания.

Я постарался получше всё запомнить, чтобы потом зарисовать.

Впечатление такое, словно мы идём не вернуть музейные ценности, а отбирать их у кого-то. Я выглядел как китайский диверсант из бондианы, и предстоящая затея почему-то уже не представлялась весёлым развлечением в хорошей компании.

Тем более что мой плечистый товарищ по работе предпочёл лишь футболку защитного цвета и свободные серые шорты чуть ниже колена. Никакого оружия, специальных устройств, ну, разве тёмные очки спортивного образца, которые надеть легко, а вот стягивать с головы приходится, едва не отрывая уши.

Ещё я думал, что мы пройдем в кабинет директора, где нам ещё раз поставят задачу, но в дверях без стука показалась Светлана, сообщив, что они с Диней готовы, время не ждёт, солнце уже высоко, и, вообще, «пора, мальчики! Катер готов».

Одета она была в тонкий газовый халатик, из-под которого просвечивал голубой купальник, в смысле три маленьких треугольничка, скреплённых тонкими нитями. Казалось, стоит ей чихнуть – и всё это бикини разлетится в разные стороны, как опавшие листья с берёзки...

Мы прошли коридором, свернули направо, потом спустились в подвальное помещение. Там было сыро и пахло морем, а когда внезапно вспыхнувшее солнце ударило мне в лицо, я даже не успел зажмуриться. Протёр глаза, выдохнул, осмотрелся и вновь ничего не понял:

– Ребята, что происходит, где мы?

Мой крик души остался без ответа. Я стоял на небольшом пирсе, над головой висело огромное крымское небо, иссиня-голубое, с белоснежными облачками; до самого горизонта расстиралось бескрайнее море; за спиной шумел курортный городок, а мои соратники по музею спокойно усаживались в небольшой, покачивающийся на волнах катер. На вид новенький и весьма недешёвый, но кто знает...

– «Феб», – автоматически прочёл я название на корме.

Судно оказалось вполне вместительным – с натяжной крышей и небольшой кабиной со всеми наворотами, – рассчитанным на шесть посадочных мест. За штурвалом уже стоял жутко довольный собой Денисыч, весь в белом: белой тунике, белых кроссовках и носочках и белой капитанской фуражке набекрень. У его ног лежала неизменная холщовая сумка – похоже, он не расстанется с ней никогда и нигде.

– Дорогой, что у нас на сегодня? По выражению твоего глаза вижу, что ты приготовил мне сюрприз.

– Ты восхитительно проницательна.

– Это нетрудно. Я всегда читала тебя как книгу.

– Нас – как книгу?

– Ну, можно выразиться и так. Я слушаю, рассказывай, как они умрут.

– Не хочу портить игру, но дам подсказку: под выстрелы, грохот и скрежет зубовой!

– А ты интриган...

– Я хочу тебя.

– Ждём, ждём, ждём.

– Прошу всех на борт! Наше судно отправляется в двухчасовой круиз вдоль побережья Гурзуфа, мы увидим знаменитую дачу Чехова, Пушкинские скалы, полюбуемся на гору Медведь, а по пути следования желающие могут искупаться в открытом морюшке! Может, кому винишка?

– Мне, мне!

– Он у вас всегда пьёт?

– Таким он создан, бесполезно спорить с природой божественного, – безмятежно откликнулась девушка, занимая место у правого борта и забирая золотые волосы в высокий хвост. – Не переживайте, Александр, наш Диня хоть и дурак редкостный, но дело своё знает, и на него можно положиться.

Наверное, я покраснел, потому что она быстро добавила:

– Не во ВСЕХ смыслах, но положиться можно.

Здоровяк Земнов, скинув швартовый канат, сел напротив нас, мягко уравнивая судно. Мы ещё пару минут покачались на волнах, а потом чернобородый специалист по древним языкам с дебилистическим хохотом резко вдарил по газам, заложив такой крутой вираж на выходе в море, что сначала меня кинуло на Светлану (и это было крайне приятно), а потом уже нас обоих – на Германа. Совершенно не тот эффект.

Но зато таким образом мне удалось чисто случайно коснуться губами её круглого плеча, и оставшуюся часть пути я ехал с самым блаженным выражением на лице. Представляете: всего один поцелуй – и весь мой день по маковку накрыт нирваной...

Естественно, все вокруг сделали вид, будто бы ничего не произошло. Типа для скромного музейного работника такие пируэты на подпрыгивающем на волнах белом катере на подводных крыльях – самое обычное и даже будничное дело.

Что ж, очень может быть. Люди творческих профессий часто отличаются некой оригинальностью, граничащей как минимум со странностями, а как максимум с психозом и фобиями. Если кто-то искренне считает музейных работников скучными, замкнутыми социофобами, запершимися в пыльных кабинетах за дряхлыми манускриптами или годами собирающими из крошечных осколков ночной горшок китайского императора, так вот эти ребята на борту опровергали любые стереотипы!

Солнце палило над головой, свежий бриз ласкал лицо и руки, а белый катер всё набирал обороты. Я два года отслужил на флоте, качка меня не волновала, хотя слегка напрягало то обстоятельство, что гидрокостюм достался только мне, а вот остальные словно на увеселительную прогулку собрались.

Красавица Афродита (признаю, что прозвище подходило ей идеально), закинув руки за голову, сняла заколку, вновь распуская волосы, и они золотой волной плескались на ветру. Герман, отстукивая пальцами ритм на собственном колене, мурлыкал себе под нос что-то в ритме гекзаметра, слов было не разобрать, но, возможно, он сочинял стихи.

Диня же был в своём репертуаре:

Флот вышел из Гурзуфа на отливе,

И, паруса взметнув до самых звёзд,

Мы на Босфорском узеньком проливе

Смогли надрать всем финикийцам хвост!

За нами Феб, за нами Зевс —

Не выдаст бог, свинья не съест!

Простенький текст компенсировался неплохими вокальными данными, а если верить присказке о том, что «без бокала нет вокала», то восстановленный на службе знаток древних языков, держа в одной руке штурвал, а в другой откупоренную амфору, вполне себе мог претендовать на членство в жюри передачи «Голос».

Ну, уж пел он лучше Басты, это точно...

Поверив греку древнему Эвклиду,

На вёслах отбивались от химер,

Там натянули Сциллу на Харибду

И напинали нимфам с Дарданелл...

За нами Марс или Арес,

На нас где сел, то там и слез!

В общем, я вроде и не заметил, каким образом мы сумели добраться до мерцающих оранжевых скал, покрытых изумрудно-зелёным лесом. Внизу были видны входы в три пещеры: теперь понятно, где нацистские захватчики спрятали сокровища разграбленного музея Пушкина. Мои спутники почти одновременно уставились на самую большую, пожалуй, туда мог войти даже наш катер.

— Аю-Даг, скала с древним названием Ява, мы прибыли, дамы и господа, — торжественно объявил «капитан». — Так не раскупорить ли нам перед самоубийством?

– Я бы предпочла назвать это жертвоприношением, но сама идея мне нравится, – нежно откликнулась Светлана. – Александр, выпьете?

– Нет, – неожиданно поднял твёрдый подбородок Земнов. – Не стоит праздновать, не сделал дела. Это может разгневать богов. Самый малый вперёд.

А вот сейчас мне уже совершенно не хотелось лезть куда-то в пещеру, и я бы, наверное, даже выпил немного для храбрости, но моего мнения никто не спрашивал. Судя же по тому, как подчинились остальные, Герман реально был авторитетом в полевых условиях.

И вот как раз именно это успокаивало: если кому и можно было безоговорочно доверять, то лишь ему. Земнов не умел врать, но был готов в любой момент вписаться в разборки ради друзей, а свою силу и отвагу он продемонстрировал в бою с тем белым быком.

Но нет, конечно, никакой демонстрацией там и не пахло. Могучий знаток мрамора и бронзы просто делал то, что считал нужным, не ожидая награды или похвалы...

Денисыч уверенно направил катер прямо в пещеру, останавливаясь под её высокими неровными сводами. Далеко не полез, тормознув у небольшой площадки, где начиналась тропа или, скорее, просто шёл ряд маленьких выступов и камней, по которым можно было осторожно пробраться внутрь.

– Удачи, мальчики! Я позагораю тут...

Мы, трое мужчин, поочерёдно покинули судно. Ладони слегка потряхивало от адреналина, поскольку до этого момента мне ни разу не приходилось участвовать в археологических раскопках, и уж тем более в поиске сокровищ.

Явно несанкционированном. Уверен, что, схвати нас тут за задницу полиция, разрешения на подобное мероприятие не нашлось бы ни у кого. Но это не главное, важнее другое: ни у Германа, ни у Дини ничего в руках не было. То есть не только современного металлоискателя, но даже обычной сапёрной лопатки. Странновато, нет?

Нам пришлось двигаться вдоль стены в глубь пещеры над самой кромкой плещущей воды. На середине пути, по факту уже через пять шагов, гигант признал, что дальше не пройдёт просто по габаритам.

– Буду ждать вас здесь, – грустно кивнул он. – Врежьте там кому-нибудь за меня...

– В смысле?

– Бро, не сомневайся! Я ещё немножечко накачу и один всех перекалечу!

– Э-э, а можно чуть поподробнее, о чём речь?

Вместо ответа бородатый спец подвинулся вперёд, а наш здоровяк лишь улыбнулся, ободряюще хлопнув меня по плечу. Очень легонько, с его точки зрения, но я вверх

тормашками рухнул с тропы в воду, едва успев высказаться в полёте:

– Mater tuam![4]

Коротко, но по существу. Вынырнув и отфыркиваясь как морской котик, я отмахнулся от извиняющегося товарища и просто поплыл вдоль тропинки. Подхихикивающий и подхрюкивающий Диня шёл рядом, согнувшись в три погибели, пока не остановился у стены. Дальше пути не было. Точка.

– Что теперь?

– Приплыли...

– Это я вижу, делать-то что? Здесь нет никакого входа.

– Ай, зема, вход есть, но... Типа дальше ты пойдёшь один, мне туда нельзя.

Я опять ничего не понял, но тут он вытащил из сумки очередную амфору и, недолго думая, расхреначил её в брызги о каменную стену. И прямо на моих глазах камень растаял, словно тонкий слой льда на зимнем окне, открывая проход. В граните были вырезаны ступени, ведущие куда-то внутрь и вверх.

Мне удалось поставить колено на первую, и стало понятно, что подняться вполне возможно, если пригнуться и наклонить голову.

– Двигай булками!

– А ты?

– Саня, говорю же, я никак, потом объясню, – Денисыч присел на камешек, опустив ноги в воду, и достал очередную ёмкость. – Ты ж у нас специалист по истории искусств широкого профиля, тебе и карты в руки! Тащи всё, что найдёшь ценного, потом на месте разберёмся. И это... короче...

– Да?

– Не бойся там: что они тебе сделают.

Кажется, я что-то упустил и, возможно, меня уже два или даже три раза пытались предупредить, но в самом слове «тайна» есть некая своеобразная магия – мне уже было невозможно передумать, отказаться и отступить. Я не мог и не хотел.

И дело не в мужской гордости или в неконтролируемом инстинкте учёного, стоящего на пороге нового открытия, хотя комплекс Индианы Джонса никто не отменял. Я всегда был достаточно флегматичен по жизни, то есть более практичен, чем романтичен, а такие люди обычно не попадают в приключения. Так вот именно здесь, в Крыму, меня вдруг настигла весёлая бацилла здорового авантюризма. Это было странно и непривычно.

– Но почему-то оно мне нравится, – сообщил я в темноту и включил фонарь.

Полоса желтоватого света озарила забетонированный коридор, постепенно поднимающийся вверх свод, проведённые под потолком провода, зарешеченные лампы, а потом слегка тронутую ржавчиной запылённую металлическую дверь с характерным чёрным крестом в круге – фашистская свастика. Круть, нет?

– Что ж, ребята, вы не ошиблись, – невольно присвистнул я. – А это настоящий немецкий бункер! Мы нашли его-о!

Дальше всё было как в кино. В том плане, что меня покинули последние остатки мозга, захлестнув сознание игристым шампанским кладоискателей. Я бросился вперёд, толкнул дверь плечом, и она открылась! Почему? А на тот момент для меня это не было важным!

Я даже не задумался о том, что германские инженеры дураками отродясь не были и, возможно, незваных гостей ждали какие-нибудь страшные ловушки! Вспомним, ведь даже Лара Крофт хоть и киношный персонаж, но просчитывала все шансы на неприятные сюрпризы и очертя голову никуда, дура душой, не лезла!

В отличие, как оказалось, от меня. Я полез...

Передо мной предстала довольно небольшая комната, заставленная длинными деревянными ящиками, картинами в рамах, мраморными скульптурами, десятком бронзовых бюстов, стопками старых книг и кипами бумаг в папках на завязочках. Три стены были украшены красными полотнами с той же чёрной свастикой в белом круге. Везде был слой пыли и жуткий, аж глаза резало, запах тлена.

Повинуясь случайному порыву, я потянул на себя рубильник у двери, и под потолком вспыхнули три тусклые лампы. Да, немцы умели строить, электричество работало до сих пор. Я выключил фонарь, с трудом сдерживая возбуждённое сердцебиение.

Такая находка могла стать настоящей сенсацией. Получается, что именно мне выпала невероятная удача первым увидеть всё это собственными глазами, потрогать, рассмотреть и передать назад людям! Фактически стать знаменитым в первый же рабочий день!

– Это невероятно, – я благоговейно опустил на одно колено, осторожно касаясь пальцами старых картин. – Какая коллекция...

Под слоем старой пыли на меня смотрели голубые глаза Мадонны с цветком самого великого Леонардо да Винчи. Два морских пейзажа Айвазовского с крейсерами, дымящими на фоне заката, портрет Пушкина Тропининской кисти, пара небольших парижских этюдов Коровина, бюст Некрасова, большое полотно безвестной деревеньки в средней полосе России...

– Неужели Левитан? – понятно, что голову я включил далеко не сразу, но лучше поздно, чем никогда. – С какого дьявола эрмитажный Леонардо находится здесь, а не в Санкт-

Петербурге? С чего вдруг в музее Пушкина бюст Некрасова? На картинах Айвазовского изображены парусники, но не трёхпалубные стальные суда. Коровин писал в Гурзуфе, это да, однако никак не парижские виды! Получается, что...

Я кинулся к скульптурам: гипсы для рисования в художественных школах, бронза только раскрашена под бронзу, большие памятные медали и барельефы – вообще гольный пластик. В двух папках были советские послевоенные газеты, дальше я не смотрел. Этот так называемый «нацистский» склад фактически был набит самыми бесстыжими подделками.

– Что за подстава? Кому вообще могло понадобиться устраивать такую непонятную...

В ответ неожиданно раздался протяжный скрипящий звук. Я резко обернулся к двери, но там никого не было. Потом послышалось что-то вроде поскрёбываний, постукиваний, а потом невнятное бормотание на немецком. Я наострил уши, на всякий пожарный даже схватившись за нож, хотя, наверное, задним умом понимал, как глупо выгляжу со стороны. Потом звуки прекратились.

– Чертовщина какая-то... Есть тут кто?

Разумеется, никто не спешил с объяснениями. Но как оказалось, ответить как раз таки было кому...

– Отличная идея! Фашисты сейчас в общеевропейском тренде. Не то чтобы я разделял их ценности, но...

– О, я бы знала!

– Не сомневаюсь. Однако этот, как его... Александр Грин... какое неподходящее имя... он же не выйдет из той пещеры?

– Откуда мне знать? Ведь это ты ставил ловушку.

– Да, но кто из нас прорицательница?

– Если подходить с научной точки зрения, то оба.

– Тьфу...

– Только не в мою сторону!

– Я пытался устроить тебе сюрприз.

– Устроил, спасибо.

– Дай я вытру.

– Ты только размажешь! Ну, фу-у же...

Разумеется, мне никто не ответил. Я даже успел выдохнуть, когда раздался лязгающий звук сработавшего затвора и с трёх больших ящиков у стен упали крышки.

– Hande hoch, russische Schwein![5]

Кажется, впервые с языка у меня слетела не латынь, и я позволил себе традиционную для России иную ненормативную лексику в соответствующих моменту идиоматических формах.

Потому что прямо сейчас передо мной встали двое немецких солдат в истлевшей форме Третьего рейха. Фактически это были скелеты в ошметках гнилой плоти, с провалившимися носами, горящими синими огоньками в пустых глазницах и частично выпавшими зубами.

– Натуральные зомби, по крайней мере, понятно, почему тут так воняло, – спокойно признал я. – Парни, а вы в курсе, что война, вообще-то, закончилась?

Первый страх улетучился мгновенно, потому что кто же, скажите, в современной России боится воскресших мертвецов? У нас каждый день со всех каналов телевидения транслируется куча фильмов, наших и не наших, едва ли не в документально-познавательной форме обучающих человека, как ему следует вести себя в подобной ситуации.

– Не бояться, не убегать, не пытаться навести контакт, не тыкать в них ножом, – вслух самому себе перечислил я, – а взять что-нибудь вроде гипсового бюста Некрасова и ка-а-к врезать...

Ближайший ко мне гитлеровец так словил по каске лбом великого русского поэта, что отлетел в стену, выпустив из рук «шмайссер». Впрочем, и Некрасову тоже досталось: гипс – материал хрупкий. Второй солдат даже успел развернуть оружие в мою сторону, когда я накрыл его эскизом к картине псевдо-Репина «Не ждали».

– А ведь часто говорят о двух полотнах Ильи Ефимовича – «Не ждали» и «Приплыли», – зачем-то пустился объяснять я. – Но если первая картина действительно принадлежит кисти Репина, то вторая просто висела рядом на той же выставке передвижников. На ней изображались скромные монахи, случайно приплывшие по реке на мелководье, где купались голые бабы. Типа такой социальный юмор от художника Льва Соловьёва. Кстати, правильное название картины: «Монахи (Не туда заехали)». Но вот не всегда образованная, однако смешливая публика сочла оба полотна очень подходящими для шутки: вы не ждали, а мы приплыли! Ну, или что-то в этом роде...

Пока зомби пытались встать на ноги, а я неизвестно для кого изображал занудного историковеда, из тех же ящиков полезли остальные. Минуты не прошло, как передо мной стоял десяток немецких солдат во главе с офицером. Внешность дорисуйте сами, просто напомним, что в состоянии живых мертвецов им пришлось провести больше семидесяти лет. Остальное домысливайте, как кому интересно, все же и так всё знают лучше прямого свидетеля произошедших событий.

– Да ну вас всех в ж... Господи ты боже, как произносится «задница» по-латыни?

Я бросился к выходу ровно за пару секунд до того, как офицер дал команду и вслед мне засвистели пули. Настоящие, полновесные, не как в компьютерной игре, а реально способные убивать. Это была не шутка, не розыгрыш или пранк, всё было всерьёз.

Каким чудом я успел захлопнуть за собой дверь, пересчитать спиной все ступени и вылететь в море – загадка, достойная сфинкса. Но Диня честно ждал меня на выходе, бултыхая ногами в воде...

– О, гляньте-ка, Саня нарисовался! Ну чо там, как? Рассказывай.

– Зомби. Фашисты. Валим.

– И чо типа вот это оно всё? Не, бро, так несерьёзно, душа просит подробностей и детализации. Давай жги!

И вот именно в этот момент первый нацист вылез из прохода. Специалист по древним языкам не задумываясь расшарашил тяжёлую амфору о его башку и сразу протянул мне руку. Дурацкие вопросы оставались на потом, мы, соскальзывая и поддерживая друг друга, ползли вдоль стены к выходу, а за нами рвались неубиваемые солдаты Гитлера.

Того, кто мёртв, второй раз загасить сложно, в этом плане «Игры престолов» говорят правду. Но, с другой стороны, ведь и работу братьев Винчестеров никто не отменял? Мы успели попасть под защиту могучего Германа до того, как любого из нас утянули бы под воду. Земнов бесстрашно бросился вперёд, буквально размалывая зомбаков на составные части.

Я вылез на площадку, пытаюсь докричаться до Светланы. Дело в том, что незакреплённый катер волнами отнесло метров на сто в сторону. Девушка не слышала меня, разлёгшись на носу в полном неглиже и подставляя своё совершенное тело лучам южного солнца. Но что хуже всего, к ней с двух сторон неслись два похожих катерка, набитых знойными восточными мужчинами...

– Пьянючие-е... в гавань! – профессионально определил мой напарник. – Судя по запаху, армянский коньяк. Аж завидно, честное слово...

– Но она там одна?!

– Светка, что ли? Я тя умоляю, зема, уж кто-кто, а наша Афродита сумеет о себе позаботиться.

Меж тем Герман вылез из воды, на нём был с десяток мелких порезов или царапин, зато всё море внутри пещеры походило на какой-то жуткий суп-солянку из обломков или останков нацистов. У некоторых оторванных голов по-прежнему горели глаза и скрежетали зубы, а из бункера лезли и лезли новые. Сколько же их там?

– Все умеют плавать?

– Обижает, бро!

Мы дружно, в едином порыве, выбросились в волны тёплого Чёрного моря, загребая к нашему судну. Однако чужие катера достигли его первыми. Но то, что произошло прямо на моих глазах, было нереальным и естественным одновременно. Ох...

Светлана Гребнева даже не повернула головы, то есть она просто продолжала загорать, как на безопасном нудистском пляже, а вот волосатые мужики так и не смогли согласовать, кто первый пойдёт с ней знакомиться. Дальше сами понимаете.

Слово за слово, завязалась драка, и к тому моменту, когда мы доплыли до борта «Феба», все жаждущие любви и ласки плевались в воде, вынужденно охлаждая свой пыл. Девушка завернулась в полотенце, улыбаясь мне с самым безмятежным видом:

– Вы живы, Александр? Удивительно, не ожидала, но, возможно, у богов на вас другие планы. Расскажите же, что там было?

– Сначала валим отсюда.

– Нет, союзники, сначала выпьем!

Герман хотел было поддержать меня, но сбился и неожиданно ткнул пальцем в сторону скал. К нам хорошим кролем приближались ещё с десятков зомби. Морская вода их не пугала. Но даже если мы и могли бы просто дать по газам, то люди, пусть и озабоченные, находились в опасности. И мои новые друзья это поняли.

– Феоктист Эдуардович, – могучий великан принял из рук Светланы свой сотовый телефон, – у нас тут некоторые проблемы. Не посмотрите?

Не знаю уж, на какие кнопки он надавил и какие каналы подключил, но практически в ту же секунду над головами зомби за клубился лёгкий дымок, и солнечные лучи сожгли их всех буквально в пепел. Наверное, какое-то новое российское оружие типа боевого лазера «Задира», способного просто воспламенить вражеские беспилотные аппараты в воздухе на любой высоте.

До пристани мы добрались в считанные минуты. И это ещё несмотря на то (а может, благодаря тому!), что Денисыч на нервах вылил в себя сразу две литровые амфоры. Да что говорить, мы там все пригубили по стаканчику ради успокоения нервов.

Я рассказал о подделках и тайной засаде зомби, Светлана гладила меня по плечу, ежеминутно повторяя, что не в состоянии понять, почему я до сих пор живой. Герман Земнов слушал сурово и задавал вопросы по существу. Чувствовалось, что этот человек прошёл сложный жизненный путь, был не в одной горячей точке и уж насмотрелся всякого.

Знатоки древних языков вертел штурвал, продолжая прихлёбывать и пить. Казалось, его гимн греческим героям не имел ни начала ни конца, а просто формировался под настроение...

Зашли в Гурзуф, под Пушкинские скалы,

Фашисты налетели, но бог есть!

Пока они пугали нас оскалом,

Мы свастику заставили их съесть!

За нами Гера и сам Аид,

А кто не с нами, уже убит...

...Много позже я узнал, что беззаботный пьянчужка Диня, кроме того что он реально владеет кучей древних языков, между делом не такой плохой поэт. Просто от него ждут дешёвых стишков и песнопений на праздники, юбилеи, похороны, дни рождения или любые другие торжества, где разрешено выпить. Хотя бы чисто символически, по чуть-чуть.

Ну и, соответственно, любая поэзия также воспринимается лишь на уровне разгорячённого спиртом мозга. Лирика тут не катит, философия тоже. А вот яркое, короткое четверостишие, способное сойти за тост, будет самое оно. Уж так сложилось, ничего не поделаешь.

Примерно через час – полчаса – сорок минут, не знаю, мы уже стояли в кабинете Феоктиста Эдуардовича. Директор внимательно смотрел на нас сквозь тёмные очки и наконец-то предоставил слово мне:

– Грин, вы ведь единственный, кто был внутри бункера? Если в двух словах, кратко, докладывайте.

– Это подделки.

– И?..

– Вы сами просили в двух словах.

Великан укоризненно толкнул меня локтем, а вот Светлана, наоборот, ободряюще улыбнулась. Короче, потом я максимально подробно описал всё, что видел в пещере нацистов, и убедительно доказал: ничего из представленного не могло быть истинными сокровищами музея Пушкина.

То, что вывезли нацисты, не так легко найти, а вся цель создания этого фальшивого «бункера», возможно, была лишь в том, чтобы просто убить всех любопытствующих. Хотя лично я не понимаю, как возможно воскресить мертвецов, сделать из них зомби, направлять и целенаправленно провоцировать их на агрессию к любому живому человеку. По крайней мере, современная наука никак это не объясняет, что уж говорить о временах Великой Отечественной...

– Вы уверены? – в голосе директора «Херсонеса» как раз таки звучала крайняя неуверенность.

– Да, картины – подделки. Мраморные скульптуры из гипса, вся бронза тоже раскрашенный гипс. Я не знаю, кому и зачем понадобилась такая дебильная шутка, но, может быть, это так развлекаются конкуренты из какого-нибудь другого музея?

За моей спиной раздался утроенный вздох. Герман, Светлана и Денисыч одновременно прикрыли рты, настороженно переглядываясь, словно каким-то чудом я попал в цель.

Директор выразительно глянул на них, опустил взгляд в какие-то бумаги, два раза что-то подчеркнул старой перьевой ручкой и улыбнулся мне:

– Поздравляю вас, Александр Грин. Вы с честью выдержали испытательный срок, проявив выдержку и храбрость. Никого не сдали, ни разу не отступили, а мелкие огрехи случаются у каждого, даже у меня. Но отныне вы можете считать себя полноценным сотрудником нашей команды. Держите!

Он протянул мне новенькую красную корочку – удостоверение музейного работника. Фотография из моего личного дела, начальственная подпись плюс круглая синяя печать «Херсонес».

– Огромное спасибо, – даже опешил я.

– Заслуженно, молодой человек. Поздравляю! Денисыч, накроешь поляну?

– Уже метнулся исполнять!

– Светлана Сергеевна, Афродита вы наша, одна просьба, ну не надо так уж активно провоцировать мужской пол. Вам-то прикрыться нетрудно, а там двоих бедолаг врачам пришлось откачивать на берегу, чуть не утонули люди от возбуждения. Я понимаю, что они сами виноваты, но вы уж как-нибудь, а?..

Золотоволосая девушка равнодушно кивнула. Чувствовалось, что подобные просьбы или разносы для неё не впервой и реагировать на них она не собирается от слова «никак».

– Земнов, к вам претензий нет. Задание проведено с минимальными имиджевыми потерями, впрочем, почти как и всегда. Представлю к премии.

– Но...

– Разумеется, не только вас, но и остальных сотрудников. Все свободны!

И лишь когда мы развернулись на выход, за моей спиной раздалось классическое:

– А вас, Грин, я попрошу остаться.

Директор дождался, пока за Германом закроется дверь, и жестом указал мне на кресло. Я сел, переодеться времени не было, но гидрокостюм почти высох. Пару ссадин слегка пощипывало от морской соли, но в целом легко отделался и, более того, был готов полезть в

ту пещеру ещё раз. Передо мной вновь поставили тот же бокал красного вина, на этот раз отказываться было просто невежливо.

– Как я понимаю, у вас ко мне вопросы? Спрашивайте, молодой человек, я весь к вашим услугам.

– Можно узнать, так вы всё-таки частная военная компания или музей?

– Частный выставочный комплекс, – поправил он.

– И чем вы занимаетесь?

– Тем же, чем и все подобные организации, – сохранением культурных ценностей. Ну, кроме того, иногда мы их ищем, находим и возвращаем на историческую родину, – Феоктист Эдуардович коснулся краем своего бокала о мой, послушал хрустальный звон, сделал глоток, покатал вино во рту и продолжил: – Порой нам приходится пользоваться не самыми цивилизованными методами, иногда нарушая правила, но чаще всего просто находя лазейки в законодательстве России и других стран. Как говорится, *exitus acta probat*.

– Цель оправдывает средства, – согласился я. – Так чем мне предстоит заниматься? Лазить по подземельям Калининграда, сражаться с вампирами Подмосковья, искать Янтарную комнату?

– Можно подумать, вам это не нравится? Александр, ещё до того, как ваш самолёт сел в аэропорт имени Айвазовского, мы уже прекрасно знали, кто вы и что из себя представляете. Уверен, что вы вольётесь в наш коллектив. Но позволю себе дать некоторые советы на будущее.

Я кивнул, не выпуская удостоверение из рук.

– Итак, не разрешайте Герману доминировать. Он хороший парень, но частенько переувлекается заботой о своей команде. Не стройте планов относительно Гребневой. Сколько я её знаю, ещё ни один смертный не смог закрутить с ней долгосрочного романа. С Диней вы подружились или подружитесь, он балабол и пьяница, но далеко не дурак. А вот грубить нашему сторожу не стоит категорически.

– Я не грубил.

– Но вы собирались. Так вот, поверьте, не надо. Сосо по-своему честен и уж верен, как цепной пёс. Его не обязательно любить, достаточно просто уважать. Да, ещё. Не ходите по нашим коридорам в одиночку, это натуральный лабиринт. Как проектировалось здание остаётся только гадать, архитектор был либо пьян, либо вообще вредитель, вы заблудитесь в трёх соснах. Что-то ещё?

Мне на минуточку захотелось спросить, почему он не снимает тёмные очки в помещении, но, наверное, это было невежливо. Мало ли причин, по которым у людей слишком чувствительная радужка или проблемы со слезоточивостью век?

– Пожалуй, пока нет. С вашего разрешения, займусь изучением музея, экспозиции, запасников и всего прочего.

– Не возражаю. Но я хотел попросить вас об одолжении: если будете рисовать – а вы будете, – пожалуйста, показывайте мне, что у вас получилось. Обещаю не отнимать и не критиковать!

Естественно, мне пришлось вновь кивнуть. В принципе, ничего ужасного в такой просьбе не было.

– Вот и отлично! Но сначала отпразднуем ваше боевое крещение! Идите в сад, там соберутся все сотрудники. Меня не ждите, мне нужно отправить пару срочных писем.

– А-а, простите, – вдруг вспомнил я. – Вам никто не говорил, что у вас профиль Аполлона Бельведерского?

– Много и много раз, – Феоктист Эдуардович привстал, с улыбкой протянул мне ладонь, и после крепкого рукопожатия я отправился на поиски своей комнаты.

Как вы понимаете, мне нужно было хотя бы переодеться, а потом и перекусить не помешало бы. От вегетарианского завтрака в животе остались одни печальные воспоминания. Надеюсь, на обед здесь подают что-нибудь более существенное, чем фрукты, мёд и молоко...

– Это роковая случайность.

– Все вы так говорите...

– Кто все, я у тебя один.

– И что? Я не вправе знать других? Милый, а тебе не кажется, что ты меня подавляешь?

– Каким образом?! Это просто невозможно физически.

– Всё равно ты абьюзер.

– Тебе расстегнуть половинку лифчика?

– Да. О-о, да...

– Я всё ещё подавляю тебя?

– Разумеется, но ты умеешь довести женщину до оргазма-а...

...Я пошёл по коридору направо, свернул за угол, ничего там не обнаружил, повернул направо, опять повернул... ни дверей, ни табличек, хоть бы какой план прохода в этом странном лабиринте повесили. Ну, хотя бы в целях пожарной эвакуации, честное слово. Мне

пришлось блуждать довольно долго, минут пятнадцать – двадцать, при этом не обнаружив ровно ничего.

Логика вступала в противоречие с реальностью: дом был большой, но ведь не огромный. Откуда здесь такие длинные переходы? Почему когда мы идём с кем-либо из сотрудников музея, то без труда попадаем в нужное место? Оставалось сесть на пол, прислонившись спиной к стене, и просто орать в полный голос, пока меня не услышат и не придут на помощь. Я был готов уже и на это.

Одну дверь мне всё-таки найти удалось, но открыть её не получилось. А когда прислушался, мне даже показалось, что там внутри бродит и дышит какой-то большой зверь; из-под косяка доносился запах навоза и крови, как со скотобойни. Так, может быть, очень даже хорошо, что замки надёжные. И тут из-за поворота послышались тяжёлые шаги, я бодро вскочил на ноги, встретившись с мрачным взглядом сторожа.

– Идём, – бросил он.

Разумеется, я поспешил последовать за ним. Но идти молча казалось невежливым, к тому же, помнится, директор просил относиться к грузину с уважением. Я попытался вежливо завязать разговор, но, честно говоря, получалось не очень...

– Знаете, а мой отец лет тридцать назад был в Тбилиси. Удивительный город, как он рассказывал, невероятное сочетание советской архитектуры с историческими развалинами, старого города с новомодным авангардом. Но грузинская кухня – это вообще нечто! Чахохбили, сациви, хачапури, хинкали... Хинкали – это ведь не пельмени, верно? Называть их пельменями почти святотатство! Он рассказывал, как правильно их есть: сначала нужно прокусить...

Сторож проворчал что-то невнятное, из чего можно было сделать вывод: фанатом грузинской кухни он не является. Хотя мясо, похоже, любит.

– Знаете, ещё его поразило ваше вино. Вроде как он зашёл в супермаркет на Руставели и по совету продавщиц купил трёхлитровую бадейку сухого красного вина в пластике. Не помню, как называется, но не «Мукузани» и не «Саперави». Так вот литр он выпил в отеле, а оставшиеся два просто вылил себе в ванну! А почему? Потому что вино у вас стоило дешевле, чем вода! Это же просто невероятно, правда?

Церберидзе обернулся и посмотрел мне в глаза. В его взгляде читалось неизбывное презрение ко всем, кто потребляет для утоления жажды хоть что-то, кроме чистой воды. Я нарвался на грузина-трезвенника, как вообще такое возможно?!

Но вообще-то, да. На истории искусств, изучая знаменитую галерею портретов героев войны тысяча восемьсот двенадцатого года, преподаватель мимоходом рассказывал нам, что генерал Багратион (Багратионашвили) не употреблял ни капли спиртного! Бывают же совпадения...

– Ещё, знаете, он отметил толстых и ленивых тбилисских котов. Бродячих собак на улицах не было, за этим следят, а вот коты и кошки буквально в каждом дворе. Причём такие независимые, вроде как протянешь руку погладить, так они на «кис-кис» даже не отзываются. Видимо, ждут обращения на грузинском языке?

Мне казалось, что я слегка пошутил, но почему-то именно последняя тема задела неведомые доселе струны в тёмной душе сторожа. Он было схватил меня за рукав, требуя подробностей: где конкретно находятся эти наглые коты, какие они, сколько их, домашние, дикие, в каких местах наибольшая концентрация популяции?

Но отвечать не пришлось, мы уже пришли. За какие-то четыре-пять минут он вывел меня к моей комнате, дождался, пока я быстро переоденусь, и так же молча сопровождал в сад, хотя я уверен, если бы мне пришлось блуждать по коридорам самому, то вырваться на свободу к вечеру уже было бы хорошим результатом. Надо попросить у кого-нибудь из сотрудников схему переходов в здании, а то так ведь и заблудиться недолго.

– Саня, зема, бро! Герой дня нарисовался!

Мне навстречу кинулся Денисыч с двумя амфорами в обеих руках. У фонтана, под зелёным сводом, на том же столе была расстелена белая скатерть с греческим узором по краю, а на ней высилась целая куча разнообразных блюд. Жареная баранина, запечённые овощи, всяческие фрукты в вазе, так называемый греческий салат, горячая мусака трёх видов, неизменные белый хлеб, мёд и молоко. На всех – четыре тарелки, но пять бокалов.

– Старикана Церберидзе даже не зови, он не умеет вести себя за столом, – на ушко пояснил Диня. – Светоч наш директорский с челядью не ест, хорошо, если вина прихлюпнет. Но, кстати, прихлюпывает он знатно, ибо в алкашке разбирается, почти как я!

Я на минуточку хотел расспросить его о той странной фразе (если кто забыл, у входа в пещеру он сказал мне: «Не бойсь, что они тебе сделают...»). То есть, получается, он знал, что там будут зомби? Да, разумеется, он всё знал, как и остальные знали!

Ох, ребята, ваши пранки и розыгрыши, так называемое «посвящение в музейные ряды» давно устарели и не работают. Но признаю: актёры, грим, запах, холостые патроны, общий антураж, конечно, поражают. Было круто, это впечатляет...

– Да, я буду счастлив с вами поработать.

– Зема, ты о чём?

– Обо всём и сразу, – я встал у стола, самолично наполнил свой бокал и, не дожидаясь остальных, в четыре глотка выпил вино. – Пусть все боги, покровительствующие истории искусств, всегда будут на нашей стороне!

Герман, Светлана и Диня безропотно выпили по глотку, глядя на меня несколько округлившимися глазами. Я победно улыбнулся: значит, они поняли, что мне известна их

шутка и я готов играть по их правилам. В конце концов, на новой работе в Крыму ко мне отнеслись без предвзятости, питерского высокомерия или московского снобизма.

Ну а приколы у каждого свои, иначе трудно всю жизнь посвятить уходу за рассыпающимися рукописями или изучению гравюр Дюрера на предмет скрытых в них масонских символов. Музейщики – это всё-таки своеобразная каста, и, наверное, мне повезло быть причастным к одному из их древних кланов...

Далее был поздний обед, плавно перешедший в ранний ужин. Тосты произносил один я, поскольку из всей нашей компании их знал лишь Диня, да и тот вечно повторял одну и ту же фразу: «Хвала Дионису!» – и никто с ним не спорил.

Если вы помните школьный курс мифов Древней Греции, то этот самый Дионис считался богом виноделия. На каменистых островах плохо росла пшеница, зато виноград буквально пёр из-под земли, так что греки успешно меняли вино на зерно, что вполне объясняет священный культ Диониса на этих территориях. Возносить ему громкие хвалы в Крыму тоже было совершенно логичным и правильным!

Первый виноград сюда завезли греческие колонисты, они же его культивировали и доводили до совершенства, так что по сей день крымские вина «Массандра», «Коктебель», «Агора», «Инкерман», «Саук-Дере», «Князь Голицынъ» являются лучшими на территории России! За эту землю, подаренную нам Потёмкиным и Екатериной, стоило воевать, и её никогда нельзя отдавать никому на свете...

Примерно через часок к нам таки присоединился Феокист Эдуардович. Как и предупреждал наш вечно поддатый приятель, директор не присел за стол, не съел даже единую оливку, а лишь стоя поднял бокал, толкнув коротенькую речь:

– Друзья и соратники! В наших рядах произошло пополнение. Все мы помним искусствоведов Николая Утехина, Петра Изюмского, Валерия Скотникова, Алексея Лужко и многих других, что прошли мимо нас и чей путь был столь же ярок, сколь и краток... Вечная им память.

Все на минуту склонили головы и выпили не чокаясь.

– Но сегодня дружный коллектив нашего музея пополнился новым молодым, дерзким и удачливым – не побоюсь этого слова – специалистом по истории искусств широкого профиля, художником и вообще хорошим человеком! Александр – это прекрасное древнее имя, обозначающее «защитника мужей», то есть полководца и воителя. И пусть мы не ведём войны, а занимаемся самым мирным, тихим музейным делом, наша команда будет рада принять вас в свою дружную семью!

Все дружно встали, стукнули днищами полных бокалов о стол, проливая вино, а потом столь же единодушно протянули их в мою сторону. Я даже чуть не расплакался, честное слово. Мне было предложено подойти к каждому из сотрудников, произнося одни и те же подсказанные директором слова:

– Что бы ни было, где бы ни было – мы вместе!

В ответ мне торжественно клялись:

– На Олимпе или в царстве Аида – всегда вместе!

Короче, если вы поняли, так красиво и торжественно меня ещё ни разу не принимали на работу. Это было вдохновляюще и романтично...

Что там должно было быть дальше после многозначительного «романтично», я, честно говоря, уже и не помню. Вроде бы мы засиделись до темноты, до первых звёзд над головой. А потом как-то незаметно рассосались по своим комнатам. Меня вырубил почти сразу.

Вроде бы часом (двумя, тремя) позже дверь скрипнула, потом кто-то тёплый и голый залез ко мне в кровать, но я был совершенно не в том состоянии, чтобы хоть как-то реагировать. Просто обнял Светлану за широкие плечи и уснул сном младенца. Пробуждение было весёлым...

– Саня, ты уж так ко мне не прижимайся. Не то чтоб я сразу был весь против, но мне хотя бы выпить надо, настроиться...

– Денисыч?! – я пинком колена вышиб его из своей кровати. – Какого ты... Acta est fabula[6]. Сваливай, короче!

Он не обиделся, его вообще трудно задеть за живое. Как оказалось, вчера мы засиделись до вечера, так что именно Диня помог мне дойти до моей комнаты, сгрузил на кровать и настолько устал, что присел на краешек отдышаться, но сам не заметил, как там же и уснул. Спать он способен в любом месте и в любом положении, а поскольку всегда находится в поддатом состоянии, то и спит хорошо, и сны ему плохие не снятся.

Пока наш специалист по древним языкам, сперев моё полотенце, отправился в душевую, я смог наконец-то заняться рисованием. И пусть я не профессионал, не состою в союзах художников, но в зарисовке своих воспоминаний обычной гелевой ручкой или чёрным фломастером есть некое медитативное просвещение. Становится зорче глаз, твёрже рука, чище голова и чутче сердце. Блокнот быстро наполнялся рисунками последних событий. Ну и тем более что мои сёстры-близняшки обожают мои рисунки...

Хорошо рисовал мой отец, даже преподавал в художественной школе. Именно он и привил мне любовь к изобразительному искусству и его истории – от первых наскальных изображений до современных граффити или махрового концептуализма. Это когда хрестоматийный вопрос: «Скажите мне как художник художнику, вы рисовать умеете?» – становится уже просто оскорбительным. Я попробую пояснить.

В наше время модный перформансер может ни разу не держать в руках кисть, не пачкаться краской, не возиться с глиной или кусками мрамора, ничего не знать о цвете и перспективе, ни разу не нюхать скипидар (а нюхать совсем другое), но тем не менее считается

гениальным художником! Если кому очень уж интересно, так я навскидку назову с десяток таких раскрученных имён.

Но суть не в этом. Просто ещё со времён службы на флоте мне было скучно писать домой короткие эсэмэски или звонить. Зарисовывать увиденное всегда гораздо интереснее. И пусть мне порой доставалось от старшины, но зато меня частенько отряжали написать для флотского начальства какую-нибудь немудрёную картину. Служба давно закончилась, а привычка к рисованию осталась...

– Ты слышала, они вспомнили всех. Сами их загубили, а теперь вспоминают.

– Вообще-то это моя заслуга. Ты отказалась убивать.

– Но я помогала тебе устраивать засады, заманивать в ловушку, и в конце концов...

– Да, да, ты была голодна.

– Я всегда голодна.

– О, уж я-то в курсе...

– Что?!

– В смысле «что»?

– Ты сказал, что я толстая!

– Мама-а...

– Ого, да ты творец? Дай глянуть, – вернувшийся Диня ловко выхватил у меня блокнот. – Это Светка? Ничо, похожа. А Герману ты чёт плечи разбабахал. Это я? Это не я! Это вообще карикатура какая-то! Сожги сейчас же! Жги, говорю, а то обижусь.

Я отобрал у него рисунки и, разумеется, сжигать ничего не собирался.

– Какая у вас здесь Сеть? Мне нужно подключить интернет.

– Ну... так-то он только у директора, но, если обещаешь не показывать мой портрет остальным, так и быть, скажу пароль.

– Договорились.

– 24vek.zevsa.@ve4no.net.

Я забил настройки вайфая. Вроде подключается, но связь аховая.

– Наследие мрачных потсхрущёвских времён, – поддакнул Денисыч, заглядывая мне через

плечо. – Слушай, бро, а подари мне этот рисунок? Ты ещё кучу таких сделаешь, а я тебе даже попозировать могу, как Фрина Праксителю.

– То есть голым? Вот этого точно не надо. Просто возьми на память.

– Дурачочек, – голосом Голема из «Властелина колец» захихикал он. – Наивная душа, мог бы что-нибудь слупить с меня за подарок.

– Мы же друзья.

– Кто? Мы?! Типа что ли ты и я? Ой, бро, я тебя умоляю, с таким, как я, не дружат...

– С чего вдруг?

Диня присел на краешек кровати, одутловатое лицо его стало очень серьёзным.

– Ты думаешь, почему мы все здесь? Очень любим возиться с пыльными артефактами, ржавыми пряжками и битыми-перебитыми черепками? Светка обожает расписную посуду? Германа хлебом не корми, дай мрамор полапать? Я знаю два раза по шестнадцать на фиг никому не пощекотавшихся языков, а смысл? Директор из дома уходит с рассвета до заката, туда только переночевать идёт, значит, очень хорошо ему там, да?

– Расскажи, – сухо попросил я.

Он покосился на сумку в углу, мне пришлось встать и достать из неё холодную амфору, и после двух-трёх больших глотков прямо из горла Диня вытер губы и тяжело вздохнул. Речь его была не всегда связной, где-то он уходил в себя, где-то, наоборот, тараторил с такой пулемётной скоростью, что мне приходилось переспрашивать. Учтите ещё, что время от времени (то есть через очень короткие промежутки) Диня делал глоток-другой. Но тем не менее что-то важное я для себя вычленил.

Светлана Сергеевна Гребнева до поступления на работу в музей успела побывать замужем. Её супруг был некрасив и хромоног, зато владел собственной металлургической компанией. В общем, они были слишком разные, и в итоге она изменила ему с каким-то военным, тоже из высоких чинов, вроде бы даже родила от него, но отношения с детьми не заладились. Всё кончилось разводом, истериками, лечением от депрессии, и вот уже третий год она трудится в Крыму.

Герман Земнов раньше был известным спортсменом. Культуризм, поднятие тяжестей, экстрим, участвовал в соревнованиях, даже потрудился знаменитым тренером и консультантом в нескольких фильмах. Был женат, жена трагически погибла.

Виня себя в её смерти, ушёл добровольцем в Сербию, плавал на крейсере, не поладил с начальством, шлялся по горам, ища просветления, сидел в иранской тюрьме, где над ним измывались, заставляя носить женское платье. Но в конце концов его буквально за шиворот вытащил директор «Херсонеса», предложив стабильную работу и весь пакет социальных гарантий. Просто примите это как данность.

Сам Феоктист Эдуардович действительно страдал редким заболеванием глаз и вынужденно носил тёмные очки даже в помещении. Он организовал частную фирму и сам музей по просьбе своей сестры, ярой экозащитницы и старой девы одновременно.

Женат ни разу не был, как-то не срослось, хотя мужчина видный и, мягко говоря, не бедный. Имеет серьёзные связи в верхах, уровень информации почти запредельный. Добряк, каких поискать, но сердить его не рекомендуется: пару раз на глазах сотрудников буквально впадал в неконтролируемую ярость, вспыхивал ежеминутно ни из-за чего, было дело, чуть не спалил весь музей!

– А ты?

– Чо я? Я... этот... пьянь зель-ная, вот. Какой от меня толк? Вышиб-бали отовсюду, людишки злые... ничо они ни-и поним-мают. Ни-и вхо-одют в по-ло-жение... Фсё! Пошли завтр... тр... тркать?

– Может, тебе прилечь лучше?

– Может...

Он свернулся калачиком у меня на кровати, я прикрыл его тонким покрывалом и посмотрел в окно. Солнце поднималось всё выше, надеюсь, уже больше восьми и наша прекрасная сотрудница не ходит голой по коридорам. Умывшись и приведя себя в порядок, я относительно легко нашёл дорогу из спального крыла в сад.

Герман и Светлана уже были там. Стол был накрыт почти как и вчера утром: ничего мясного или рыбного, всё лёгкое, но питательное.

– Херсонес основали греки, – зачем-то начал объяснять мне Земнов. – А они всегда были противниками пустых обжорств. Традиции многочасовых пиров пришли к нам с востока, вечные войны с персами и турками взаимообогащали культуры народов, но...

– Какой он нудный, правда? Садитесь, Александр.

– Можно просто Саша, – я опустился на скамью рядом с девушкой.

– Александр звучит благороднее, – не согласилась она. – А где наш несносный Диня? Вчера вы ушли вместе.

– Невежливо об этом спрашивать, – опустил взгляд здоровяк. – Они оба взрослые люди, с кем захотели, с тем и ушли.

– Ой, да можно подумать, я ревную...

– Денисыч спит, – поспешил вмешаться я, пока их намёки не переросли в утверждения. – Он успел набраться уже с утра. И нет, между нами ничего не было, мы просто друзья.

– В этом нет ничего дурного. Просто друзья тоже могут быть...

– Я сказал – нет! – мне пришлось последовать совету директора, повысив голос на Германа.
– Не нужно за меня заступаться. Лично я стою за традиционные отношения между полами. Но если пьяненький друг уснул в моей... комнате, то я его не выгоняю. Так понятно? Ещё вопросы?

Все опустили глаза и переключились на завтрак. Наша Афродита и вправду ободряюще похлопала меня по колену под столом, но этого никто не видел. И вот, поверьте, я готов был поклясться чем угодно, что невозможно представить, будто бы эта девушка (женщина, да?) уже рожала, имела детей, как вообще было трудно представить её в чьих-либо объятьях. Ну, кроме моих собственных. Какой там металлург, какой военный, что за бред...

После завтрака, когда бутерброды с сыром, мёдом и молоком уже не лезли в горло и мы лениво грызли орехи, я спросил:

– Что у нас на сегодня?

– Отдыхаем, – спокойно ответили мне.

– В смысле? То есть мы ровно сидим тут в саду, ничего не делаем, не занимаемся научной работой, не проводим экскурсии для посетителей, не разбираем архивы, не переписываем коллекции, вообще ничего не делаем?

– Здорово, правда?

– Нет, – отрезал я, решительно вставая и аккуратно снимая с колена нежную руку прекрасной сотрудницы. Звучит патетично, но так оно и было. – Я приехал сюда строить карьеру, учиться чему-то новому, расти как специалист, делать что-то полезное. А вы – нет, никак?

Светлана и Герман неуверенно переглянулись и одновременно прыснули:

– Нет, конечно!

Я был уверен, что моя пламенная речь найдёт хоть какой-то отклик, но, как оказалось, жестоко ошибался. Сотрудники «Херсонеса» явно не были бурными энтузиастами своего дела, и, наверное, лишь пьяненький знаток древних языков говорил правду: все они здесь не по своей воле, а лишь благодаря капризу судьбы. И ничего ты с этим не поделаешь.

Но если Герман сумел взять себя в руки чисто из понятий мужского братства, то Гребнева смотрела на меня искоса с непередаваемой смесью насмешки и сострадания, словно на отбитого на всю башку домашнего мопса, вообразившего себя волкодавом. Такое бывает.

Положение спас вдруг откуда-то появившийся в саду Церберидзе. Кстати, как он это делал, ума не приложу? Словно возникал прямо из-под земли, честное слово.

– Господин ждёт. Всех.

Мы с Земновым поднялись из-за стола.

– Высшие боги не любят ждать, – сторож нахмурил брови в сторону девушки.

– Никто не любит, – равнодушно парировала она. – Попудрю носик и присоединюсь.

Горбатый старик зарычал, как три пса одновременно, я открыл было рот, но тяжёлая ладонь Германа легла на моё плечо:

– Не надо. Они не подерутся.

Мы с ним пошли из сада в дом, а суровый сторож всё продолжал рычать, скулить, угрожать, взывать к совести, едва ли не лаять, но золотоволосая красавица преспокойно красила губки и поправляла выбившиеся прядки локонов, не реагируя на раздражители даже изгибом чёрных бровей. От слова «абсолютно».

Да, она действительно не пропадёт. Под нежной внешностью беззащитной девицы скрывались негибемый характер и стальные нервы. А я, глупец, ещё строил на неё какие-то планы...

– Amor dolor.

– Что? – обернулся ко мне великан.

– Любовь есть страдание.

Специалист по мрамору и бронзе понимающе закивал, а минутой спустя смахнул скупую слезинку из уголка правого глаза. Возможно, Денисыч рассказал мне о нём не всю правду или же он сам не всё знает. Тут каждый сотрудник – просто кладёзь для преподающего психиатра. Сплошные скелеты в шкафах и тузы в рукаве.

А ведь я ничего не узнал про того же Церберидзе, словно мой пьяненький друг вообще побаивался о нём говорить...

– Друзья мои, великие мужи! Пришедшие сюда по зову сердца и чести, гласу трепетно внимаю! – директор музея встретил нас напыщенным гекзаметром. – Вы слышите ли гром далёких труб, где щит на щит взбесившихся героев тени сошлись в последней битве и путём идут, что предначертан был не ими, но для них...

Мы вежливо помолчали, делая вид, что заслушались вступлением.

– Ладно, хватит, не в театре.

Нам было предложено сесть. Земнов предпочёл стоять из боязни сломать стул, но я сел. Феоктист Эдуардович, в свою очередь, опустился в начальственное кресло и сложил руки на

груди.

– Где Гребнева? Почему вы тут только вдвоём? Нетактичный вопрос? Я вновь напоминаю, что любые отношения на работе не поощряются.

– Суждений быстрота полезна мудрости лишь в случаях отдельных, – тем же гекзамером ответила за нас Светлана, появляясь в дверях. – И предков опыт учит, что из случаев тех два: охота на противных насекомых, а также диарея, что внезапно свалить храбрейшего из воинов способна, когда немые сливы съел...

– Афродита, полногрудая и прекраснотопая, – радостно захлопал в ладони директор. – Хвала небесам, вы пришли с подколками! А где у нас тут шляется Денисыч?

– Спит в моей комнате, – ответил я.

– Прошу прощения, получается, вы не с Германом, а с...

– Я ни с кем.

– Ладно, ладно, это не моё дело. Я вызвал вас по другому поводу. Светлана, душечка, присядьте уже куда-нибудь. Ну, не на колени же к Грину?! – Он хлопнул себя по лбу, но в конце концов, учитывая, что в кабинете был всего один гостевой стул, уныло смирился. – Итак, к делу, друзья и соратники! Смотрим, думаем и разумно высказываем своё компетентное мнение.

Директор открыл небольшой планшет, поставил его под острым углом и развернул экран к нам. Все замерли, вытянув шеи. Что же там есть?

Ну, как по мне, так ровным счётом ничего особенного: обычный медный амулет или какое-то старое украшение с конской сбруи. Похоже на позеленевшую от времени каплю вытянутой формы. Но здоровяк Земнов вдруг хищно напрягся, подаваясь вперёд всем телом:

– Меч тавров?!

– Кто бы поспорил с зорким взглядом специалиста... Да, это фибула для плаща, явно не греческой работы, а, скорее всего, местного производства. Символически изображает знаменитый «золотой меч тавров». Его никто не видел, но все уверены, что он есть. А поскольку представители этих древних племён давно смешались с другими народами, на право владения реликвией претендуют три или даже четыре не слишком порядочные организации.

Директор поправил очки, выдохнул, достал бутылку коктейбельского крымского коньяка из-под стола и, никому не предлагая, сделал глоток прямо из горла. Чувствовалось, что нервы у него на пределе. Я хотел было спросить, что случилось, но Светлана вдруг быстро приложила пальчик мне к губам:

– Позже. Ему надо выговориться.

– Так вот, дорогие сотрудники, появилась информация о возможном месте нахождения золотого меча. Не буду говорить, откуда, сколько мне пришлось заплатить и какова степень достоверности полученных сведений. Этого не может гарантировать никто. Вопрос к вам: кто готов шагнуть, образно выражаясь, в царство или, честнее говоря, в пасть Аида?

Герман незамедлительно поднял руку. После секундного размышления я присоединился к нему. Гребнева, обнимая мои плечи правой ладонью, кистью левой сделала неопределённый жест: хочу – не хочу – не знаю – не решила – может, и без меня – я подумаю— не уверена – какая скука-а...

Феоктист Эдуардович ещё, наверное, минут пятнадцать распинался о сакральном, культурном и цивилизационном значении золотого меча для понимания всей истории Крымского полуострова. При этом он дважды прикладывался к коньяку. Как впоследствии объяснил мне тот же Денисыч, винопитие в их среде является едва ли не обязательным условием приёма на работу и коммуникационной возможностью общения с коллективом.

Не пил только один сотрудник – Сосо Церберидзе! Но, кажется, я уже об этом говорил?

Когда начальственный голос стал спотыкаться на согласных и путаться в падежах, Светлана, словно волна, тихо соскользнула с моих колен. Кивком головы указав мне на дверь, она перемигнулась с Земновым, и тот так же молча подтвердил: «Идите уже, если что, я с ним побуду, пока не уснёт». Мы вышли из кабинета, девушка поправила причёску и откровенно зевнула:

– Ненавижу общие собрания. Каждый думает только о себе, у каждого свои интересы и планы. Представляете, я море вижу раз в месяц! А ведь мы живём в Крыму, под боком практически все пляжи, хоть песок, хоть галька. Александр, вы любите купаться?

– Наверное, да.

– Отлично, предлагаю удрать! Я – к себе за полотенцем, и уходим к Херсонесу, там хоть и валуны, зато вода чище.

– А я не...

– Ни слова про плавки, – она так резко обернулась, что тяжёлые золотые кудри щёлкнули меня по носу. – Мы это уже обсуждали, они вам не нужны! От слова «абсолютно»! И не смейте со мной спорить.

Какой уж там спор? Пока она уходила по коридору, а я смотрел ей вслед, всё моё мужское естество буквально парило в неведомых доселе эмпиреях, на грани божественного сочетания земной и небесной любви. Мне и дышалось-то через раз.

Есть такая картина у Тициана, где изображены две девушки, сидящие у фонтана: одна богато одета, другая полностью обнажена. И смысл подачи полотна не столько в противопоставлении земного небесному, сколько, быть может, прямо наоборот: в

естественности перехода от одного к другому. Потому что и земная, и небесная любовь прекрасно могут существовать отдельно, однако высший союз божественного понимания мира лежит именно в слиянии этих двух ипостасей. Тициан был не просто художником, он был ещё и мудрецом, и философом.

«А, собственно, где моя комната?»

Я опомнился не сразу, перед глазами всё ещё покачивались восхитительные бёдра нашей прекрасной Афродиты.

И да, разумеется, кто бы спорил, у меня не было шансов. Никаких. Я обычный парень, среднего сложения и неброской внешности, без богатых родителей и особых талантов. Даже машину пока себе купить не могу. А такая восхитительная женщина достойна роскоши.

«Но, с другой стороны, разве приглашала бы она меня купаться нагишом, если я ей не нравлюсь? Так, бегом за полотенцем и...»

Мне пришлось рвануть наугад, а поскольку все гостевые комнаты расположены на одном этаже, то логичным показалось свернуть за тот же поворот, где недавно исчезла наша прекрасная специалистка по чёрнофигурной и краснофигурной росписи. Вот только за поворотом открывались ещё два: один – налево, другой – направо, ещё налево, шагов пятьдесят прямо, направо, потом по ступенькам вниз, по узкой лестнице наверх, а потом...

«Ты заблудился, – пришлось честно признаться мне самому себе. – Ну что ж, в сущности, *perigrinatio est vita*[7]... Пойду наугад и в конечном итоге куда-нибудь да выйду».

Перспектива вновь надрывать глотку и звать на помощь не устраивала категорически. В конце концов, я не маленький мальчик, и что бы там ни говорил наш дорогой директор, коридоры двухэтажного здания не могли тянуться бесконечным критским лабиринтом. Пусть минут десять, полчаса, час, но я найду выход. Здесь чисто по площади не может быть ничего недостижимого.

– Этот искусствовед и вправду так туп?

– Что ты хочешь, он обычный человек, они никогда не блистали умом.

– Кстати, а кто строил этот лабиринт?

– Как кто? Титаны!

– Я всегда была уверена, что и тут мы приложили руку.

– Мы управляли рабами.

– А, это те, которые еда?

– В целом...

...Через часа полтора в мою голову начали закрадываться панические мысли. Самая настырная голосом Семёна Фарады ныла прямо в ухо: «Кто так строит, ну кто так строит?»

Ей вторили и другие, ещё более безрадостные: «Кто тебя куда гнал? Ты зачем вообще подорвался? Стоял бы на месте, Светлана бы сама за тобой пришла. Или шёл бы сразу с ней, раз уж так приспичило. А теперь всё, она вернулась, тебя нет, и обиженная девушка ушла купаться одна! Не будет же она ждать твою светлость, принца без коня, уже второй час?!»

Я рванулся вперёд едва ли не бегом, наворачиваясь на поворотах и дёргая каждую попавшуюся дверь, но, когда отчаянье уже достигло пика и я был готов позорно призывать сторожа Церберидзе, одна дверная ручка неожиданно легко провернулась. Надо же!

Передо мной оказалась полупустая комната, более похожая на тюремную камеру. Окон нет, у стены одна кровать странной формы, стол, табурет и пухлый низкорослый человек в майке и синих трениках. Лицо непримечательное, лысоват, усов нет, борода растёт неровными кустами, а из-под неё на шею сбегает длинный, белый от времени шрам. Мы уставились друг на друга.

– Уже ли вижу я спасителя из плена, а не тюремщика, что станет потешаться над бледностью того, кто век не видел воли?

Приветствие довольно странное, мало кто в наше время подаёт уголовную этику посредством классического гекзаметра. Но ладно, может, у мужика действительно проблемы с головой, хотя говорит он разумно и кажется человеком образованным.

– Извините, я недавно работаю в музее. Вы, случайно, не подскажете, где здесь выход? Мне нужно в сад, или в гостевое крыло, или хотя бы даже к кабинету Феоктиста Эдуардовича. Короче, уже без разницы.

– Ах, юный друг мой, мне известны все повороты коридоров, – мужчина замолчал, мечтательно вытирая лысину тыльной стороной ладони. – Так назови себя.

Он был старше меня от силы лет на десять-пятнадцать, и в иной ситуации на обращение «юный друг» я бы обиделся. Но сейчас мне была нужна его помощь.

– Александр Грин, общая история искусств. А вы?

– Я Полипенко Виктор Никодимыч, – он без улыбки обнажил гнилые зубы, и мне слегка поплохело от одного их вида. – Ну что же, мой отважный Александр, вы жаждете найти пути наружу, к свободе, ветру, морю, кораблям, качающим древесные тела у пирса и мечтающим о море. Я помогу вам, заходите смело.

Мне ничего не оставалось, как войти в комнату, осмотреться и слушать.

– Судьба моя печальна, ибо я... Ох, вы тут не один пришли, однако?

Естественно, я обернулся к входу – посмотреть, кого он имеет в виду, – и в ту же секунду

получил тяжёлый удар табуретом по башке. Звёзды, искры и разноцветные смайлики так и брызнули из глаз! Давненько меня так кустарно не кидали. Может быть, даже первый раз.

В себя мне удалось прийти лёжа на спине. Плечи прижаты железной спинкой кровати, ноги держит похожий механизм. Свободны лишь руки, но смысл, если я даже локтями толком пошевелить не могу. А странный мужик Полипенко тем временем потирал потные ладони и громко рассуждал вслух, словно бы меня и не было рядом:

– Мне выйти на свободу не дано, так боги порешили между делом. И если шаг мой пресечёт порог, то наказание неотвратимо и страшные клыки трёх псов в одном порвут меня в кровавые лохмотья. Так суждено! И смысл с богами спорить? Но если вдруг отыщется решенье...

– Э-э, как вас там? Виктор Никодимович, да? Произошло недоразумение. Пожалуйста, освободите меня, и мы вместе решим все вопросы. Я вам помогу.

– Поможет он? Но нет, едва ли по воле собственной нам станет помогать, – продолжал нервно читать странный мужик, сочиняя гекзаметр прямо из головы, словно для него это вообще плёвое занятие. – Хотя, возможно... то есть вдруг оно... как если б это было новой обувкой... Вдруг именно его стопа стать может мне желаемым мостом к свободе?

– Простите, вы о чём?!

– О вечном! – тут же откликнулся он. Его глаза лихорадочно блестели, а борода встала дыбом. – Смотри же, путник, что бывает с теми, чей нор, нрав, характер ли вольнолюбивый богам с Олимпа вдруг встаёт куском мусаки поперёк гортани!

Он отошёл от меня к дверям, подчёркнуто осторожно вытянул ногу вперёд, коснулся босой пяткой пола, и... раздалось неприятное шипение, а потом запах горелой плоти наполнил комнату. А тут, видимо, всё не так просто, как кажется на первый взгляд. Впрочем, как оказалось, и на второй тоже.

– Ты видел? Видел?! Боги так взалкали! И мне не суждено покинуть проклятую тюрьму, вернуться к людям, вновь возродить стремление к общей мере. К стандарту золотому от Прокруста, чьё ложе и являлось миру мерилом вечным всяким из людей.

– Минуточку, – опомнился я. – Так, насколько я помню историю искусств, в греческих мифах Тесей поразил Прокруста, отрубив ему голову, не укладывающуюся в его же так называемый стандарт.

– Почти, – согласился Полипенко, и в глазах его на миг мелькнуло воспоминание о старой обиде. – Почти ему успешно удалось нанести достойнейшему рану роковую. Он ел мой хлеб, он пил моё вино, он лёг в мою постель, не зная страха. Я был готов ему помочь достигнуть чистоты и совершенства всего лишь обрезанием ног на ладонь! Там явно было много! А он... а он...

Честно говоря, у меня на тот момент уже начал заходить ум за разум. Потому что всё происходящее казалось каким-то нереальным бредом из очень замороченных голливудских боевиков. Именно там герой за каким-то русским хреном (в случае Джона Уика – за белорусским, но всё равно хреном) попадает в засаду окончательно обуревающего людоеда.

Но потом этот кто бы то ни был – мужчина, женщина или ребёнок – выбирается сам, или ему приходят на помощь. Нервы, крики, кровяща, но зато живой. В моём случае, прямо сейчас, ничего похожего на горизонте не наблюдалось.

– Но если я тебе отрежу ноги и с них сниму всю кожу, как змея снимает кожу раз в году, а после я одену на свою стопу стопы твои, так неужели боги увидят в смутном мраке коридоров реальную подмену? Это вряд ли...

Я вдруг стал неслабо паниковать. То есть сам факт, что в здании музея всё ещё находится опасный маньяк с креном в сто семьдесят пять градусов на всю башку, уже должен был бы вызывать хотя бы некоторое недоумение. Откуда он вообще тут взялся? У нас хранилище культурных ценностей или тюрьма для плохо скрываемых садистов, извращенцев и прочее?

– Так вот, когда бы кожа ног твоих мне послужила сапогами и я вдруг смог вернуться в мир людей, то разве это не благое дело, что ты помог в нужде страдальцу, ибо нельзя мне собственной стопой шагать через порог? А если то твоя нога, то можно! Восслав же небеса, ибо великой цели послужат две твоих отрубленных ноги...

– Пошёл ты в задницу, махровый извращенец, – я и сам не понял, как перешёл на приемлемый в гексаметре стиль подачи речи. – Смирись с утратой собственного «я» и путнику всегда даруй свободу. Иначе будет страшен гнев богов! Они не склонны дать прощение убийце иль даже палачу, да, собственно, любому, кто когда-то поднимет меч против невинных душ!

– А ты невинен? Очень сомневаюсь...

Я понял, что мой единственный шанс выйти отсюда своими ногами заключён в забалтывании самодовольного, а потому доверчивого противника. Причём, дерись мы в честном бою один на один, я бы ушатал его меньше чем за минуту. Но вот когда мне и плечом не пошевелить, так вся надежда не на армейскую рукопашную, а исключительно на длину языка и яркость метафор. Но шанса мне не дали, так как негодяй начал первым:

– Но как же я могу снять кожу с ног его, пришедшего случайно? Нет у меня ножей, предметов острых, есть разве зубы, да и ногти, впрочем... Кто вдруг сказал, что это не оружие? Не знаю я, и вам оно, быть может, неведомо, однако ж... согласитесь...

– Аря-ря-я, – вырвалось у меня.

Когда это гад (не нахожу другого слова) всерьёз укусил меня за правую голень, то моё тело среагировало спонтанно: левая нога выскользнула из тисков, врезав мужику в челюсть!

Виктор Никодимович обо что-то запнулся и всем весом рухнул на незапертую дверь, вываливаясь в коридор. Вопль нечеловеческой боли, разодравший полотна времени и пространства, буквально оглушил меня; вновь запахло горелым, а в следующую секунду в дверном проёме появился неведь откуда взявшийся сторож.

– Уходи, тебя ждут в саду, – он перешагнул через воющего на полу маньяка, легко согнув железные дужки спинки кровати и освобождая меня. – Иди налево.

– Спасибо вам, – успел поблагодарить я, а горбун Церберидзе уже с ворчанием тянул прожаренного и скулящего Полипенко обратно в комнату.

Что там было дальше, я не знаю, да и не особо хочу знать. Но при первом же случае спрошу у дорогого директора, что тут творится на вверенной ему территории...

Повернув налево от страшной комнаты, я прошёл не более двадцати метров, как справа открылся выход в сад. Сияющий прямоугольник солнечного света был так ярок, словно его подарили мне в награду за храбрость и желание жить. Жить и ходить своими ногами!

Я бросился вперёд едва ли не бегом, выскакивая в сад, где меня действительно ждал проспавшийся алкаш Денисыч, откупоривающий новую амфору. Складывалось впечатление, что это и есть его излюбленная работа, в которую он вкладывал всю душу.

Запах пробки, ароматы цветов и фруктов, само предвкушение вкуса вина доводили его до экстаза ещё на момент поглаживания глиняных стенок сосуда. Подозреваю, что ни к одной женщине он не относился с такой любовью, заботой и нежностью, как к сумке с амфорами.

– Да, я таким создан, и, как ни странно, меня это совершенно устраивает, – безошибочно отвечая на мои мысли, обернулся он. – Присаживайся, бро! Остальные скоро подтянутся. Стаканчик винишка?

Мне с трудом удалось отдышаться, успокоиться и, приняв из его рук небольшой медный кубок, сначала залпом выпить вино, а потом максимально эмоционально рассказать о своём сегодняшнем приключении. Да меня бы, наверное, разорвало, если б мне не дали высказаться!

Как и многие интеллигентные фанаты распития крымских вин (в отличие от потребителей мутного самогона или дешёвых коньячных спиртов псевдоармянского розлива), Диня оказался отличным слушателем. Он охал, ахал, хлопал себя по колену, закатывал глаза, аплодировал, ругался на древнеарамейском, поддакивал и подливал, подливал и поддакивал. Время летело незаметно.

Я присел прямо в траву, упираясь спиной в мраморную стенку фонтана, вытянув многострадальные ноги. На голени правой синели следы от зубов маньяка Полипенко, а пятку левой я изрядно отшиб о его же нижнюю челюсть. Будь на мне хоть какая-то обувь, было бы легче. Но здесь все, включая директора, ходили по зданию и саду босиком. Я тоже не стал отрываться от коллектива, да и, честно говоря, при местной жаре это казалось куда

комфортнее.

– Что ты паришься, Саня? Ну да, тут в коридорах разное попадается, но это ж не от нас зависит. Как по мне, так я б того уroda Полипенко давно за оградой прикопал! И это... ты на директора сердца не держи. Не его вина, – специалист по древним языкам подёргал себя за чёрную бородку, облизал губы, словно бы ища наиболее подходящие слова. – Не он это, короче. Сестрица его, бомбанутая на всю башку! Девственница потому что. Экология, зелёная энергия, каждому преступнику дай второй шанс, каждому конченому психу – уход и лечение... Ох, бро!

– Шта?

– Да ты назююкался?!

– У меня щуть ногу... ноги... обе, щуть не октусили!

– Чего?

– Не от-ку-си-ли, – старательно, по слогам, поправился я, хоть это было непросто. – А вно... вино классн-е, плесни исчё?..

– Да ты ж мой хороший, – обрадовался Денисыч, присаживаясь рядом со мной у фонтана и разливая на двоих. – Я вот прямо-таки чувствовал, что мы подружимся!

«Вот только не это», – каким-то запоздалым раскаянием толкнулось мне в висок. Быть другом человека, сделавшего алкоголь практически религией, – не самая желанная перспектива. Без всякой латыни, «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» не потеряло актуальности и в наши дни. Но думать так не хотело-о-ось...

В саду неожиданно (да неужели?) появилась Светлана Гребнева. Она посмотрела на меня, я улыбнулся ей, вывалил язык до подбородка и поплыл вдоль стенки фонтана вбок. Наверное, это было смешно, но она не оценила.

– Герман, у нас проблемы. Ты не мог бы привести Грина в чувство?

Кажется, я даже не успел понять, какая неземная сила подняла меня на два метра к небесам и со всей дури окунула в фонтан! На улице плюс сорок, но вода оказалась настолько ледяной, что мгновенно замораживала мозг и заставляла хрустеть зубы. Даже назло бабушке я никогда так не отмораживал уши. Хотя попытки были, за что мне эти же уши и драли...

Когда воздух окончательно перестал держаться в лёгких и мышцы начали гореть, а возможность вдоха как такового граничила с чудом, меня, словно краснопёрку на зимней рыбалке, выхватили из проруби.

– Ещё?

– Проверим. Александр, скажите быстро: «Ехал грека через реку, видит грека в речке рак.

Сунул грека руку в реку...»

– Там кацап! – как мне показалось, очень удачно пошутил я, за что тем не менее был отправлен в фонтан по второму разу.

Это оказалось жёстко. Не то чтобы просто грубо, хотя и это имело место быть, потому что быстро трезвеющий разум начинал мыслить логически, подсказывая, что если я и дальше попробую тупо стендапить, то меня в этом же фонтане и утопят. Причём, зная Германа, исключительно в рамках борьбы с алкоголизмом и в посыле за здоровый образ жизни. Он ведь добрый, он и не такое умеет.

– Не смей макать моего другана мордой вниз, физей по дну, пузырями кверху! – вмешался знакомый голос, и некто, как я понимаю, храбрый Диня, подставил подножку здоровяку Земнову, в результате чего тот рухнул в фонтан, придавив меня всем своим телом, словно многопудовой могильной плитой. Вообще никакущее себе развлечение...

– Мальчики, вы ужасно скучные, – тонкие ручки нашей Афродиты Тавридской извлекли меня с поразительной лёгкостью, усадили на траву и похлопали по щекам.

К этому моменту я уже был абсолютно трезв, насквозь мокр и преисполнен искреннего стремления к конструктивному диалогу взамен опохмелительного купания.

Наш здоровяк предпочёл сделать ещё пару кругов кролем и брассом, его ледяная вода не пугала, специалист по старой бронзе и мрамору явно наслаждался происходящим. То есть он даже не дал Денисычу по башке, а ведь тот нарывался по полной, согласитесь?

– Зачем вы столько пили?

– М-м, простите. Я не заметил, мы вроде немного и...

– С ним вообще нельзя пить никому из смертных! – всплеснула руками девушка, опускаясь на колени и подолом тонкого халатика вытирая мне лицо. – А за каким пьянючим в гавань фафном ты, занюханная винная пробка с пропитым куриным мозгом, его накачал?!

– Успокойся, милочка! – беззаботно отпихнулся мой так называемый друг-собутыльник. – У Сани был стресс. Да, мы чутка выпили для успокоения нервов. Он нарвался на Полипенко и вырвался живым! Тут бы и ты выпила...

– Четыре амфоры?!

Но, несмотря на праведное возмущение, она тем не менее быстро осмотрела меня и нежно поцеловала в левую пятку и правую голень. Я говорю об этом так подробно, потому что боль исчезла мгновенно, всё тело наполнилось невероятным теплом и томной негой, а синяк и след от укуса растворились буквально на глазах. Она ещё и целитель-экстрасенс...

– Уф, нет ничего лучше купания в жару, – объявил здоровяк Земнов, вылезая из фонтана. – Вы много потеряли...

Мокрые шорты и футболка облепили его атлетическую фигуру, делая его похожим на скульптуры древнегреческих атлетов. Общепринято, что музейные работники – это люди исключительно умственного труда, но Герман одним разворотом плеч низводил общие правила в ничтожество.

Он, несомненно, был образованным, начитанным и, как я понимаю, самым крутым специалистом по бронзовой или мраморной скульптуре Древнего мира, что никак не мешало ему оставаться в прекрасной спортивной форме боксёра тяжёлого веса или профессионального греко-римского борца. Думаете, это редкость? Так нет.

Наверное, мало кто помнит известного на весь мир штангиста, инженера, писателя, историка, владеющего несколькими иностранными языками, а именно Юрия Власова. Легендарный железный человек, кумир Арнольда Шварценеггера, всей своей жизнью доказавший: в здоровом теле – здоровый дух! Вот такие люди делают эпоху...

– Ну что, соратники, присядем раскупорить мировую? – разулыбался Денисыч, роясь в сумке, но под нашими укоризненными взглядами втопил заднюю: – Ладно, понял, не давяю, наливаю только себе. – И лишь когда мы все сжали кулаки, он, кажется, понял, что шутки кончились: – Да чо вы, как эти?! Ну не буду, не буду я, всё...

Светлана Гребнева подняла руку, изображая, будто бы собирается отвесить воспитательный подзатыльник чернявому спаивателю всех и вся, но вместо этого вдруг нежно потрепала его по щеке:

– Нам нужна твоя помощь.

– Мр-р, я весть твой, кисуля...

– Феоктист Эдуардович отправил материалы по этому «мечу тавров», так вот там есть ряд непонятных надписей. Древние языки – это по твоей части.

Диня гордо выпятил грудь, подтверждая, что в мире нет языка, который бы он не понял или не расшифровал, включая редкие, забытые и мёртвые наречия. Причём в его голосе не было самолюбования или бахвальства, а просто спокойная констатация факта. И, кажется, все, кроме меня, ни капельки в этом не сомневались.

– Мне скучно.

– Я сплю.

– Ты спишь, а мне скучно.

– Включи свой дар предвидения и посмотри.

– Уже... Ты опять спишь!

– Нет, вспоминаю, зачем мы вообще связались с этим дурацким музеем?

– Во-первых, нам было скучно. А во-вторых, нам заплатили.

– Чем?

– Обещанием, что скучно не будет...

Девушка вернулась к столу, раскрыла свой ноутбук, поколдовала над ним пару минут, открыла два документа в отдельных окнах и кивком золотоволосой головы пригласила всех нас присоединиться к просмотру. Денисыч бесцеремонно сдвинул технику к себе, я сел слева от него, а Герман просто немного наклонился, чтобы удобнее было смотреть.

На экране была максимально увеличенная застёжка для плаща в форме короткого меча и рядом фото глиняной таблички. Нет, скорее, даже большого черепка от какой-то вазы, испещрённого продавленными закорючками. Как по мне, так вроде бы похоже на буквы иврита, греческого и в чём-то даже на древнеславянскую клинопись.

Я открыл было рот, чтобы высказаться по этому поводу, но вовремя остановился. Прямо на моих глазах творилось чудо: вечно поддатый мужичок с бородкой превратился в хищного кречета, бросающегося в пике на добычу. Диня реально был крутейшим специалистом в своей области, и это неслабо впечатляло.

Его взор сверкал пламенем горящего храма Артемиды, пальцы с непостижимой скоростью порхали над клавиатурой, открывая и закрывая окна, зубы были стиснуты до скрежета. Казалось, он даже забывал дышать, но вордовский лист заполнялся буквами, складывающимися в слова. Они менялись местами, сливались вместе, разбегались, делились на слоги, чтобы в конце концов откристаллизироваться в одном коротком абзаце...

– Так, короче, – Денисыч требовательно протянул руку, и тот же Земнов беспрекословно передал ему холщовую сумку.

Герой дня вырвал пробку зубами, практически вылил себе в глотку пол-литра, обвёл нас совершенно трезвым взглядом и отодвинул ноут в сторону девушки. Светлана коротко улыбнулась, блеснув жемчужными зубками:

– Какой это был язык?

– Компиляция шумерского, этрусского и греческого плюс точки и тире для разделения слов, – выдохнул он, вновь прикладываясь к амфоре. – Это один из первых шифров, которым пользовалось человечество. Люди во все века обожали тайны, но их методы сокрытия информации несколько однообразны, по сути.

Я мысленно поздравил себя с тем, что хотя бы один алфавит угадал, и только потом удивлённо вытаращился на Денисыча. Он что, может и так разговаривать?

– Ты чо, бро? Я ж типа эт... прикалываюсь! Ты п-верил, шта?! Да я ф свинарнию...

На секунду, да, я поверил. Забыл, как артистически талантливо алкоголики умеют

притворяться трезвыми и на что готовы ради бутылки. Интересно, в том, что он там для нас напереводил, есть хоть какой-нибудь смысл?

Я виновато покосился на Светлану, но она уже обсуждала с Земновым те несколько строк, что светились сейчас на экране монитора:

– «...винт Архимеда. Пещера древнего Быка всегда голодна, в неё можно войти, но нельзя выйти. Ибо лишь мудрый достоин владеть золотым клинком. И только пролив кровь, ты коснёшься сокровища, не...»

– Это шутка?

– Нет, – серьёзно ответил Герман, ни на секунду не отрывая глаз от экрана, – я ищу этот меч уже восемь лет.

– До того, как он устроился в музей, – подтвердила девушка.

– Это редкий артефакт, он изготовлен из золота такой степени очистки, которой мы достигли лишь в конце двадцатого века. Тот, кто им владеет, будет править всем Крымом. Первые греческие поселенцы писали, что меч уже тогда считался древностью. Полудикские племена тавров, горских народов и рыбацких деревушек просто не обладали подобным уровнем знаний о металлургии. Здесь и бронза была в диковинку, а уж золото даже не считалось достойным обмена, – продолжал сосредоточенно рассказывать великан, совершенно не заботясь, слушает ли его кто-нибудь.

Лично я слушал *ab imo pectore*, что в переводе с латинского означает «со всей искренностью»!

– Согласно дошедшим до нас записям и устным преданиям, золотой меч мог быть украден дикими племенами у переселенцев с Атлантиды или выброшен из моря штормом. После ряда долгих войн за его обладание местные жрецы спрятали его в одной из пещер.

– Саня, подн-ми челюсть, в Крымушке п-пещер больше, чем в Питере львоф!

Не обращая внимания на нетрезвые комментарии Денисыча, Земнов продолжал:

– Уже более двух веков его ищут все – от крупных археологических компаний, музейных представителей до частных фирм чёрных копателей. Но Диня прав: облазить абсолютно все пещеры Крымского полуострова просто невозможно: горы непостоянны, ряд подземных капищ давно завалило во время землетрясений, а вход в какие-то закрыли бетонными плитами. Кто-то очень не хочет, чтобы золотой меч лёг под витринное стекло.

– Ты умеешь вдохновить команду, – признал я, потому что действительно всё это было жутко интересно.

– Было время, я водил в атаку армии, воины шли за мной на смерть...

– Врёт, – пьяно выдохнул мне на ухо наш нетрезвый полиглот. – Типа там... короче... ну, его подвигами людишки вд-хн-вля-лися... Ой, какое длинное слово-то, ик!

– Но теперь у нас есть шанс. Фибула в форме меча. Якобы подобные носили стражи пещеры, где хранился золотой клинок. Эту застёжку нашёл случайный турист в окрестностях Симферополя, в районе пещер Кизил-Коба. Потом выставил на аукционе Мешок. ру, а наш Феоктист Эдуардович её выкупил. Мы дождёмся доставки посылки, ещё раз проверим её подлинность и отправимся на поиски. Красные пещеры достаточно изучены, но тем не менее нам надо поторапливаться. Я пойду сам и, возможно, со мной отправится Денисыч.

– А мы? – я переглянулся с Гребневой, но она лишь неопределённо повела плечиком.

– Мне там делать нечего, я специалист по краснофигурной и чёрнофигурной росписи. Золотой меч меня не интересует ни капельки, оружие – это игрушки для мальчиков, не желающих взрослеть...

Ну, как сказать. Мне так очень было бы интересно поехать на раскопки. Земнов не то чтобы был против моего участия, но предложил, чтобы я получил отдельное разрешение у директора. В конце концов, спелеология весьма специфическое удовольствие, а меня приглашали на работу совсем в другой должности.

Вот когда меч будет доставлен, тогда пожалуйста: его опись и оформление в свете новых правил подачи предметов искусств уже на моей совести. А пока меча нет, то, в принципе, и говорить не о чем. В общем, в таких вопросах Герман не является главной скрипкой и всегда лучше заручиться разрешением руководства. Немножко обидно, но...

Раздалась трель телефонного звонка. Все посмотрели друг на друга, а потом на нашу Афродиту Тавридскую. Она капризно вздохнула, достав из крохотного кармана свободного халатика маленький сотовый-раскладушку.

– Тебе же запрещено.

– Герман, не будь нудным. Мне звонят.

– Тебе запрещено иметь средства сотовой связи, – упёрся он, грозно поднимаясь во весь рост. – Кто звонит, покажи?

– Не твоё дело, грубиян, – огрызнулась было девушка, но, взглянув на крохотный экран, хмыкнула и передала телефон Герману.

Тот посмотрел на имя вызывающего, охнул и тут же приложил трубку к уху. По ходу короткого разговора благородное лицо его бледнело, краснело, мрачнело, а к концу в глазах показались слёзы искренней обиды.

– Зуб даю, м-меч уже хтой-то свистнул...

Герман вернул телефон Гребневой и ушёл из сада, не сказав более ни слова. В общем, как

выяснилось впоследствии, звонил директор, действительно кто-то неизвестный произвёл хакерскую атаку на компьютер нашего начальства, и выкупленная нами фибула ушла по совершенно другому адресу.

Её доставили в Анапу, тоже весьма милый курортный городок Черноморья, там также есть руины греческого поселения, небольшой музей древностей, а кому там понадобилась именно НАША заколка в виде меча, оставалось только гадать. И да, ответа не было...

Повисло долгое и неопределённое молчание. Конечно, нам всем было обидно за товарища, потому что он уже настроился, практически собрал команду, определился – и вот, нате вам, вдруг такой облом. Это было абсолютно несправедливо по всем мыслимым и немыслимым меркам.

Я даже хотел прямо сейчас метнуться в свою комнату, взять свой сотовый с подзарядки и позвонить в их городской музей, чтобы разобраться с некрасивой ситуацией на месте, но Денисыч остановил меня. Ни один музейщик не выдаст того, что ему попало в руки. Это нужно признать как факт, по-другому не будет. Каким бы образом древняя застёжка в виде меча не попала в Анапу, нам её не вернут, хоть мы дерись...

– Почему, кстати, Светлане запрещено иметь сотовый? – очень некстати спросил я.

Тот же Диня сбивчивым шёпотом пояснил, что Светка-дура, как выпьет лишнего, так начинает звонить своим бывшим. А последним у неё был крупный чин в министерстве обороны, так что скандал мог быть далеко не только российского масштаба. Поэтому Феоктист Эдуардович и предпринял соответствующие меры. Но Гребнева позволяла себе игнорировать не только его приказы – с ней вообще было сложно.

Мне лично так не показалось, но ладно, остальные знают её дольше, им виднее.

Директор предупредил, что уезжает на срочное совещание, а мы остались предоставленными самим себе. Кажется, только сейчас я подозреваю, что он мог сделать это намеренно, попросту умывая руки. А наш общий друг, он же зелёный змий-искуситель, бесстыже воспользовался ситуацией, едва ли не за руку потащив меня в комнату Земнова.

Из-за двери раздавались тоскливые звуки цитры и такие тяжёлые вздохи, что ими можно было как минимум колоть орехи, а быть может, и использовать в качестве пресса для получения оливкового масла. Наш полиглот долго долбил в дверь, пока она открылась...

– Герман, бро, только не бей сразу, а сначала выслушай, – совершенно трезвым голосом начал он. – Ситуация хрень, кругом бардак, нас кинули, как котят, сволочизм правит миром! Чо делать? А давай играть по их правилам? Они спёрли у нас фибулу, так пошли и по-тихому вернём её себе обратно! Вот, Саня готов слепить из пластилина такую же, положим её в витрину, чтобы никто не парился. Чо скажешь, бро?

Вообще-то сказать должен был я. Во-первых, со мной ни о чём не договаривались, во-вторых, красть нехорошо, а грабить государственные музеи тем более, в-третьих, ничего я не

буду лепить! В конце-то концов, ну надо же иметь совесть? Пусть и без удовольствия, но надо...

– Я специалист по истории искусств широкого профиля, но уж никак не аферист, изготавливающий левые подделки. Это в целом не просто противозаконно, но ещё и не слишком этично в профессиональном плане! Так нельзя! Герман, скажи?

– Ребята, вы возвращаете мне желание жить. На некоторое время я уже стал задумываться о том, чтобы возлечь на горящий костёр и страданием тела положить конец душевным мукам. Денисыч, Александр, вы действительно готовы пойти со мной до конца?

Нет! Я не был готов! Но, посмотрев в его полные боли глаза, почему-то сказал:

– Да. Мы ведь клялись помогать друг другу.

– И я в свой час всегда отдам за тебя жизнь, – без малейшей патетики, позы или самолюбования объявил силач Земнов, торжественно пожимая мне руку.

В общем, мне и опомниться не дали, как я уже сидел в узком мужском кругу, обсуждая детали грядущего вскрытия музейного комплекса в другом городе. У Германа на смартфоне открылся план зданий и прилегающей территории Горгиппии. Эта греческая колония называлась именно так, и именно туда мы должны были направиться.

Насколько я помню географию собственной страны, от Севастополя до Анапы либо час самолётом, либо часов двенадцать поездом, и вроде как прямые рейсы, без пересадок, бывают не каждый день. Однако такая важная часть нашего безумного мероприятия, как логистика, почему-то никого не волновала.

Они ко мне даже не прислушались. Просто чертили на бумаге планы проникновения, изъятия (читай: кражи!) чужого имущества и, соответственно, тихого бегства.

Не могу объяснить даже самому себе, каким чудесным образом пьяненький специалист по древним языкам мог трезветь в считанные минуты и набираться снова ровно с такой же скоростью. Это было просто поразительно! Вот вроде только сейчас он деловой, умный и вменяемый, но в процессе короткого разговора уже вдруг никакущий...

Причём ведь любые крепкие напитки типа водки, коньяка, виски и прочего наш поддатый сотрудник игнорировал напрочь! Как и то, что легче вина: пиво, sake, любые слабоалкогольные коктейли. Нет-нет, исключительно божественный сок древних лоз, скисший в глубине старых бочек и разлитый по глиняным амфорам! Хоть бы одну стеклянную бутылку я у него увидел, так ведь фигу!

– Итак, идём на дело после семи вечера, в восемь музей закрывается, – уверенно диктовал Денисыч, пока его могучий товарищ торопливо записывал все советы. – Пройдём внутрь чинно-благородно и бесплатно, по удостоверениям музейных сотрудников. Дальше – проще: сигнализация наверняка примитивная, её я беру на себя. Саня, бро, на тебе изготовление

поддельной фибулы, ты художник, ты справишься. Ну а Герман будет на подхвате, отвлекая внимание всех сотрудников музея!

– Каким образом? – уточнил Земнов.

– О, увидишь на месте, – хмыкнул Диня, – но, уверяю, тебе понравится!

В общем и целом предложенный им план не включал убийств, взрывов и причинения кому-либо серьёзных увечий. Фактически всё, на что мы подписывались, могло считаться мелким хулиганством. Ну или крупным, я не очень разбираюсь в таких вещах.

Но и выйти из преступной банды уже не представлялось возможным, тем более после всех клятв «музейного братства». Если они не бросили меня в скалах под Гурзуфом, то и я уже не смогу отказаться от...

– Бро, на, хлюпни и не п-парься! Мы тя ни сдадим, а шлушишь... ик, слу-чи-сь пр-блема, шеф нас вы-т-щит! И... и... и не из такого вы-т-сквал...

Герман поднял на меня взгляд и уверенно кивнул. Вот, собственно, и всё. Пить я не стал, хватит на сегодня, отнять амфору у знатока древних языков было не проще, чем любимый мячик у разыгравшегося добермана. Я пробовал, я знаю, о чём говорю: у меня две младшие сестрёнки – доберманки по жизни.

– Встречаемся после ужина, – Герман Земнов захлопнул рабочий блокнот, закрывая наше внеплановое совещание. – Гребнева нас не сдаст, а вот при Церберидзе лучше не болтать, он сторонник дисциплины. Это, кстати, правильно.

Он потом ещё что-то говорил, но скорее для самого себя. По-моему, до великана вдруг стало доходить, что любая кража из чужого учреждения культуры не есть самый великий подвиг. Но видимо, эта фибула была действительно слишком важна, если человек был готов идти на что угодно ради достижения высокой цели.

А что такое редкий артефакт для сотрудника музея, я прекрасно понимал сам. Тем более если ты выиграл его честно, но кто-то неизвестный перетасовал колоду, жульнически забрав не принадлежащий ему предмет. Это было нечестно, и если одним преступлением можно как-то исправить другое, то, наверное, мы всё делаем правильно.

– По крайней мере, очень на это надеюсь, – отправляясь в свою комнату, пробормотал я.

На этот раз блуждать по коридорам не приходилось, гостевые комнаты сотрудников были почти напротив друг друга. Диня удрал в сад, предоставив мне возможность побыть самому. Надо было толком отзвониться родителям, выслушать маму, поделиться рассказами о новом месте работы и о людях, с которыми я здесь подружился.

Ещё мне нужно было снять на камеру смартфона свои рисунки и скинуть их сёстрам, они у меня такое любят. Потом я как-то отвлёкся на блокнот и нарисовал тех немецких зомбаков, какими я их запомнил. Получилось не с первого раза, но тем не менее уж как есть.

Примерно через час или чуть больше, не засекал, в двери без стука ввалился Денисыч.

– О, занимаешься фаюмскими портретами?

– Они были в цвете, а это графика, – я закрыл блокнот, убирая его под подушку. – Чего надо?

– Зема, а ты не забыл, кто у нас ответственный за изготовление фибулы?

– Не забыл, – в том же тоне соврал я. – Вопрос в изображении и материале. И чего лепить-то?

– Отвечаю по порядку. Картинку Герман скинул тебе на сотовый. А пластилин возьми у Светки, она у себя. Не возражаешь, если я пока полежу на твоей постельке и слегка дерябну?

– Возражаю.

– Я тебя услышал, – важно подтвердил он, с ногами в сандалиях заваливаясь на мою кровать.

– Только не стучи, обзовёт дятлом или чем похуже.

Ладно. В принципе, сама идея зайти в комнату Гребневой казалась отнюдь не лишённой приятности. Я знал, где живёт Герман, соответственно, комната нашей специалистки по росписи на глиняных вазах была напротив.

– Слушай, а этот парень, Александр Грин, он не кажется тебе каким-то блёклым?

– На фоне всех остальных? Пожалуй. Но посмотри с другой стороны: кто он и кто они?

– Не знаю, не знаю... Иногда примитивный человеческий разум доставляет больше проблем, чем любое божественное влияние.

– Такое бывает?

– Чаще, чем ты думаешь, дорогая.

– Я вообще об этом не думаю. Меня больше заботит, почему вдруг два волоса с твоей груди переросли на мою? Это уже буллинг или всё ещё абьюз?

– Вот только не начинай...

– Значит, ты не хочешь со мной говорить? Ладно. Я тоже умею молчать. Я давно свыклась с тем, что женщина обязана молчать в присутствии своего мужчины. Я веками училась считать это нормой. И знаешь, что я поняла, дорогой мой? Не смей отворачиваться!

– Началось...

Для окончательного уточнения на белых досках была приклеена открытка с сердечком –

такие обычно раздают в День святого Валентина. Праздник относительно новый, но у нас в стране прижился. Патриотам не нравится, но, как говорит мой отец, зачем отказываться от возможности лишней день в году поздравить любимую женщину?

Я коснулся пальцами дверной ручки, но вовремя опомнился и всё-таки деликатно постучал. Ответ не замедлил прилететь в ту же секунду:

– Какой долбодятел сюда ломится?! Я одета!

– Э-э, а-а... – затупил я, беспомощно озираясь по сторонам.

Ибо только что был обозван не просто дятлом, а, как и предупреждал Денисыч, «даже хуже», ну и обычно женщина предупреждает, что не одета, а не наоборот. Как себя вести в подобной ситуации, жизнь меня ещё не научила. Пришлось выкручиваться на ходу.

– Светлана Сергеевна, извините! Это я, Александр...

– Ни слова больше, – дверь распахнулась, и тонкие женские руки, лебедиными крыльями вспорхнув мне на плечи, затянули меня внутрь.

Сначала я даже зажмурился на секундочку, потом раскрыл глаза, в изумлении протёр их, вдохнул, а выдохнуть не мог потому что. И да, «потому что» – универсальное объяснение всему увиденному. Если я смогу выдохнуть, то расскажу. В смысле попробую рассказать.

– O, de gustibus non disputandum est... [8]

Я и не пытался спорить, тут у каждого свой взгляд и свои мотивы. Комната Гребневой была втрое больше моей, стены обиты красным бархатом, окно, выходящее в сад, занавешено тяжёлыми портьерами багрово-крапчатого цвета. Под потолком четыре светильника венецианского стекла, по углам оплывшие свечи, небольшой офисный стол с ноутбуком, широкое кресло, накрытое волчьей шкурой. Основное место занимала двуспальная кровать, заваленная парчовыми подушками и застеленная алыми шелковыми простынями. На небольшой полке над столом несколько книг: «Мифы древних греков», «Камасутра», «Ветки персика» и почему-то китайское «Искусство войны».

– Что-то не так, милый? Только скажите, и мы всё тут исправим...

– Я не... я на минуточку, мне бы пластилин, слепить, знаете ли...

– Да вы шалун, – улыбнулась хозяйка. – Не буду даже спрашивать, что вы хотели слепить, но попробую угадать.

– Фибулу для Германа! – быстро выкрикнул я.

– Хм, а вот это поворот, мне бы такое и в голову не пришло, – она отпустила меня, картинно сев в кресло на манер Шэрон Стоун.

Если сейчас ещё и ногу на ногу будет закидывать, я пропал. Но Светлана лишь разочарованно покусала нижнюю губу и взглядом указала мне на стол:

– Что ж, если вам нужно только это, то возьмите в нижнем ящике.

Я послушно вытащил початую коробку, где куски разноцветного пластилина уже спаялись в один комок, и решительно выпрямился:

– Сейчас мне придётся заняться делами, но обещаю, как только всё закончится, я вернусь к вам и мы...

– Да-да, у вас, мужчин, всегда есть более важные, неотложные и жутко срочные дела, а потом вы непременно, гарантированно, точно вернётесь – и мы что?

– Что? – уточнил я.

– Нет, это я спрашиваю: вот вы вернётесь – и мы что? Что с нами будет? Куда направит нас воля богов? Нам светит хоть какая-то надежда на мир, связанный любовью, а не работой или войнами?

Ответа у меня не было, поэтому я решил поступить, как все мужчины: просто закрыть девушке ротик поцелуем. Но прежде чем мои губы коснулись её, Светлана невероятным движением всего тела выкрутилась из кресла, заломила мне руку за спину и в один миг вытолкала за дверь.

– Не обижайтесь, Александр, но я ведь говорила вам, что я не такая, со мной так нельзя...

– Как тогда можно-то? – реально надулся я, стоя один в коридоре с комком пластилина в руках. – Раздеваться при мне можно, обниматься нельзя. А если обниматься можно, то целоваться нельзя. Как жить-то вообще?

– Сама в шоке, – тихо раздалось из-за двери, после чего раздался скрежет ключа, и специалистка по греческой росписи заперлась на замок. Всё.

Денисыч подждал меня в коридоре, выражение лица самое философское, такое бывает после первой пол-литры. Но хоть не ржал в лицо, уже спасибо.

– Отфутболила?

– Продинамила, – поправил я. – Может, надо было цветы, конфеты, шампанское?

– Не поможет, Светка, она такая, её кредо влюблять в себя мужиков, а не спать с ними.

– Но она не похожа на лесбиянку.

– Я тя умоляю, бро! Если оно ей будет надо, наша Афродита влюбит в себя всех женщин полуострова. А так-то да, она больше по мужчинам...

Что ж, мне пришлось тяжело выдохнуть, продемонстрировать полученный комок пластилина и отправиться в свою комнату лепить фибулу с мечом. Фото самой застёжки от Земнова пришло на сотовый, но занятие всё равно было кропотливым, тем более что точного размера никто не знал.

Я лепил наугад, просто предполагая где-то от четырёх до шести сантиметров в длину и двух с половиной в ширину. Там уже плюс-минус, но примерно через полчаса пластилиновая фибула была придирчиво осмотрена могучим специалистом по бронзе и меди, после чего я исправил пару мелких моментов, а уже покачивающийся Диня торжественно отнёс вылепленное в общий холодильник, стоящий в конце коридора.

– Ну что, соучастники, наша ОПГ в действии, через полчаса выдвигаемся в Анапу.

– Каким транспортом едем? – спросил я. – Что брать, как одеваться, понадобится где-то ночевать?

На меня посмотрели как на слабоумного, но родственника.

– Парни, если что, я на мели, – так же честно пришлось признаться мне. – Всё, что будет нужно, компенсирую с зарплаты.

– Почему он говорит о деньгах? – немного удивился Земнов, обращаясь к Денисычу.

– Для обычных людей это важно, – развёл руками тот. – Саня, зема, бро, плюнь и не парься! Мы уложимся в час, тратиться ни на что не надо. Если уж очень захочешь мороженку, Герман тебе её сразу купит! Пошли уже?

– Прямо сейчас?

– Да! А то, чую-ю, мя опять накр-вает... ик!

Я сбегал к холодильнику, достал из морозилки фибулу, пластилин казался равным по твёрдости камню. Завернул её в носовой платок, а потом двое более опытных сотрудников музея «Херсонес» потащили меня по коридорам в какую-то смутную даль, но уже после четвёртого поворота мы шагнули за металлическую дверь и...

... здесь орёт месяц май!

Я покажу тебе Анапу!

Приезжай, приезжай!

...Безжалостно терзая гитару, надрывался ресторанный музыкант, всеми силами завлекая народ. Поубивал бы за такое уродование оригинального текста Гарика Сукачёва, но туристам оно, возможно, и нравилось.

Южное солнце клонилось к горизонту, угрожая утопиться в золоте Чёрного моря, воздух был

свеж и пах солью. Мы вышли из какого-то подсобного помещения на первую береговую линию. Со всех сторон гремела музыка, гуляли отдыхающие, взад-вперёд носились малолетние дети, кто-то разъезжал на электрическом самокате, а кто-то, наоборот, стоял неподвижно в обнимку с любимым человеком, наслаждаясь прохладой вечера после горячего, знойного дня...

– Прибыли, бро!

– Вот прямо сейчас я даже не буду спрашивать, как вы это сделали. Но я спрошу потом, не сомневайся!

Денисыч беззаботно фыркнул, поправил холщовую сумку на плече и, перекинувшись парой фраз с Германом, потащил меня в сторону белой стены. Как оказалось, через двадцать шагов, минуя сувенирные ряды и картины уличных художников, мы добрались до касс музея «Горгиппия». Наверное, я зря сказал слово «касс» во множественном числе, по факту это была одна крохотная кабинка, где продавали билеты.

– Бери ты, бро, м-ня штормит... два билета-та, Гемрн... Гремлин... Герман не идёт!

Что ж, я протянул в окошечко два удостоверения сотрудников ЧВК «Херсонес», дающих нам как всем работникам этой отрасли право бесплатного посещения любых музеев и выставок по всей России. Очень удобно, знаете ли. Похожими правами пользуются ещё члены союза художников, но по галереям их всё-таки не всех пускают и не везде, увы...

Женщина за кассой и бровью не повела, равнодушно выдавая мне два бесплатных билета. Когда я обернулся, здоровяка Земнова рядом уже не было. Диня лишь пожал плечами:

– Да куда он денется? Увидитесь на вечернем шоу, не томи, Саня, пошли уже...

Я был совершенно с ним согласен: чего и как бы тут не происходило, а ещё с полчаса – и даже на вечерней температуре пластилиновая фибула с золотым мечом поплывёт в лужу.

Пока же она хранилась в нагрудном кармане моей рубашки, аккуратно завёрнутая в носовой платок, но это ненадолго. Вне холодильника заколка быстро станет мягкой. Исключение составляет специальный скульптурный пластилин, но у Светланы в ящике был самый обычный – разноцветный, детский, за девяносто рублей – из дешёвого магазина.

Короче, мы с приплясывающим и улыбающимся всем подряд Диней кое-как прошли в одноэтажное здание музея. То есть нас пытались тормознуть на входе типа: «Мужчина, ваш спутник пьян», но мой приятель выдохнул бабке на контроле перегар прямо в нос, и старушка осела на стульчик с самым блаженным выражением лица. Как он это делает – загадка века...

– Куда теперь?

– Куда и все, – мгновенно трезвея, прошептал он, – расходимся в разные стороны, и ты ищешь фибулу. Как найдёшь, стой на месте. Не ори, не маши руками, не подпрыгивай и не

привлекай внимания. Жди меня.

– А ты?

– Как и договаривались, сваливаю заниматься сигнализацией.

Сам музей был относительно небольшим. Как я понимаю, основная часть территории была занята под древнегреческие раскопки, и да, тут было на что посмотреть. Каменные фундаменты древних домов, колодцы и ванны, остатки стен и линии улиц старой Горгиппии до сих пор внушали уважение, близкое к благоговению, перед трудом и стараниями греческих мореходов, открывающих новые колонии-поселения.

Именно поэтому музейный комплекс в Анапе также заслуживал особого внимания.

За стеклом витрин можно было увидеть терракотовые скульптуры, изображающие богов, старинные вазы, осколки первой стеклянной посуды, монеты и бусы, бронзовые мечи и медные орудия труда. В общем, если вам вдруг доведётся быть в тех краях, то настоятельно рекомендую их музей для посещения. И простите, что мы посетили его не с целью приобщения души к прекрасному, а с куда более низменными порывами...

– Здравствуйте, – ко мне навстречу приподнялась милая брюнетка в огромных очках, сидевшая в углу зала. Судя по внешности, классическая «музейная мышка».

– Хотите меня?

– Вас? – не понял я, но Денисыч разулыбался и закивал.

– Ой, мамочка... простите! Вы хотите экскурсовода?

– То есть вас?

– Опять неправильно? – окончательно смутилась она. – Да что со мной не так сегодня? В общем, вам нужны услуги экскурсовода? Сегодня суббота, с восемнадцати до двадцати часов – бесплатно!

– Да! Ему оно надо прям вот очень-очень, – влез мой спутник, прежде чем я хотя бы рот открыл. – Проведите его по сакральным местам вашего заведения, покажите ему запретное, раскройте все витрины, а то у него так долго экскурсий не было, что он уже меня ночью обнимал...

Я обернулся, чтобы врезать этому брехуну, но тот успел удрать в другой конец зала. Девушка зарделась, её чуть лопоухие ушки (не знаю, можно ли так говорить?) вспыхнули красным, она поправила очки и, расхрабрившись, решительно шагнула мне навстречу.

– Гюзель Яхьяева, – представилась она, оправляя ладошками длинную юбку в пол. – Сегодня я буду вашим экскурсоводом. Или гидом. Я и так и так могу. Что вам показать?

– Александр, – в свою очередь назвался я. – Показывайте сразу всё.

– Прямо вот всё?

– Да, мне будет любопытно.

Почему-то в подсознании крутилась мысль о том, что всё это крайне странная и очень двусмысленная игра слов. Хотя вроде по факту всё было нормально, а там уж каждый делает выводы в меру своей испорченности. И похоже, что самый испорченный тут я...

Денисыч исчез из поля зрения так, словно его вообще не было. Вот только что тут стоял, ухмылялся самым пошлейшим образом, а потом мимо прошла уборщица с половой тряпкой – и нет его.

– Вы о чём-то задумались. Мне начинать?

– Да, простите. Напряжённый конец недели.

– У вас льготный билет, вы тоже из музейной сферы? Где работаете? В какой области специализируетесь?

На минуточку мне показалось, что девушка задаёт слишком много вопросов. А по идее вопросы должен задавать я. Мне пришлось многозначительно улыбнуться, сдвинуть брови и поднять указательный палец вверх. Гюзель охнула и опустила взгляд.

Этому нехитрому приёму меня научил полковник морской пехоты, когда отбивался от журналистов. Вроде бы ты ничего не сказал, не соврал, не обманул, а человек уже считает, что ты имеешь определённые связи или задания с самого верха! О которых, сами понимаете, вслух говорить нельзя-я...

– Я поняла.

– Я ничего не сказал.

– И не надо. Нас учили, я всё понимаю, постараюсь быть полезной, – едва ли не по-военному козырнула она. – Вы хотите осмотреть весь музей или у вас есть определённый интерес?

– Всё, что недавно было принято на баланс музея. Любая мелочь.

Гюзель безропотно провела меня к двум витринам. Пока она что-то рассказывала о месторасположениях раскопов и дарах случайных копателей, я быстро осмотрел десятки черепков, позолоченные пряжки, два скифских меча-акинака, остатки упряжи в меди, серебряные монеты-чешуйки русского и турецкого происхождения, а напоследок даже почти целую краснофигурную вазу с изображением героя, замахнувшегося двухлезвийным топором на голого лысеющего мужика.

– Это популярный миф о Тесее и Прокрусте, чьё имя переводится как «растягивающий», –

старательно щебетала девушка. – На самом-то деле его звали Дамаст или Полипемон. Разбойник, грабивший и убивавший случайных путников.

Память услужливо подсунула яркие картинки недавних событий, когда конченный психопат, которому место в карательной клинике с толстыми стенами и высокой оградой, вдруг решил изобразить из себя героя древнегреческих мифов и чуть не укоротил мне ноги.

Забывать такое кажется невозможным. Тем более что мужик на вазе был очень похож на гражданина Полипенко. Честное слово! Такая же лысина, кучерявая длинная борода, усталый взгляд, мешки под глазами, безвольный подбородок сластолюбца и садиста...

– Огромное спасибо за содержательный рассказ, – честно поблагодарил я где-то через полчаса. Диня даже не думал появляться, и мне пришлось рискнуть: – Но, может быть, есть какие-то древности, которые вы не успели выложить и описать?

– Ну, э-э... да. Там, в запасниках, есть несколько фибул, два кинжала начала бронзового заселения, бусы эллинской эпохи и...

– Фибулы, – уверенно перебил я, включая всё своё мужское обаяние. – В настоящее время мне как раз заказали статью в одном научном журнале, тема – заколки для плащей в Древней Греции, Скандинавии и Священной Римской империи. Можно посмотреть?

– Ой, это мне нужно у начальства разрешение выписывать и...

– Только посмотреть, я даже фотографировать не буду!

– Ну-у, наверное, всё-таки надо...

– А что вы делаете сегодня после работы?

Один простой вопрос решил все мои проблемы. Смуглая Гюзель засмушалась ещё больше и безропотно повела меня в хранилище. В самом деле, чего одним сотрудникам музея прятать от своих же коллег из другого музея? Мы на одной стороне. Ну почти...

Конечно, факта наличия конкуренции никто не отменял. И да, сами музейщики периодически люто завидуют друг другу. Если, например, кому-то подарили коллекцию неизвестных рисунков Дейнеки. Или кто-то получил крупный грант на компьютерное переоснащение, новый дизайн, современные решения в тактильном действии, когда посетитель может вести конницу на Куликовом поле, стоять у штурвала старинной бригантины, стрелять из пушки на Бородинском сражении или сидеть в кабине пилота во время боёв за Берлин. Ну здорово же?

– Ты хорошо её знаешь?

– Я вообще её не знаю.

– Ты врешь, милый. Если ты не знаком с ней, то почему она?

– Потому что это ты её выбрала.

– Я лишь предложила!

– Ага, там ещё была старуха-смотритель, уборщица и ночной охранник, с лысиной и пузом. На кого, по-твоему, клюнул бы этот парень?

– Во-первых, дискриминация кого-либо по возрасту или внешности – это фу! А во-вторых, теперь я точно знаю, на кого клюнул ты.

– Но она же страшная.

– А вот этого он ещё не знает...

Мы зашли в небольшую комнату, забитую ящиками и коробками, где мне было предложено полюбоваться последними поступлениями. Я сразу выхватил взглядом нужную нам фибулу и теперь напряжённо думал, как бы заставить девушку-экскурсовода хоть на минуточку отвернуться.

– Гюзель, вы так и не сказали, свободны ли вечером? – Я незаметно извлёк пластилиновую копию, выжидая нужный момент.

– Ой, а вам зачем? Вы... хотите меня... то есть хотите куда-то меня пригласить?

– Почему нет? – мне пришлось чихнуть, извиниться, приложить платок к носу, опустить руку с платком и... папа бы меня не понял, а может, даже отрёкся бы от сына-вора. – Но я мало знаю Анапу, а в какой ресторан лично вам хотелось бы пойти? Какая кухня вам нравится, что вы бы предпочли к ужину?

– Ах, Александр, – она вновь жутко смутилась и покраснела. – Наверное, если можно и вы не против, то... вашу печень!

Мне показалось, что я ослышался. Наказание за маленькую кражу просто не могло быть столь скоропостижным. Но в этот момент щёлкнул электрический замок, и я остался один на один с резко посиневшей девицей, из-под длинной юбки которой вдруг начали выползать красно-коричневые щупальца кракена с противными присосками.

– Гюзель, вы чего?!

– Александр, вы сами просили показать вам ВСЁ! Наслаждайтесь, пока можете. Через минуту я вас задушусь, высосу вашу кровь, а потом с наслаждением попробую на вкус вашу печень. Вы ведь не алкоголик?

– Ну... нет. Однако последние дни я пил.

– Никто не совершенен, – печально вздохнула она и пошла в атаку. Ровно в этот же момент в помещении вдруг погас свет.

– Что за...

– Денисыч, спасибо, – от души прошептал я, не вдаваясь в детали, а просто сваливая коробки в кучу и бросаюсь к выходу.

Электрический замок был отключён, дорога свободна, так что злобное шипение Гюзель из-под обвалившихся ящиков никак не могло меня удержать.

Я буквально воспарил над порогом в длинном прыжке и бросился к выходу. Музей был погружён в сумерки, электрическое освещение отсутствовало, а зажигать свечи им запрещали правила пожарной безопасности.

Из прохода на меня реально лаяла бабулька-уборщица, стоя на четырёх лапах и задрыв облезлый хвост, но я уже ничему не удивлялся – было просто некогда. Мне удалось вырваться в общий коридор, а оттуда, через служебное помещение, во двор. Там, петляя узкими тропками между остатками стен и фундамента древнего города, развернуться к забору, где тусовались люди, купившие билеты на так называемое «шоу гладиаторов». Я должен затеряться в толпе.

– Врёшь, не уйдёшь! Хватайте его, он не из нашего музея!

За мной припустила многоногая Гюзель, и, повинувшись её крикам, прямо из-под земли на меня пошли призраки. Честное благородное, натуральные привидения – полупрозрачные, медлительные, но злобные до крайности. Дымчатые струящиеся руки потянулись ко мне, и скорость движения пришлось увеличить вдвое, но...

– А к-кому вы-пи-ить? – в дальнем углу двора показалась качающаяся фигура.

Прямо на землю потекло красное греческое вино, и ни один призрак не посмел послушаться зова сердца или что там у них ещё осталось. Возмущённая Гюзель визжала, как японская бензопила на Курильских островах, но её никто не слушал. То есть почти никто, потому что к тому моменту, как я добежал до забора, к погоне присоединилась музейная охрана. Четверо дедов-пенсионеров, ветеранов уж не знаю каких войн, начали рвать на груди тельняшки и камуфляж, на ходу вытаскивая засапожные ножи.

– Спокойной ночи, малыши, – громко объявил я, переваливаясь через забор.

Но, как оказалось, очень зря, потому что я попал в гущу битвы десяти «гладиаторов», и все эти спортивные ребята набросились на меня, как пираньи-журналиги на голую ножку фигуристки Загитовой. В моём случае разница заключалась лишь в том, что её они пытались дискредитировать, а меня тупо прикончить. Зрители аплодировали стоя!

И вот в этот пиковый момент над «древнеримской» ареной прогрехотало исконно русское:

– Всех убью, один останусь!

Кажется, в литературе этот клич использовал богатырь Жихарь. Так вот, не знаю, читал ли

Герман фэнтези Михаила Успенского, но в бой он ворвался словно смерч направленного действия. Я никогда не видел, как один невооружённый человек без всякого кунг-фу или ушу раскидывает по углам десяток профессиональных каскадёров.

Двух здоровяков с мечами в доспехах римских воинов он просто размазал вдоль забора одним движением плеч. Воин в волчьей шкуре с топором – типа страшно дикий варвар, – получив кулаком в подбородок, улетел в сторону набережной. Матерился-я...

Потом на Земнова кинулись уже все сразу: и расписной гот с молотом, и грудастая девица с двумя копьями, и азиат-татарин-монгол с кривой саблей и кинжалом в зубах, и ещё трое славян-викингов – сам чёрт их не разберёт, но все сердитые и с топорами.

Наш герой стоял, словно скала в бушующем море, о колена ломая копья, лбом расшибая щиты, а железные двуручные мечи скручивая в весёлые новогодние спиральки. В общем, кто бы там ни пытался поднять хотя бы голос на скромного музейного работника из «Херсонеса», жалел об этом буквально сразу и более в тупую драку не лез. Ну, в смысле если мог встать, то не лез. Очень разумно: всё-таки они профессионалы, а значит, понимают, что к чему.

Всё-таки парни выступают на этом шоу не первый год, стараются, тренируются с оружием, держат себя в форме. У них реально не самая простая работа, но стоило всего лишь раз какому-то там научному специалисту по бронзовой и мраморной скульптуре шагнуть на арену, как все они посыпались в разные стороны бумажными солдатиками...

– Александр, беги! – успел крикнуть он, кивком головы указывая мне направление.

Это было как раз за пару секунд, как на арену выплеснулась разъярённая Гюзель. Зрители едва ли не встали в единодушной волне аплодисментов. Ещё бы! Такого развития гладиаторских боёв никто тут и близко не ожидал увидеть.

– Аря-ря-я! – в свою очередь проорал я, запрыгивая к нему спина к спине. – Герман, прости, но такую эпическую битву я не пропущу ни за что в жизни!

Честное слово, я не то чтобы хоть как-то агрессивен по натуре, скорее нет и всегда предпочту войне переговоры, но сегодня друзья и сотрудники по работе, видимо, чем-то заразили меня. Голову переполняло чарующее предвкушение боя, о котором писал ещё Пушкин. Я подхватил обломок копья на манер короткой дубинки, и тело само вспомнило все навыки рукопашного боя морской пехоты с Балтийского флота.

– Воры и убийцы! – закричала Гюзель, перекрывая восторженный рёв толпы.

– Мы лишь взяли то, что принадлежит нам по праву, – спокойно парировал Герман и вполборота, уголком рта, уточнил: – Взяли ведь?

– Разумеется, – подтвердил я. – А как будем выбираться?

– Никогда не задумывался об этом. Героев обычно выносят на руках избавленные от чудищ

жители полиса.

Вот тут он меня, конечно, подставил. Я-то был свято уверен, что участвую в подготовленной аванюре, а тут, оказывается...

– Смерть вам!

Восемь щупалец плотно обхватили здоровяка Земнова, я успел увернуться и, зайдя сбоку, пару раз от души приложил эту тварь обломком копья по рёбрам. Хорошо приложил, с потягом, но в этот момент кто-то сзади так дыхнул перегаром, что у меня заслезились глаза.

– Зема, не дерг-йся, ща я... её... крикну!..

Денисыч с трёх попыток, двух падений таки умудрился влезть мне на плечи и с размаху расшарашить полную амфору о голову экскурсовода конкурирующей фирмы!

Гюзель икнула, выругалась по крымско-татарски и рухнула навзничь. Её тело вновь стало самым обыкновенным, щупальца исчезли, кожа потеряла синюшность, девушка полежала с минуточку в луже вина, потом встала на четвереньки, поднялась и очень незаметно смылась.

Публика неистовствовала! И да, в этом реально был какой-то завораживающий кайф.

Мы трое стояли рядом, словно самые геройские гладиаторы на арене Падуи, Вероны или Рима, нам аплодировали все, даже те актёры, которым досталось, нас снимали на смартфоны и камеры, нам бросали цветы, а в Германа в какой-то момент полетел даже чей-то лифчик. Красивый, в кружавчиках, четвёртый размер.

А потом в нашу сторону направился полицейский наряд. Не самое лучшее завершение праздничной феерии Древнего мира. Все слегка напряглись, народ начал свистеть и топтать ногами, тот же Диня с ходу предложил взбулгачить пассивную часть публики на нашу защиту. Но я, хоть и родился и вырос в Екатеринбурге, был категорически против участия в революционных драках с представителями закона.

Тогда Герман высказал предположение, что полиция просто хочет взять у нас автографы вне очереди, но тут уж мы с Денисычем оба дружно отвергли такую наивную версию. Спасение пришло откуда не ждали: в небольшом полосатом шатре, стоявшем в углу арены для переодевания костюмированных артистов, вдруг откинулся полог, и в проёме показалась почти обнажённая Афродита. В смысле, разумеется, Светлана Гребнева.

– Мальчики, ну почему вам вечно нужно какое-то особое приглашение?

На ней был тончайший белый хитон, скреплённый двумя лёгкими пряжками на плечах и не скрывавший ни одной линии её тела, на шее цветные бусы, мочки ушей оттягивали длинные серьги, а волосы были забраны в высокую причёску в виде золотой короны. В резко наступившей тишине повис лишь один комментарий:

– Твою ж в душу мать, какие сиськи...

Пока обалдевший народ заткнулся и даже полицейские сбились с шага, мы трое дружно рванули в тот же шатёр. Наша восхитительная сотрудница, знаток красно- и чёрнофигурной росписи, послала всем воздушный поцелуй и опустила полог:

– Ну и что встали, дебилы? Валим уже отсюда-а!

Она столь же решительно приподняла край тканевой стенки шатра, показывая полутёмный коридор. Куда он ведёт, я не знал, но моего мнения никто и не спрашивал. Диня бросился первым, за ним Светлана, за ней я, а Герман как самый сильный традиционно прикрывал отход. Он всегда так делал: брал ответственность исключительно на себя.

Мы пригнувшись бежали куда-то в тусклом свете случайных лампочек, видимо, зачем-то оставленных строителями. Наш пьяненький знаток языков матерился на кантонском, передо мной призывно покачивалась обворожительная девичья попа, а в спину дышал, словно разгорячённый погоней лев, скромный бородач с зачатками легендарных богатырей из старых добрых сказок. Тем не менее через пару минут бега я спросил:

– А куда мы, собственно, движемся?

– Подальше от Анапы, поближе к Крыму! – издалека выкрикнул трезвеющий Диня.

– Но это же десятки километров, если считать...

– Всё, мы дома!

Наш впереди идущий толкнул дверь, и все мы друг за другом вывалились в полутёмный сад, залитый прощальным оранжевым отсветом севшего за горизонт солнца.

– Как вы это делаете?

– Фибулу давай.

– Сначала скажи, как вы всё это делаете?! – взвился я, потому что уже хватит. – С меня достаточно белых быков среди моря, переходов из Севастополя в Гурзуф за пять минут, а в Анапу за шесть! Всех этих странных коридоров, когда абсолютно не понятно, куда идёшь и где окажешься! Я поверил в вашу игру с зомби, ладно, пусть, это ещё хоть как-то можно объяснить, но вот это всё?! Короче, я не отдаю вам никакой фибулы, пока...

Гребнева обернулась и поцеловала меня в губы. Если на всём белом свете есть поцелуй, абсолютно отключающий мозг, то вот... кажется... это было оно...

Я безропотно достал из кармана джинсов завернутую в тот же платок, но уже настоящую заколку для плаща, молча передал её в руки благоговейно склонившегося Германа и... кажется, потерял сознание.

По крайней мере, свет погас, а в моей голове некоторое время, препираясь, спорили голоса. Не знаю, бывает ли подобное у других? Надо посмотреть в интернете, но вот у меня так

точно было:

– И не проси!

– Я тя умоляю, чо стоит чмокнуть его ещё раз?

– Я тоже согласен.

– Да? Вот ты его и целуй!

– Он... не такой, и я не такой, ты же знаешь.

– А я, значит, вся такая-растакая?! Сексисты, мизогины, абьюзеры!

– Милочка, это новомодные слова, не стоит ими злоупотреблять...

– Зло-упо-тре... чего?! Как он меня назвал?!

Потом шум драки, крики, полупридушенный хрип – и на меня выливается с полведра воды. Я резко подскочил на метр в положении лёжа и наконец-то смог открыть глаза. Сижу мокрый как мышь у фонтана, над головой звёзды, а в двух шагах заботливый Герман Земнов с полными ладонями воды собирается окатить меня по второму разу.

– Спасибо, не надо!

– Он пришёл в себя, – громко оповестил здоровяк. – Александр, ты просто герой! Нам удалось вернуть украденную фибулу, теперь мы сможем найти и сам золотой меч! Я перед тобой в вечном и неоплатном долгу, друг мой...

Я подал ему руку, он помог мне подняться с мокрой земли, а Денисыч со Светланой уже накрывали стол. Поздний ужин под сияющими крымскими звёздами казался странным празднеством загулявших станичников где-нибудь в Тамани, но там, наверное, должен быть борщ, сало, вареники, самогон, а у нас на скатерти появился греческий салат, холодная баранина, тёплый хлеб, оливки, овечий сыр и красное вино!

Как я понимаю, невзирая на все протесты и мечты о здоровом образе жизни, провести в Херсонесе хоть день без вина совершенно немыслимо. Ибо это просто оскорбительно для древнегреческого бога Диониса или, как говорили римляне, Бахуса, так что – увы и ах – наливай и пей...

– Ты видела?

– Ты видел?

– Они же просто звери какие-то... Этот урод с непомерно накачанными мышцами бил нашу девочку прямо в лицо!

– Я сама в шоке. Какая жуткая деградация личности, а ведь кто-то из зрителей, наверное, до сих пор считает его героем...

– Люди ужасны по своей природе.

– Да, не то что мы.

– Этот мир не должен принадлежать им.

– Согласна, дорогой.

– Придётся напомнить о себе ещё раз...

Я уже забыл о своих претензиях, о том, что мне по-прежнему никто ничего не собирался объяснять, потому что какая-то часть моей памяти вдруг стала избирательной. То есть наш поход в анапский музей «Горгиппия» я отлично помнил. У них отличная экспозиция, прохладно внутри, система кондиционирования воздуха, редкие экспонаты и самое главное – всё собрано с любовью и пониманием ценности каждого древнего черепка. Поэтому, разумеется, воровать там было некрасиво.

Но когда девушка-экскурсовод Гюзель (это имя я тоже запомнил!) вдруг превратилась в синекожего монстра вроде молоденькой Урсулы из диснеевской «Русалочки», то сомнения исчезли вмиг! Когда на меня начала с лаем скалить клыки бабушка-смотритель, уж тем более! Вот из-за таких злющих типажей молодёжь и не ходит в музеи...

Поэтому сейчас я вместе со всеми поднимал глиняные греческие чаши и пил вино за нашу общую победу в деле возвращения культурных исторических ценностей. Что же касается завтрашних разборок с дорогим директором, то вот прямо сейчас всё это мало волновало нашу маленькую банду. В конце концов, *victores non judicant*[9]. Хотя бы потому, что судить их некому: все остальные проиграли...

– Исчо, вот... тост за емого... моего! Моего зему и бро, Саню! Он... х-дожн-к! Он мня нарисвал. Как живой! До слёз, бро... ик...

– Александр, так вы рисуете? Почему я не знала?

– Ну, я не так чтоб очень хорошо...

– Ощнь! – пьяный Денисыч приобнял меня за плечи, дыша перегаром в ухо. – Бро, я в т-ких вещах... разб... разби... бира... ой, мама! Короще, Светка, он и т-бя нарисовал.

– Надеюсь, без одежды?

– Истественна!

Я покраснел, но Гребнева была абсолютно серьёзна. Если у неё хорошая фигура, что никем не подвергалось сомнению, то зачем прятать её от людей? Пусть каждый прикоснётся

взглядом к прекрасному, это правильно и естественно. А вот позволять себя лапать – совсем другой вопрос, и, как я начинал понимать, она на него давно ответила, ибо после неудавшегося брака и токсичного любовника уже не допускала до себя мужчин. Меня ведь неоднократно предупреждали, что она «не такая»: может восхищать, соблазнять, влюблять, но спать с каждым желающим не станет. Даже «для здоровья»...

Герман носился со своей новообретённой фибулой как дурень с писаной торбой. В наше время бы сказали: как мажор с новой сумочкой от Gucci, но смысл примерно тот же. Ему не нужны были ни вино, ни еда, ни компания. Мы также старались не слишком напрягать нашего великана, довольно и того, с каким героизмом он дрался за эту фибулу на арене.

– Уверен, что завтра весь интернет будет забит видео с нашими подвигами в Анапе.

– Не переживайте, Александр, наш директор с большим пиететом относится к имиджу музея. Люди быстро забудут о том, что видели, а толпа всегда найдёт новых героев. Например, каких-нибудь смешных котиков или дерущихся из-за печенок енотов...

Не знаю, возможно, Светлана была права. Если народ и снимал своё видео, то это ещё не факт, что оно будет выложено и, самое главное, начнёт пользоваться успехом. Любой двухлетний малыш, подкрадывающийся к спящему папе с ёршиком для унитаза, явно соберёт куда больше просмотров, чем так называемые «гладиаторские бои» в приморском городке. Не стоит париться раньше времени.

Потом ещё Диня в момент протрезвления прочёл мне целую лекцию о правилах и традициях конкуренции между греческими полисами. С его точки зрения, допустим, музей-квартира Пушкина в Москве не воюет с музеем Пушкина в Санкт-Петербурге, а ещё есть музей в Царском Селе или в Болдино и Михайловском. У того же Сергея Есенина чуть меньше: четыре культовых музея по стране. Смысл им между собой бодаться?

Или вот музей Велимира Хлебникова один, и у Ильи Репина один, а у Карла Брюллова вообще ни одного. За что им бороться, кроме грандов от государства и жертвований от олигархата? А вот греческие музеи по Чёрному морю традиционно продолжают всю ту же борьбу за влияние, как древние греки из колоний-поселений.

Так принято. Не надо никого судить. Сегодня мы забрали редкую вещицу, которую они у нас фактически украли, но завтра они опять свистнут что-нибудь в музей Феодосии или Керчи. Обычное дело, всерьёз никто не обижается, в суд не подаёт, греки вообще своеобразный народец – никогда не гнушались ни обманом, ни нарушением слова, а уж в плане торговли обманывали варваров направо и налево.

– Что ты хочешь, бро? Да сами эллинские боги были сплошь маньяки и извращенцы!

Насиловать сестёр, изменять супругам по поводу и без, спать со своими же детьми, подставлять героев, удовлетворять себя всеми преступными средствами – всё норм! А ты упрекаешь меня за то, что я пью?!

– Ну ты же не бог.

– П-щему? Пусть самый и... и эт... младший, но глянь на м-ня, чем я те не... ни... ик!

– Диня, тебе достаточно, – я попытался отобрать у него амфору, и он вдруг безропотно отдал мне её, тихо попросив отвести его баиньки.

Вот, несмотря на устоявшийся алкоголизм, человек всё-таки знает, когда ему хватит, и не творит хрень. Это хорошее качество, достойное уважения. Я подхватил его за плечи и отвёл в свою комнату, уложив на кровать. По-моему, он уснул, ещё когда мы шли, то есть храпел на ходу. Потом я вернулся в сад, остальные ещё не расходились.

Светлана присела ко мне на колени, обняла за шею, прижимаясь упругой грудью, и также попросила несудить товарища строго. По её словам, Денисыч был глубоко несчастен. Отец принадлежал к самым верхам правящей партии, а мама, наоборот, была самой обычной женщиной, на которую упал сластолюбивый взгляд начальства. В результате мальчик вообще не знал матери. Никогда.

Папаша из жалости устроил его дегустатором на винный завод в Абрау, там он и спился уже окончательно. Женился поздно, жена то ли гуляла, то ли не предохранялась, но нарожала ему порядка двадцати детей. Всё кончилось тем, что Денисыч сбежал. Скитался, бомжевал, выступал на передачах типа «Большой стирки», но в конце концов был замечен и принят в штат «Херсонеса». Откуда эта пьянь знает столько языков – вопрос открытый до сих пор...

– Он как-то говорил, что все, кто тут работает, всерьёз имеют реальные проблемы по жизни, – ляпнул я, тут же пожалев о сказанных словах.

Гребнева мгновенно замкнулась, оставила вино и, сославшись на усталость, быстро ушла к себе. Герман сидел за столом при свете электрической лампы, над которой вились мотыльки, и по-прежнему вертел в руках фибулу, словно пытаюсь раскрыть её секрет. Это уже немного походило на сумасшествие, но я знаю, что многие музейщики такому подвержены. Не стоит сразу звонить в психиатрическую клинику или вызывать экзорцистов.

А вот мне больше ни пить, ни есть, ни тем более спать не хотелось. Я вернулся в свою комнату забрать блокнот, карандаши и гелевые ручки. Душа требовала отдохновения, а мозг – реализации всего увиденного за сегодня.

Рисовал я уже в саду. Во-первых, там было достаточно светло, а мне не хотелось включать свет в комнате, чтобы не разбудить Денисыча; а во-вторых, Земнов мне не мешал, он был слишком занят этой странной круглой застёжкой в форме меча. Не желая более забивать себе этим голову, я просто нарисовал её. Ну и ещё немного из воспоминаний последних дней. А они, оказывается, были нереально насыщенными.

Я по памяти нарисовал профиль Гюзель. Потом попробовал в три четверти, получилось лучше: чисто портретно, в очках, чёрные волосы ниже плеч, мягкая полуулыбка – так, как она запомнилась мне до своего жутковатого превращения. Пока она была человеком...

Вот эту часть я бы хотел вообще развидеть и навеки вычеркнуть из своей памяти, но не уверен, что получится. Может быть, как раз стоило бы поступить наоборот и подойти к решению вопроса с точки зрения русской психологии, где клин клином вышибают?

– Многие считают, что для того, чтобы избавиться от тяжёлых мыслей, их надо визуализировать, записать или нарисовать, а потом сжечь, – почти вслух проговаривал я, делая набросок карандашом. Потом прошёлся по серым линиям гелевой ручкой, прорабатывая детали, и закончил несколькими штрихами чёрного маркера. Вроде так.

Не знаю уж, насколько стало легче, но рисование всегда успокаивает, так же как любой вид творчества, по сути, может являться терапией. А когда рисунок получается, тем более. Я скинул несколько фото на почту директора, как и обещал.

Великан Земнов пару раз бросал взгляд исподлобья, но ни разу не пытался встать и посмотреть. Он сидел перед лежащей на столе фибулой, сравнивая её со всех сторон с изображением на экране сотового. Мне тоже было интересно, чем таким уж важным он занят?

– По-моему, невозможно любоваться на обычную медную заколку уже больше двух или даже трёх часов, – не отрываясь от блокнота, протянул я. – Хотя почему бы и нет, мы, музейщики, народ странный во всех смыслах.

Собственно, на этом всё и закончилось. Герман так и остался в саду, а я всё-таки решил отправиться спать. До рассвета было ещё несколько часов, так что шанс есть. Моя кровать была занята храпящим в две дырки дружком-полиглотом, поэтому пришлось стянуть с него плед и улечься прямо на полу. Жёстко, но не холодно – ночи здесь тёплые.

Уснул быстро. Снов не помню, хотя почему-то уверен, что они были. Когда проснулся от прямых солнечных лучей, бьющих прямо в нос, то где-то далеко в подсознании всё ещё грелось ощущение чего-то очень красивого и нежного. Это было похоже на поцелуй, хотя, кажется, я не целовался ни с кем уже целую вечность, но всё равно...

Часы показывали восемь сорок утра. Денисыча в комнате не было, на кровати всё всмятку: и подушка, и простыни. Но в качестве благодарности на моём подоконнике стояла полулитровая амфора вина. Вполне в стиле нашего полиглота. Я встал, потянулся, отжался пятнадцать раз от пола вместо утренней зарядки и направился в ванную комнату.

Очень вовремя, как оказалось, потому что прямо передо мной скрипнула закрывающаяся дверь комнаты Светланы Гребневой. Значит, она уже приняла душ, теперь моя очередь. Не буду вдаваться в детали, в общем, когда я довольный, освежённый, с вымытой головой вышел в коридор, меня ждал всё тот же мрачный сторож из Абхазии.

– Добрый день, Сосо. Как я понимаю, Феоктист Эдуардович ждёт?

– Да, – коротко подтвердил он.

– Одну минуту, я переоденусь – и идём.

Церберидзе прорычал что-то невразумительное, но более ничем не выразил недовольства или спешки. Хорошо, значит, директор просто хочет меня видеть, а не вызывает на ковёр. Это уже приятно. Повинуясь импульсивному порыву, я вдруг протянул руку и почесал горбуна за ухом. Но прежде чем до меня дошло, ЧТО вообще я творю, старик-сторож неожиданно расслабился и удовлетворённо заворчал.

Мы простояли так минуты три: я чесал, он довольно жмурился. За этим делом нас и застукал вырвавшийся из-за поворота Денисич. На лице его не отразилось ни малейшего удивления:

– Бро, ты не к директору? Ну, там типа, если что – я вчера не напивался. Пил, но не в дрова же, да? Пжалуйста!

– Без проблем.

И когда я прошёл мимо, тихо добавил вслед:

– И это, того... ты не приманивай его так уж, слишком, потом не отвянет...

Не уверен, что я всё расслышал правильно. Диня часто спяну или в муках похмелья несёт маловразумительную чушь. Короче, я по-быстрому переоделся, и тот же суровый Церберидзе проводил меня до директорского кабинета. Получалось всего два поворота и один длинный коридор вообще без дверей. Но мне почему-то казалось, иди я сам, то даже с планом эвакуации на руках нипочём бы не добрался до нужного места.

Я поблагодарил сторожа, и он впервые ответил мне каким-то подобием улыбки, больше похожей на собачий оскал с вываливанием языка вбок. Лучше б он этого не делал, жутковатое зрелище, если честно. Я собирался предварительно постучать, но дверь гостеприимно распахнулась сама. Меня ждали Феоктист Эдуардович и смущённый Земнов.

– Спешим приветствовать отважного героя, что чести не утратил и в бою стал рядом с другом крепче, чем скала. И все ветра, все бури, все ненастья, что выпущены были из ларца капризницы Пандоры, оказались вдруг бессильны перед двумя мужами на арене!

– Уф, – опустив голову, выдохнул я. Если и будут казнить, то не сегодня.

– Что ж, Герман рассказал мне всё, чему лично был свидетелем, – уже нормальной речью продолжил директор музея. – Мне, конечно, доводилось слышать, что в Анапе делают крутые гладиаторские шоу, они выиграла большой гранд по линии министерства культуры, но я и не подозревал, что их спецэффекты могут быть такого высокого уровня! Нам бы такое... – он побарабанил пальцами по столу и обернулся ко мне: – Да, рисунки я получил, спасибо. А почему вы изобразили меня без очков?

– Ну вы же не всегда их носите.

– Вообще-то всегда, но неважно. Присаживайтесь, Александр!

Я оглянулся на здоровяка, он продолжал стоять у окна, задумчиво опустив голову и скрестив руки на груди. Ладно, сяду. Феоктист Эдуардович полез было за бутылкой и бокалами, но мы оба дружно отказались. В объявлении о найме соискателя не указывалось, что пить придётся каждый день и даже не по одному разу. Если бы написали такое, я бы, может, и не поехал, зато от скучающих алкашей с высшим образованием у них бы тут отбоя не было. Стопудово!

– Итак, друзья мои! Не стройте планы на завтра, я попрошу вас съездить в Батуми, там для нас приготовлен небольшой сувенир. Так называемое «золотое руно». Нет, разумеется, не настоящее! Но забрать его надо. Управитесь вдвоём?

– Если удобное расписание самолётов, то почему нет? Из Крыма до Грузии лететь не больше двух часов, – предположил я. – Вполне уложимся.

Директор переглянулся с Земновым, аккуратно поправил очки и объяснил, что прямого авиасообщения между нашими странами сейчас нет, если только через Армению или Белоруссию, да и вообще, политическая обстановка сложная. А где она простая?

Поедем на скоростном катере, то есть даже ещё более быстром, чем тот, что возил нас в Гурзуф. Все вопросы с пограничными службами и таможней улажены. Фактически нам можно даже не сходить на берег, просто примем пакет с пристани – и сразу домой.

– А ты чего такой мрачный? – спросил я, когда мы с Германом покинули кабинет начальства.

– Не люблю Грузию.

– Чего? – искренне поразился я. – Прекрасная страна, гостеприимные люди, шикарная кухня! А танцы, а песни, а вино?

– Ты там был? – напрямую спросил он, глядя мне в глаза.

Я помотал головой:

– Лично побывать не пришлось, но мой папа работал там пару лет ещё при Союзе, так вот он, вспоминая, рассказывал только хорошее. Да и вообще, изучая искусство Грузии, удивительной и древней земли, её ковры, керамику, вышивку, работу по металлу, ювелирные украшения, ты видишь такую красоту, которой трудно подобрать эпитеты. До последних лет грузинские художники брали медали и дипломы на всесоюзных и российских выставках! Хотя, с другой стороны, тот же Зураб Церетели такого в Москве понаворотил, что до сих пор слёзы на глазах...

– Так вот я тоже не был, – не обращая внимания на мою реплику, продолжил Герман. – Мы тогда большой мужской компанией скооперировались: молодые, горячие, за границу в первый раз собрались. А тут такая возможность – морем вдоль всего побережья, от нас к ним, погода хорошая, всё оплачено, но... В общем, хлебнули мы тогда все...

– Ну вот, а ты говорила, что они успокоятся. Главное, вовремя подбрасывать их шефу разные

истории, а он любит загадки. Это его слабость...

– Согласна, но пока мы лишь теряем фигуры на шахматной доске. С новым специалистом им слишком везёт.

– Это случайность. Вот, взгляни сюда. Профиль, фас, название судна. Ты помнишь его?

– Капитана? Вроде да, но может и нет.

– Вспоминай, он ведь участник тех самых войн.

– Ой, да чего они там навоевали?

– Неважно. Потом ещё никак не мог добраться домой, а вернувшись, обнаружил свою жену с десятком фаворитов.

– Мог бы и не напоминать! Ты сам виноват, что слишком долго отсутствовал.

– Я спал. Вместе с тобой в одной постели.

– Это не оправдание...

Пока мы вышли в сад, Земнов рассказал всю повесть до конца. Она небольшая. Из группы в сорок пять человек с одного курса, севших на теплоход до Батуми, домой вернулось меньше трети. Он сам до грузинского берега не доехал, был вынужден сойти по ряду причин личного характера. Его товарищи погибли в море: были убиты членами местных бандитских группировок; туроператор кинул их с отелом, пришлось выкручиваться самим.

А ещё по прибытии один герой умудрился попасть в неприятную историю с местной красавицей. Типа любовь с первого взгляда, но её папа оказался большим авторитетом, всё пошло под откос, ни о каком гостеприимстве даже речи не было, вырвались – и уже молодцы. Назад вообще добирались на перекладных, судно село на мель, шли пешком...

– Да-а, история, – пробормотал я, когда мы сели за стол у фонтана.

Причин не верить у меня не было, наш великан кто угодно, но не лжец и не фантазёр. Завтрак накрывал всё тот же горбатый сторож. Когда он принёс второй поднос, я было подорвался ему помочь, но Сосо сам остановил меня недоумённым взглядом, зарывчав так, словно бы я претендую на его кусок хлеба. Пришлось поднять руки вверх.

– Он странный, но не злой, – поддержал меня наш великан. – Не стоит на него обижаться, не надо ему помогать. Но при случае, как выберешься в город, принеси ему сухарики в подарок, он запомнит. Он вообще хорошо помнит и добро, и зло.

Мы честно постарались дождаться остальных. Светлана пришла первой, свежая и улыбчивая, словно утренняя роса. Денисыч не явился даже после того, как мы, проголодавшись, смели почти всё. Он припёрся ровно в тот момент, когда Земнов предупреждал нашу сотрудницу о

том, что нам придётся на денёк отлучиться.

– Чо, где, бро? Ты линияешь без меня?!

– Вообще-то у нас задание, Феоктист Эдуардович просил съездить в Грузию и...

– Сакартвело? Колхида? Страна лучших красных вин, которые, как они уверяют, придуманы ими же, а по факту это чисто греческие традиции! Я возмущён и жажду справедливости, поэтому мы едем вместе. Короче, зема, я с вами!

– Директор сказал, что едут двое, – неуверенно попытался возразить наш специалист по мрамору и металлам, но едва не словил от горбоносого сотрудника амфорой по голове.

– Хочешь ехать – иди и договаривайся с директором! – я с трудом успел перехватить его руку. – Мы-то тут при чём?

– При том, что не бро ты мне после этого!

В назревающую драку деликатно вмешалась Гребнева:

– Минуточку, Александр, я думала, что мы все здесь друзья. Почему же вы сразу не сказали, что планируете вдвоём потусить в Грузии?

– Я и думать не мог, что оно вам интересно...

– Грузия – прекрасная страна, великолепное вино, традиционное гостеприимство, шикарная кухня, зажигательные танцы и восхитительные песни!

На минуточку мне показалось, что она просто повторяет мои же слова, но это ведь не могло быть правдой.

– Итак, мальчики, я готова и еду с вами! Кто-то против?

– Директор! – едва ли не в один голос проорали мы с Германом.

Признать, что в короткую поездку нам было бы удобней махнуть вдвоём, не рискнули сказать ни я, ни он. Причём ни ей, ни ему. В глазах Дини читался такой праведный гнев, такая восхитительная обида на весь цивилизованный мир, что не взять его с собой было бы преступлением против человечности. Мы сдались сразу.

Гребнева села мне на колени, о чём-то задумалась, пока её упругая грудь тыкалась в моё плечо, и вообще ничего не говорила. Она только слушала, как наш великан смущённо объясняет ей, что женщина на корабле – к несчастью, что те же аргонавты плавали исключительно в мужском составе и наш поход в Гурзуф уже показал опасность нахождения всего одной красавицы в бикини на борту нашего судна. Но слушала – не значит услышала.

– Денисыч, у тебя есть перо и бумага?

– Да, дорогуша, чего у меня только нет. А тебе зачем?

– Так, хочу написать заявление об увольнении с работы, – нежно улыбнулась Светлана всем нам и никому в отдельности. – Просто не вижу смысла оставаться в коллективе обманщиков, сексистов и мужланов.

– Если ты уволишься, то и я здесь не останусь, – пылко вскинулся наш полиглот, вырвал зубами пробку и накатил из горла эдак грамм двести – триста. – Начальство меня не ценит, друзья предали, винишко заканчивается, ради чего жить?!

– Диня, ну это уже зашквар какой-то! Мы ведь тебе не...

– Не друзья, не родственники и ваще не обязаны?! Значит, как заболтать врага – так Диня, как подпоить охрану – Диня, как расшифровать древние надписи – Диня, как договориться с кем угодно на каком угодно языке – Диня, а как выговор за пьянство, лишение премии и выселение с койко-места опять-таки Диня-я!

В такой ярости я не видел его ещё никогда. Наш маленький специалист по древним языкам бегал вокруг фонтана, возмущался, топал, орал и, не стесняясь девушки, материл начальство. Нас он и слышать не хотел. Более того, в Германа полетела первая пустая амфора, и вот тут...

– А что у нас, собственно, происходит?

В сад вышел улыбающийся Феоктист Эдуардович, от его лысины отражалось солнышко. Он спокойно подошёл к кривляющемуся Денисычу и, чуть приподняв очки, посмотрел ему в глаза. Возмутитель общественного спокойствия без писка рухнул в фонтан, подняв каскад брызг...

– Зато протрезвеет, – пробормотал директор, вновь улыбнулся, поправил очки и повернулся к нам. – Светланочка, Афродита вы наша Таврическая, да нипочём я не подпишу ваше заявление, сами знаете! Хотите с ребятами в Грузию, ради бога! В смысле я охотно даю вам своё личное разрешение.

– И я х-чу... – пробулькал Диня из фонтана, пуская струйки ртом и изображая резвящегося дельфина.

– Опять-таки не возражаю. Друзья мои, это была определённая проверка на вшивость, то есть слились ли вы в настолько единую команду, что по отдельности – никуда! Признаю, что нам с Милой Эдуардовной есть ещё над чем работать. Но в целом я доволен. На корабле найдётся место всем. Будьте готовы через полтора часа, капитан Улисов опоздавших не ждёт...

«Странная фамилия...» – задумался я.

– Из крымских татар, – мгновенно ответил мне директор, хоть я и не задавал вопроса вслух.
– Форма одежды свободная, в Батуми сейчас жарко. Документы и деньги вам выдадут на

судне. В общем, ничего сложного, считайте, что вас премировали туром выходного дня. Отдыхайте, веселитесь в пределах разумного. Да, привезите мне чурчелу, в Грузии её делают лучше, чем у нас.

На завтраке мы все четверо извинились друг перед другом и помирились. Диня вылез из фонтана мокрый как мышь, но трезвый. За столом сидел голый. То есть абсолютно. Сказал, что мы, мужики, друг дружку не стесняемся, а Светка чего только не видела, её по любому не впечатлишь. Гребнева молча пересела на нашу с Германом сторону.

Ела она, как птичка, скорее, поклёвывала виноград, сыр, хлеб. Сам Земнов, наоборот, мог бы служить рекламой теории, что завтрак – важная часть режима питания. Да и наш старшина на флоте как-то обмолвился: «Вот не успеешь поесть утром, а в обед вдруг война – и до ужина ты не дожил, голодный, как дурак».

Я мазал свежий хлеб маслом и мёдом, закусывал большущими чёрными сливами, мяса на столе не было, но, с другой стороны, как раз на шашлык и стоило бы разориться в Батумском порту. Думаю, там можно рассчитаться в рублях. Хотя сколько их там у меня осталось-то?

После травяного чая с традиционными крымскими сладостями все разошлись по своим комнатам. Только Денисыч в одиночестве остался за столом, его одежда ещё не высохла, а в другой я его и не видел ни разу. Но почему?

Мне впервые пришла в голову мысль о том, что нашему интеллигентному алкоголику действительно без разницы, в чём ходить. Возможно, у него просто не было смены одежды. Да и спал он где придётся, хоть у меня на полу, хоть в саду под скамейкой. Мне почему-то вдруг захотелось пробежаться до ближайшего магазина и купить ему хотя бы футболку в подарок. Но времени не было: стукнувший в мою дверь тяжёлый кулак заботливым голосом напомнил, что построение в коридоре через пять минут.

«Куплю в Батуми», – сам себе пообещал я.

Из чистых вещей у меня оставались рубашка с коротким рукавом и те же джинсы. Нормально, мы в любом случае ненадолго едем. Сунул сотовый в карман, кроссовки на ноги – и вот я уже готов служить любимому музею!

– Э-э...

– Что?! – недоумённо фыркнула парадно одетая Гребнева – в облегающем розовом платье с рюшами, глубоким декольте и подолом на ладонь выше колена, – когда, выйдя в коридор, я уставился на большущий яркий чемодан на колёсиках, стоящий у её ног. – Нам, девочкам, всегда приходится брать с собой чуть-чуть больше вещей. Минимум две смены платьев, под каждое – туфли, сумочка и шляпка, плюс тонкая куртка или плащ (вдруг будет холодно), поэтому ещё кофточка и брючки, зонт от дождя, косметика, фен, домашние тапочки, купальник, большое полотенце, чулки, колготки, нижнее бельё под разные ситуации, ну и чисто утилитарные вещи типа тампонов и прокладок, поскольку, знаете ли, иногда циклы могут и сбиваться. Короче, кому я всё это объясняю, вам всё равно не понять.

– Я и не пытаюсь. Просто принимаю как данность. Так лучше?

– Нет, но хоть что-то. Другие часто неспособны и на такой подвиг.

– Кто говорит о подвигах? – к нам присоединился великан Земнов. – Друзья, не будем забывать о том, что вначале нам предстоит забрать «золотое руно», а уж потом мы можем отпраздновать свой выходной день в любой приморской таверне.

Из сада вышел знаток всех языков, его туника почти высохла, а вот сам он успел-таки принять перед дорогой. А поскольку я считаю его другом, именно мне предстояло реабилитироваться за «предательство», в смысле тащить его с собой, пока он пишет ногами весёлые кренделя.

Мы прошли по коридору не более пяти минут – два поворота, спуск вниз по лестнице – и вышли на тихий причал, где среди десятка скромных яхт стояло небольшое судно на подводных крыльях. «Ставрос», – прочитал я. Судя по названию, что-то связанное с быками, но перевод лучше спросить у Дини.

Экипаж – два матроса и капитан – встретили нас белозубыми южными улыбками, хотя Улисов и постукивал ногтем по стеклу наручных часов.

– Опаздываем на сорок пять секунд, господа пассажиры!

Наш могучий командир тут же полез за своими часами, но Светлана опередила его:

– Ах, простите, простите, простите! Это всё из-за меня. Никак не могла определиться, что надеть под вечернее платье – красное боди или белое, кружевные чулки телесного цвета или всё-таки чёрного? Я жутко раскаиваюсь! Хотите меня наказать?

Оба матроса вывалили языки на грудь, но капитан лишь расхохотался в голос:

– Узнаю Афродиту Тавридскую! Милая, ты в своём репертуаре.

– Вот и не доставай меня глупостями, дорогой друг, – ответно улыбнулась она, чмокая его в небритую щеку как старого знакомого. – Лучше представься нашему новому сотруднику. Его зовут Александр Грин.

– Какая честь! – Улисов резко протянул мне руку. – Тот самый?

– Жутко смешно, – согласился я. – Ежедневная шутка ещё с похода в первый класс.

Его рукопожатие было сухим и уверенным. Лицо капитана напоминало чеканные греческие профили. Волосы коротко острижены; короткая, аккуратная борода; закрученные усы; серьга в ухе; глаза синие, с прищуром; может, и вправду крымский татарин? Твёрдый взгляд человека, который знает, что делает. Тем не менее мне он почему-то показался хитрым и каким-то себе на уме, что ли, если так можно выразиться...

Тем не менее Земнова он тоже приветствовал как доброго приятеля, а с Денисычем вообще дважды панибратски обнялся, хлопая его по плечам: «Сколько лет, сколько зим, давно не виделись, пора бы посидеть в хорошей компании, поговорить по душам в баре, накатить как следует, вспомнить прошлые деньки» – и всё такое...

Как оказалось, бар на судне действительно был. От причала пошли мягко, с каждой минутой набирая скорость, пока буквально не полетели над водой. Мы все разместились внизу, под непробиваемой крышей из тонированного стекла. Один из матросов стоял за штурвалом, второй быстро ставил на длинный стол тарелки с сыром, оливками, виноградом и квадратные бокалы под ром.

Я ещё успел спросить Германа, сколько нам идти до Батуми, но капитан вежливо прервал меня:

– Светлана говорила, что вы специалист по истории искусств. Не можете ли мне в разрешении одного небольшого вопроса?

– Разумеется, – согласился я.

– Говорят, что Клод Моне искал истину в вине. Говорят, что тот же Репин всем давал метлой по репе. Говорят, Делакруа жрал без меры фуа-гра. А художник Хокусай самураям что кусал?

Все наши сотрудники плюс оба матроса едва не полегли в приступе дикого смеха. Мне пришлось ждать минуты три, чтобы ответить, хотя шутку эту я слышал ещё со времён учёбы и уже тогда считал её дебильной. Но сейчас ответ знает любой первокурсник:

– Не от великого ума вы, критики ничтожные, в рот набираете дерьма, чтоб плюнуть в холст художнику!

Сначала повисла тишина, прерываемая только свистом ветра и плеском разрезаемых волн. Потом испуганно икнул Диня, Гребнева сдвинула бровки, Земнов привстал, закрывая меня от шагнувшего вперёд матроса с внезапно появившимся в руке ножом, но Улисов вдруг так заливисто расхохотался, что все замерли...

– А он хорош! Клянусь кудрявой бородой Посейдона, он хорош! Грин, не откажите, выпейте со мной в знак примирения!

В его глазах было столько искренности, что бычиться дальше было просто глупо. Я вдруг понял, что этот человек может быть как опасным врагом, так и бесконечно верным другом. В бокалы для рома или виски полилось густое красное вино. Оно было сладким и таким крепким, словно смесь водки, портвейна и кагора. Впрочем, я в купажах, как говорится, не копенгаген.

Вместе с нами за дружбу пригубили все, включая матросов.

Впервые вижу судно, на котором так лояльно относятся к выпивке. Но, с другой стороны,

море спокойное, небо над головой чистое, даже если нас в нетрезвом виде задержат пограничники России или Грузии, то максимум выпишут штраф и развернут обратным курсом. Потом мне было несколько стыдно за такую наивность...

– Как поживает старина Полифемиус? – спросил капитан у всех сразу. Но поскольку все как-то дружно замялись, то ответил я:

– Простите, а кто это? Фамилия вроде бы латинская или литовская?

– Да кто его разберёт, – охотно переключился на меня Улисов. – Мои предки вообще были метохийцами и лакемодянами, по крайней мере, так говорил дедушка-лаконец, но у него случались провалы в памяти. С Полифемиусом мы неслабо цапнулись в одной из моих командировок. Представляете, Грин, сначала этот тип принял меня как родного, мы кутили в его пенатах с неделю, а потом мужика вдруг переключило, и он схватился за тесак. Двоих ребят из команды мы потеряли, остальным удалось вырваться, ну и я, пожалуй, погорячился тогда, вломив ему за всё...

– Мила Эдуардовна его лечит, – глухо ответил Герман. – Разрази меня гром, если я знаю зачем. От таких уродов надо избавлять мир, а не нянькаться с ними.

– Ты неправ.

– Я прав.

– Нет, неправ, – повторила Гребнева, кусая нижнюю губу. – Любовь и забота может спасти каждого. Ты сам знаешь, что я не особо дружу с сестрицей нашего шефа, но в этом случае она знает, что делает.

– Надеюсь...

– Друзья м-мои, а давайте лучше исчо в-выпьём? – встрял Денисыч, и, в общем-то, вовремя: есть ситуации, когда конфликт надо гасить в зародыше.

А два крутых специалиста – металла и камня, краснофигурной и чёрнофигурной росписи – были практически на грани скандала. Я мысленно поставил себе заметку в памяти: узнать, почему Герман так против этого прибалта, а Светлана, наоборот, вписывается за него по полной. *Quidquid latet apparebit*[10]. Разберёмся...

– Боюсь, что в следующий раз нам предстоит наполнить бокалы уже на берегу, – весело прервал всех капитан. – Прошу всех удостовериться: по левому борту порт Батуми! Да и сам город – весьма уникальное местечко.

Невзирая на полнейшее равнодушие остальных к озвученной информации, я тут же встал и прилип к широкому окну. За чистым стеклом горели огни туристического центра Грузии. И да, я должен признать, что ничего подобного не видел нигде и никогда.

– Милый, проснись! Сейчас будет весело.

– Как я могу уснуть, если ты рядом...

– Не кричи на меня!

– Я говорю шёпотом.

– И всё равно кричишь! Смотри, они уже на побережье, мне удалось перекупить продавца, который передаст им товар, а потом их же обвинит в краже национального достояния соседнего государства. О, за такое Россия сразу же вернёт Абхазию!

– Но они её вроде как и не забирали...

– Ах, это лишь слова!

– Ну конечно, ты знаешь лучше.

– Смотри сам, сейчас, сейчас...

Нас встретил город-сказка, жуткая смесь всех эклектик и архитектур: необычные небоскрёбы и сияющие даже днём колёса обозрения; вылизанная набережная; зелень и пальмы; грузинская, европейская, но всё же чаще турецкая музыка, звучащая почти отовсюду... и перекрывающий даже запах моря аромат жареного мяса и убойной чачи!

Да, я читал, что тогдашний президент хотел сделать из этого города новый Дубай, вливая в него как все средства своей страны, так и зарубежные гранты. И да, невзирая на сморщенные носы мировых гениев архитектуры, грузины в рекордный срок понастроили здесь всего такого, что хоть и режет глаз, калеча разум и логику, но как закавказский китч вполне себе работает.

И да, как по мне, – это красиво. Тот же Сальвадор Дали говорил, что не надо бояться китча, вот он не боялся, Пикассо не боялся, и они оба гении! Гребнева выглянула в окно, тихо хлопнула себя ладошкой по лбу, изображая страдание. Земнову всё это было до лампочки, он приехал за «руном», так что любой антураж – лишь декорации. Диня молча квасил, пользуясь тем, что на него не обращают внимания. А капитан резко дал команду причаливать к длинной пристани между роскошных двух-, а то и трёхэтажных яхт.

– Что ж, господа пассажиры, – обратился к нам Улисов, до сих пор так и не представившийся по имени-отчеству, – у вас пара-тройка часов на разграбление города! Я имею в виду, что вы вполне успеете пообедать, но до заката мой «Ставрос» уйдёт в море. И нам будет крайне параллельно, есть вы на борту или нет.

Герман коротко кивнул. Мы потянулись за ним на выход. Гребнева обменялась воздушным поцелуем с капитаном. С её стороны это выглядело настолько просто и естественно, что я даже не успел заревновать.

– Саня, бро, тебе скока раз говорили, что она не такая? Ну и всё, приткнись уже и прими как данность: Светка ни с кем не спит. Даже со мной, представляешь? Хотя я чисто внешне и по

характеру лучший мужчина в нашем паноптикуме... ик!

Денисыч подтолкнул меня в спину. Набережная была прекрасная, воздух чистый, небо ясное, прохожие улыбочивые. А вопрос, как мы долетели сюда за какие-то полчаса, не имея разрешения наших служб на выезд и их на въезд, нужно будет задать тому же Улисову, он явно ловит от этого хайп. Сам я предпочёл решить для себя, что просто задремал, выпив того креплёного вина, которым нас угощали на судне.

– Какие планы, откуда забираем «руно»? – спросил я у шагающего впереди великана.

– Мне позвонят, – обернулся он. – Можно просто погулять, но не разбегаясь и недалеко от пристани.

– Тогда, пожалуй, я присяду вон в том ресторанчике, у него вполне подходящая вывеска. – Наша золотоволосая девушка указала пальчиком на чисто европейский бар с надписью “Medeya” на английском.

– А я в винный магазин! Зема, ты со мной?

– Нет, мне нужно прикупить кое-что из сувениров, – соврал я, но тем не менее отметил взглядом небольшой магазинчик неподалёку.

Герман после минутного размышления предпочёл подсесть за столик к Светлане, на стакан минеральной воды. Она, разумеется, ни капельки не возражала, поскольку само наличие такого мужчины рядом разом обрывало любые попытки местных сынов гор познакомиться с «вах, какой красавица!»).

Таким образом, мы все разошлись в разные стороны, но в визуальной близости друг от друга. В магазине сувениров, разумеется, говорили по-русски. Приятная возрастная женщина уговаривала меня скупить всё, но мне была нужна только одна определённая футболка для моего друга. Я выбрал чёрную, с тиснёнными серебром газырями, на наши деньги примерно около пятисот рублей, но в это время взгляд продавщицы зацепился за что-то за моей спиной.

– Опять в ресторане дерутся, куда полиция смотрит, э?

Я обернулся.

– У вас в России тоже так? Нет, наверное, всё-таки строже, да?

– Оплата наличными, в рублях можно?

– Чем угодно можно!

– Положите в ваш пакет.

– Ой, кто-то на улицу упал! Ушибся, наверное, вай-вай...

Это был не «кто-то», а наш специалист по древней скульптуре и металлам. А вот какой силы должен быть человек, выкинувший из ресторана Земнова, это трудно было даже предположить. Я, не оборачиваясь, выложил всю свою наличку – меньше тысячи, цапнул из рук женщины пакет с футболкой и, не дожидаясь сдачи, бросился на выручку. Проблемы с дракой и переход бытового конфликта на национальный с привлечением полиции и властей никак не был в наших интересах.

Пока добежал, Герман поднялся, вытряхнул остатки битого фарфора из бороды и вновь шагнул в ресторан. Когда я подбежал к дверям, из неё мне навстречу друг за другом вылетело шесть здоровущих грузин! Возрастом лет от двадцати пяти до сорока, брюнеты, бородатые, все в полуспортивной одежде, с пылающими глазами и матом на всю улицу!

– Герман, я здесь!

Подхватив наперевес крепкую деревянную вешалку, я ворвался в помещение, где наш командир спокойно сидел за столиком, дружески болтая со старым, очень толстым усатым грузином. Вернувшиеся мужчины присоединились к ним, сдвигая столы и требуя вина.

– Всё в порядке, – подтвердил Земнов. – Это тренер ребят из команды Батуми по греко-римской борьбе. Мы немного не поняли друг друга, но сейчас никаких проблем.

– Какие праблэмы, дарагой? – рассмеялся старик. – Ни знаю, гдэ ты научился такому броску чэрез голову, но вах, это было красива!

Остальные тоже искренне рассмеялись и, хлопая скромного музейного работника по плечам, подтвердили, что да! По факту грузинская школа борьбы всегда была известна на мировом уровне. А тут вдруг такой атлет, такая сила – и до сих пор не в сборной?

«Где тренировался, в какой школе занимался, в каких соревнованиях участвовал, ещё вина сюда, хинкали и лобио, хачапури и оджахури, и товарища своего зови, зачем он стоит с палкой как неродной? Садись к нам, уважаемый, держи рог, сейчас петь будем!»

Самодостаточная Гребнева сидела за соседним столиком у распахнутого окна, не достаивая всю шумную компанию взглядом. Я даже не успел спросить, всё ли у неё в порядке, как был затянут в товарищеский водоворот самых бандитских рож на свете. Каждый борец был на голову выше меня, вдвое шире в плечах, каждый жал мне руку и клялся в вечной дружбе!

Время летело незаметно. Вот-вот мы успели опрокинуть по одному-другому-третьему бокалу сухого домашнего вина в сопровождении очень длинного тоста, а потом я обернулся к Светлане. Она отрицательно качала головой в ответ на чей-то вопрос, и в ту же минуту на неё был брошен длинный мешок, после чего нашу спутницу, словно морковку из грядки, выдернули на улицу. Раздался рёв мотора, и навороченный чёрный джип буквально исчез в клубах пыли...

– Герма-а-н! – опомнившись, в голос заорал я, пытаюсь вскочить со стула, но тут же падая обратно.

– Что там? – обернулся он, отвлекаясь от показа очередного приёма умоляющим борцам.

– Светлану похитили! И... у меня, кажется, ноги не ходят.

– Эта из-за вина, – ободряюще тепло улыбнулся старый тренер. – Домашнее вино оставляет трезвым голову и язык, но атключает ноги. Не валнуйся, дарагой, скоро пройдёт.

– Но кто-то украл нашу...

– Вах, дэвушка нэ бывает «наша». Наша – значит ничья! С ней заговорыли, она галавой мотала. Зачём мотала? Паказала, что слышит, что ей интэресно, что она свободна. Была бы занята, сразу указала бы на сваэго мужчину! Ты иё мужчина?

– Да, – твёрдо ответил я, потому что Земнов опять отвлётся на объяснение тонкостей захвата запястья.

– У мужчины воровать нэ харашо, – насупился старик, – вазвращать нада. Сейчас ещё немножечко выпьем, посидим, споём и найдём её! Нэ сомневайся, дарагой, ты в Грузии! Мы сваих нэ бросаем!

– Кажется, в последнее время я слышу это из каждого утюга, – невероятным волевым усилием мне удалось встать. Но в дверях, на выходе, меня поймал или, вернее, на меня упал донельзя счастливый Денисыч.

– Бро! Тут т-кое винишко-о... я н-дегустиро... дигустир... густирова... ик! А ты куда?

– Гребневу украли.

– Ой, я тя умоляю, зема... – наш знаток всех языков, живых и мёртвых, пьяненько захихикал, одновременно пуская слезу. – Её в-вечно воруют и чо? В-вращают сразу же! Ибо она н-не та-ка-я...

Практически в ту же минуту уже другой джип затормозил напротив ресторана, высаживая нашу специалистку по древним греческим вазам и трёх грозных старушек с баклажановыми носами и в чёрных платьях. Заведя девушку к нам, они передали её с рук на руки мне и обрушились с руганью на старого усатого тренера. На секундочку резко протрезвевший Диня быстро переводил с грузинского, о чём вообще речь.

Если вкратце, то получается так: трое горячих джигитов увезли нашу спутницу в ближайший аул – жениться. Но когда приехали, оказалось, что красота местных девушек меркнет перед золотоволосой незнакомкой, тем более что каждый второй мужчина вдруг резко возжелал развестись и заключить новый брак.

Что ещё хуже, по пути их видели гости из Сванетии и богатые абхазы. В аул начали съезжаться представители этих народов, требуя по-хорошему выдать им красавицу с кожей цвета розового жемчуга и волосами, подобными солнцу! А это уже грозило не только междоусобицей, кровной мезтью, но и резким повторением грузино-абхазского конфликта.

Старухи, рискуя жизнью, вывезли возмутительницу спокойствия на арбе, потом сунули в другой джип – и давай бог ноги обратно в Батуми! «Заберите это чудо от греха подальше...»

– Александр, вы волновались за меня? – Светлана при всех обняла меня за плечи, страстно целуя в губы. Старый тренер удовлетворённо кивнул.

– Немного, – едва выдохнул я, – но вы ведь не такая.

– Он запомнил, – подтвердил Денисыч. – И это, Герман, хватит дурью маяться, тебя там на улице человек дожидается. С большим пакетом.

Наш герой тут же извинился перед всеми и бросился на выход. Тип, с которым он обменялся брезгливым рукопожатием, выглядел бомжевато. Высокий, но сутулый, почти лыс, небрит до синевы, кривоватые ноги и взгляд человека, который раньше был как минимум полковником, но, выйдя на пенсию, быстро спился до уровня старшины.

Они поговорили не более минуты. Потом Земнов забрал пакет, посмотрел, что внутри, кивнул, развернулся, но был перехвачен за руку. Незнакомец что-то яростно прошипел, но Герман просто шагнул вперёд, ни на кого более не обращая внимания.

– Кто это?

Земнов мрачно посмотрел на меня, но ответил:

– Помнишь, я рассказывал о нашем неудавшемся походе в Грузию? Так вот это Язык, бывший глава всей группы. Женился на местной девушке, у них двое детей, пытался бежать, но у её родственников длинные руки. Достал для нас «золотое руно», Феоктист Эдуардович всё оплатил, но теперь этот жук требует ещё накинуть...

– А мы не идём на переговоры с шантажистами, – добавила Светлана, всё так же обнимая меня, но щедрой улыбкой озаряя лица всех присутствующих борцов.

Мрачные морды со сломанными ушами и повёрнутыми носами светлели на глазах. Старый тренер перемигивался с бабками из аула, наш великан звонил директору, докладывая о получении посылки, я практически с головой утонул в декольте самой прекрасной девушки на свете, и только Диня, как это странно ни звучит, сохранял трезвый ум и похвальную бдительность.

– Зема, валим! Они вернулись, мстить будут по-кавказски, а я на такую хрень не подписывался!

В джип, стоящий у «Медей» (да, я знаю перевод), едва ли не врезался второй такой же, за ним третий. Из машин выпрыгивали недовольные бородатые мужчины, решительно направляясь в нашу сторону. Никакого оружия у них, на первый взгляд, видно не было, но и вопросов они не задавали, сразу потянувшись к нашей специалистке по росписи чёрнофигурных и краснофигурных ваз.

– Хоть бы «гамарджоба, генацвале» сказали, – от души возмутился наш гордый Денисыч и без прочих претензий начал драку, расколотив о головы местных джигитов две бутылки «Мукузани». Ну, собственно, вот и всё. Вот оно и пошло-поехало...

Четвёрку самых борзых могучий Земнов выбросил в окно, остальные попытались завалить его массой, но за нас тут же вступилась батумская сборная по борьбе.

– Эта наши гости, э! Никто нэ тронэт гостя в доме грузына, – значимо предупредил неизвестно кого тренер, потому что общая месилровка уже началась.

Ресторанчик был превращён в поле боя за считанные секунды, и далее всё по классике Голливуда: музыканты в национальных костюмах не прекращают петь, наявивая ритм барабанами и зурной; борцы с наслаждением используют новый приём «батано Германа» – бросок через голову, и на целых полминуты победа была за нами. Мы все даже успели обняться по этому поводу, а потом подоспело подкрепление абхазов, за ними – сванов и мингрелов, так что перевес считался уже трое на одного.

Тогда за нас встали ещё и музыканты. Драка стала заметно колоритнее, чувствовалось, что все слегка подустали от вечной толерантности и упускать возможность показать себя никто не собирался. Однако никто не то что кинжала или пистолета, даже зубочистки не выхватил, только кулаки и мышцы – борьба шла честнее, чем на Олимпийских играх в Токио.

Мы вырвались через задний вход за барной стойкой, когда те же горбоносые старушки из аула, похватав шампура, с пением христианских псалмов пошли в атаку. На улице раздались сигналы полицейских сирен. Мы бежали по набережной, а вслед нам неслось:

– Хватайте их! Они все из Крыма-а!

Обернувшись, я с удивлением понял, что орал тот самый тип, у которого мы получили «руно». Он что, нас предаёт?

– Он многих предавал, не в первый раз, – ответил Денисыч, подталкивая меня в спину. – Не тормози, Саня, потом разберёмся!

Благо что до пристани было совсем недалеко, а капитан Улисов, стоя на носу с биноклем, приказал отдать швартовы ещё до того, как Светлана, бежавшая босиком с туфельками в руках, легко вспорхнула на корму. Следом маханул я, за мной наш языковед, замыкал группу, как всегда, суровый Земнов.

Судно отошло от пристани, пока он ещё находился в прыжке, но я подал ему руку и он таки попал на борт. А потом мы рванули на подводных крыльях! Гнусный предатель едва ли не бился в истерике в руках догнавшей его полиции. Он что-то кричал, указывая в нашу сторону, но «Ставрок» продолжал набирать ход.

– Кажется, мы вырвались...

– Ох, Грин, лично я не спешил бы искушать судьбу, – сухо ответил мне Улисов, закручивая

усы. – Мы успешно проскочили мимо многих неприятностей по дороге сюда, но это не значит, что они не настигнут нас на обратном пути. Полный вперёд!

Все наши расслабленно развалились за узким столом в кают-компании. Казалось, никто и близко не обращал внимания на заметно растущее беспокойство капитана. Честное слово, они просто раскупоривали вино, дабы шумно отпраздновать успешное окончание операции, которая, как вскоре оказалось, даже не начиналась толком...

– Я чем-то могу помочь?

– Нам придётся жаться к берегу, – не отвечая прямо на мой вопрос, капитан обернулся: – Светлана говорила, что вы служили во флоте?

– Да.

– Стрелять умеете?

Кажется, впервые во время моей короткой работы на частный комплекс музея «Херсонес» от меня потребовалось отнюдь не знание истории искусств. Разумеется, я подтвердил. Стрелять в морской пехоте учат, хотя быть снайпером необязательно. Это войска «смертников», как и воздушный десант, ну или, допустим, в прошлые века те же гусары: лёгкая кавалерия, два пистолета, сабля – всё. За бога, царя и отечество, ура-а! Руби их в песи, круши в хузары!

Вот и морская пехота – резкий штурм с моря, бег по песку, хаотичная стрельба, эффект нагнетания паники, закрепление на участке, бешеный напор на обалдевшего от неожиданности противника стрелковым оружием и кулаком при поддержке пушек десантного корабля. А за нами уже пойдут остальные. Там, где мы, там – победа!

– А мы не слишком близко к берегу? – немного удивился я.

– Вынуждены жаться поближе. В море нас возьмут в клещи патрульные корабли.

– Птицы! – громко крикнул один из матросов. – Шесть прямо по курсу.

– Стимфалийские дроны, – скрипнув зубами, поправил его Улисов и бросил мне: – Калаш в ящике, к нему четыре рожка. Бейте с носа!

Я повиновался, не задумываясь ни на секунду. Как говорили англичане, капитан на судне – это второй после Бога. Старый добрый автомат привычно лёг в руки. Я передёрнул затвор. Если дроны спустятся чуть пониже, то им не поздоровится. Нас учили стрелять в качающейся на волнах шлюпке, и учили хорошо.

Шестёрка дронов атаковала нас правильным клином. И должен признать, что на расстоянии ста или даже пятидесяти метров их запросто можно было принять за странных когтистых птиц с широко расставленными и почти неподвижными крыльями.

Я лёг спиной на нос судна и попытался прицелиться. Мне ни разу не доводилось бывать на

охоте, чтобы бить каких-нибудь уток или перепелов влёт, наверное, поэтому...

– Грин! – едва не срываясь на мат, заорал Улисов. – Клянусь вилами Посейдона, если хотите жить – стреляйте!

Рядом с моим плечом о стальную палубу звякнул медный нож. Или перо, или клинок, или заточенная полоска металла, или короткая стрела – неважно, некогда было рассматривать.

– Аря-ря-я! – предупредил я, нажимая на спусковой крючок.

Короткая автоматная очередь, знакомый запах пороха – и агрессивный дрон отвернул с линии атаки. Зато остальные обстреливали нас поминутно!

Один из матросов вскрикнул от боли, получив медное перо в предплечье левой руки. Капитан стрелял с кормы из новенькой «беретты», не слишком успешно, но птицы всё равно разлетались от выстрелов. С десятков острых клинков вонзились в пластиковую крышу как раз над кают-компанией. Пробить насквозь мощи не хватило, но тем не менее наши заметили опасность.

– Саня, держись типа, я с тобой! – равнодушно крикнул Денисыч, привычно разливая винишко. Гребнева также послала мне воздушный поцелуй и большими и указательными пальцами рук изобразила сердечко. Другой помощи от них не было.

Разве что заботливый знаток металла и мрамора, высунувшись с кормы, спросил у капитана, есть ли на судне лук и стрелы. Ну, раз нет, извините, из другого оружия он стрелять не умеет. То есть, пока мы бились, они там все просто квасили, с комфортом проводя время. *Desipere in loco...*[11]

Мне удалось сбить один дрон. После замены рожка, на вдохновении, я снял ещё двух «птичек». Остальные, одумавшись, развернулись к берегу, можно было выдохнуть. Улисов подошёл ко мне, на ходу прижимая платок к глубокой царапине на лбу, видимо, и его задело.

– Грин, а вы не хотели бы сменить службу? На моём судне всегда есть место для хорошего стрелка.

– Спасибо, – я пожал протянутую руку. – Но, честно говоря, мне нравится музейная работа. Тишина, покой, бумаги, древности, предметы искусства. Я не фанат приключений.

– Да, но именно ими ЧВК «Херсонес» по маковку обеспечивает всех своих сотрудников! – рассмеялся он, а через пару минут мы причалили.

– Теперь я тоже хочу в Грузию.

– Дорогая, думать надо не об этом.

– Там вино и красивые мужчины! Ты слышал, как они поют?

– Этот музей заполучил «золотое руно»! Ты хоть понимаешь, чем это аукнется нам?!

– Во-первых, не нам, а тебе. Ты отвечаешь за все свои тайные операции.

– Равно как и ты за свои интриги.

– И кто посмеет обидеть несчастную, одинокую женщину?

– А если рядом с тобой вечно будет находиться и гнить казнённый труп твоего мужа...

– Ты меня пугаешь!

– Потому что ты меня не слушаешь! Они взяли «золотое руно», твой предатель не смог их остановить. Даже стимфалийские птицы оказались бессильны перед простым русским «Калашниковым».

– И что?

– А то, что с нас за это спросят...

Покидая «Ставрос», каждый из нас поблагодарил экипаж судна за своевременное прибытие и фактически безопасную прогулку по Черноморью. Тур выходного дня в Батуми прошёл вполне себе успешно. Возвращаясь тем же самым коридором в родные стены, я поддерживал приплясывающего Денисыча, Светлана откровенно зевала, прикрывая ротик, и лишь Земнов был наполнен гордостью, чуть ли не маршируя впереди всех со свёртком на вытянутых руках.

На повороте он свернул к директорскому кабинету, а наша красавица вдруг протянула мне успешно забытый пакет.

– Ох, спасибо. Это подарок для...

– Явно не для меня, я такое не ношу. Но идите с Германом, а Диню я провожу до вашей комнаты. Он там, похоже, вполне себе прописался. Не пинается ногами в постели?

Я поблагодарил ещё раз, мягко сделав вид, что не заметил саркастического намёка в её нежном голосе. Ну и ладно, совершенно неважно, что она обо мне думает, поскольку мне с ней ровно ничего не светит. Это уже, как говорится, и к Пифиям не ходи...

Феоктист Эдуардович принял нас тепло. Поблагодарил за службу, особо отметив, что ему уже успел позвонить капитан Улисов, вкратце рассказать о наших подвигах и выставить счёт за ремонт крыши судна. Пусть пострадала она не по нашей вине, но тем не менее в процессе проведения нашей операции.

– С этим разберёмся, – улыбнулся Феоктист Эдуардович. – Но вы молодцы и герои! Я горжусь вами! Премия будет выписана всем! Да, кстати, время к вечеру, я уже почти собирался домой. Так что там с моей чурчелой?

Довольный собой великан сдулся сразу. Признаться, о простенькой просьбе начальства мы даже не вспомнили, пока развлекались в Батуми. Ни у кого из нас четверых ни разу, даже намёком, в мозгу не щёлкнуло. Это был полный провал...

– Что ж, посмотрим, что вы доставили, – шеф развернул свёрток, сорвал два слоя бумаги и расстелил на полу чёрную баранью шкуру. – Раньше в горах Колхиды добывали золото. Местные старатели просто клали такую вот шкуру под текущий горный поток. Вода вымывала песок и мелкие камушки, но золото естественным образом оставалось между прядями шерсти. Смотрите.

На минуточку я чуть не ослеп от яркого, безжалостного сияния тысяч крупинок природного золота. Казалось, им пропитана или усыпана вся шкура. Даже на первый взгляд получалось, что мы вывезли полтора – два килограмма золота контрабандой! Неудивительно, что за нами пустили дроны. Удивительно, как мы вообще в это влезли и как выбрались?

– А теперь оставьте меня наедине с моей болью.

– Э-э? – не сразу въехали мы с Германом.

– Без грузинской чурчелы мой вечер будет скучен и сер, – с невыразимой скорбью в голосе простонал наш Феоктист Эдуардович. – А ведь я уже настроился на неё, выбрал нужное вино, подобрал музыку, но увы мне... Мои собственные сотрудники, фактически моя плоть и кровь, предпочли забыть своего старого, никому не нужного директора.

– Простите, мы...

– Да, Александр, а что у вас в пакете? Хоть это мне?

– Вообще-то нет. Я купил футболку для Денисыча, ему же просто нечего носить. Одна туника на все случаи жизни. Но если вы хотите...

– О нет! Я не возьму чужого, да там наверняка и размер не мой. Идите оба. Не заставляйте меня показывать вам мои слёзы...

Короче, мы ушли, пристыженные, растерянные и чувствовали себя просто побитыми собаками, ни больше ни меньше. Я попытался хоть как-то заговорить с товарищем, но Земнов закрылся внутри себя как в раковине, и достучаться до него было абсолютно невозможно. Мне пришлось вернуться в свою комнату.

Развалившись на кровати, я, наверное, с полчаса просто лежал, уставившись тупым взглядом в потолок. Делать ничего не хотелось. Потом усилием воли заставил себя взять сотовый и проверить почту. Оказывается, сестрёнки прислали уже целых пять или шесть сообщений:

«Чо у тебя, как? Молчишь. Не любишь нас».

«Мама по тебе скучает, а ты не звонишь».

«Что нового в Крымушке? Там уже знают, что он наш?»

«А у нас тут соседка замуж вышла! Ну, или выходит. Та самая, между прочим».

«И чо молчим, неинтересно? Ты скучный. Не будем тебе писать, мы обиделись».

«Шутка-а! Не дуйся, чо ты как этот...»

Я достал блокнот и начал фотографировать старые рисунки, в смысле те, что ещё им не показывал. Потом вдруг схватился за гелевую ручку, быстро набрасывая портрет капитана Улисова. Лиц его матросов, хоть убей, вспомнить не удавалось. А вот физиономии грузинских борцов из Батуми нарисовались сразу и легко. Интернет в музейном общежитии работал исправно, так что почта донесла моё скромное творчество до Екатеринбурга в секунды. Восторг сестричек был гарантирован:

«А-а-а, твой капитан просто няшка!»

«Хотим в Грузию! Там хорошо! Там смешные люди на картинке...»

«Папа сказал, что мы не поедem... ты плохой! Прислал картинки, а нас не пускают».

Ну, что я мог им ответить? Наверное, когда-нибудь всё более-менее утрясётся. Люди и народы поймут бессмысленность ссор и бесперспективность санкций. В мире установится мир, мои сёстры смогут увидеть сказочный Батуми, другие города и страны, а пока...

– На школьные каникулы давайте ко мне в Крым, – подумав, предложил я. – Перелёт комфортный, я встречу и поселю. Вам понравится.

В ответ они прислали три сердечка. Нехарактерно для близняшек, наверное, всё-таки взрослеют. Разумеется, я позвонил маме. Минут десять мы проболтали с ней, потом я взглянул на часы и понял, что ужасно проголодался. Да и остальные, если подумать, только выпивали, практически не закусывая. Что там было на борту – сыр да фрукты, а в батумском ресторанчике «Медея» мы по факту успели только сделать заказ, как оно всё и началось...

Когда я вышел в сад, за накрытым столом меня дожидался одинокий Диня.

– Остальные заняты, бро, – с какой-то неподдельной грустью протянул он. – Все всегда заняты. У всех дела, заботы, проблемы. Одна не ест на ночь, другой словил нагоняй от шефа и теперь будет страдать до утра. Слышал цитру в коридоре?

– Нет.

– Услышишь. Германа нельзя ругать, он совершенно не выносит критики. Комплекс вечного героя, понимаешь ли.

Я сел за стол напротив неожиданно трезвого специалиста по всем языкам и протянул ему пакет.

– Это что?

– Это тебе.

– Мне? – не поверил он. – Но за что?

– В подарок.

– Я понял, а в чём подвох? – Диня осторожно достал и развернул футболку, в его глазах на миг показались слёзы. – Ох, бро...

Я тоже чуть не заорал от горя, потому что милая пожилая продавщица из Батуми положила мне в пакет совершенно не ту футболку! Чёрную, нужного размера, но я-то просил с газырями, а она дала с хинкалями. Такой, знаете ли, тонкий кавказский юмор: на груди две хинкалины, видом сверху, как два торчащих соска. Возможно, на женской груди оно бы и смотрелось, но...

– Диня, друг, прости...

– За что? – прошептал он, с благоговением натягивая новенькую футболку прямо поверх своего хитона и поглаживая её руками. – Мне никогда ничего не дарили. Маму я не помню, папочка поучаствовал в рождении – и уже спасибо, так что похвалы, возлияния, песни – это было, а вот подарки... Подарков нет. Зачем мне что-то дарить, правда? Это же я всем дарю веселье, настроение, смех... Пить будешь?

Я кивнул. Денисыч счастливо откупорил припрятанную бутылочку грузинского вина, и мы с ним вдвоём прекрасно проболтали вплоть до глубокой ночи. Говорили о разном. Да, Гребнева давно знает капитана Улисова, но между ними ничего не было и нет. Хотя вроде бы и наклёвывалось что-то, но капитан вечно в море, долгие отсутствия, служебные командировки, не говоря уж о том, что он женат.

Тот тип из Батуми, что принёс нам «золотое руно», вроде бы Язык? Он непростой человек, подавал большие надежды, пытался наладить сбыт того же золотого песка в бараньих шкурах за границу, но многого наворотил и сейчас, по сути, хочет просто вернуться домой, где его давно забыли, никто не ждёт и он никому не нужен. Такая судьба...

То, что на корабле я отстреливался от дронов, а они сидели и пьянствовали в кают-компании, ещё не значит, что вот они все трое такие уж мажорные подонки.

Светлана – нежная девушка, к тому же с маникюром, и хоть отлично умеет драться сама, но всегда предоставит мужчине возможность вступить за неё, дав ей почувствовать себя слабой и беззащитной.

Сам нетрезвый полиглот ни разу даже меч в руках не держал, не то что огнестрельное оружие. Да и стрельба по пьяни – дело опасное, мог бы и своих задеть запросто. Ну а Земнов всегда готов к подвигу и полез бы на дроны с кулаками, если б допрыгнул. На борту был всего один автомат и один пистолет у капитана, поэтому Герман и спросил про лук со

стрелами. Чисто вдруг, наудачу, но увы...

– И потом, мы в тебя верили, – голос Денисыча звучал совершенно искренне, вино было хорошим, в общем, через полчаса я отправился спать в отличном настроении.

Даже звуки цитры, которые и вправду тоскливо разносились по коридору, не помешали Морфею огреть меня подушкой. Сны были тоже приятными. В целом.

Потому что под утро мне вдруг приснилось нечто странное. Вроде как я бегу по болоту ночью, тускло светит луна, ноги вязнут в грязной жиже, а меня догоняет очень высокий человек. Маньяк, который тяжело дышит в спину, рычит, время от времени пытаюсь кидаться огромными кирпичами. А я уже устал, сил нет, споткнулся, упал и...

И ничего, он протопал мимо, словно бы и не заметив меня. Великан всё шёл вперёд, беспомощно водя руками в воздухе, с трудом сдерживая глухие стоны.

– Да ты слепой, – вдруг понял я и проснулся оттого, что сказал эти слова вслух.

...В окно уже било солнце. За дверью скрипнули половицы – наверняка наша сотрудница идёт в душ. Придётся подождать, прежде чем выходить. Светлана совершенно спокойно относится к тому, что её могут увидеть без одежды, но вот почему-то именно во время утреннего посещения душевой считает неприличным любые взгляды со стороны.

А поскольку на этом моменте директор заострил особое внимание ещё при моём приёме на работу, то я потратил свободные минуты на зарядку и попытку порисовать. По памяти дроны получились не такими, как должны были быть, а, наверное, больше похожими на живых птиц. Не знаю, почему я так запомнил. А ещё Диня в новой футболке.

Больше не успел, потому что в дверь постучали. На пороге стоял Герман.

– Феоктист Эдуардович ждёт, – непривычно сухо оповестил он.

– Ты в порядке? – на всякий случай спросил я, потому что насчёт ночной цитры меня тоже предупреждали.

Он не ответил, опустил взгляд и, мотнув головой, предложил идти за ним. Весь его вид был исполнен такого трагизма, что мне не хотелось более задавать вопросы. Отложив блокнот, я безропотно последовал за старшим сотрудником. Мы пришли и, практически не задерживаясь на пороге, без стука вломились в кабинет.

Шеф быстренько надел тёмные очки, разворачиваясь нам навстречу:

– Земнов и Грин! Рад видеть вас. Доколе времени стена разъединит пути наши земные, я ныне, впредь и сколько лет смогу, всегда с улыбкой обращу к вам взоры. Итак, вы вновь готовы положить жизнь и судьбу на плаху только ради музейных ценностей, что есть и сама суть всего осмысленного нахождения меня и вас на стыках бытия?

Мы оба заслушались певучим гекзаметром. Феоктист Эдуардович помахал перед нашими ошалевшими мордами ладошкой, убедился, что мы реагируем, и продолжил уже нормальным языком:

– Начну с того, что я прощаю вам чурчхелу.

Мы опомнились и благодарно склонили головы.

– Далее по делу. Должен признать, что вы, Земнов, проделали очень серьёзную работу, глубоко исследовав все возможные пути передвижения этой, так сказать, меченосной фибулы. И лично я нахожу эти теории вполне себе убедительными. Как я понимаю, Герман намерен в ближайшее время отправиться на поиски золотого меча тавров. Почему не сегодня?

– Я готов!

– Не возражаю!

– Разрешите идти? – вытянулся наш великан.

– Да, но ответьте лишь на один вопрос: кто пойдёт с вами?

– Я прошу отпустить меня одного.

– Это исключено.

– Я справлялся и с более серьёзными заданиями в одиночку.

– Категорически исключено, – с нажимом повторил директор.

В общем, до меня наконец-то дошло, зачем на эту беседу приглашён я. Сами понимаете, ответ с моей стороны тоже мог быть только один:

– На любых полевых раскопках всегда присутствует специалист по истории искусств широкого профиля. Допустим, если вскрывают скифский курган, а в более раннем слое находится клад белогвардейцев: знамёна, оружие, миниатюры, да что угодно. Я вам нужен.

Наше начальство сделало многозначительную паузу, плеснув себе в бокал неизменную красную Агору. Герман сдвинул брови в мою сторону.

– Это слишком большой риск, и я не возьму Грина.

– Тогда кого? – предложил подумать я. – Не всегда трезвого специалиста по иностранным языкам? Или потащишь эффектную красотку в прозрачном мини, которая душу продаст за маникюр?

– Не дала? – вскинул бровь Феоктист Эдуардович.

– Не дала, – подтвердил Земнов, и они с директором обменялись понимающими взглядами, а я покраснел как мальчишка.

– Вчера ты клялся, что готов отдать жизнь за дружбу. Не включай заднюю, приятель, у тебя будет этот шанс! Я еду с тобой на поиски меча. По-любому!

Наш чисто мужской разговор закончился вполне предсказуемо. Мы чуть не подрались с Германом, и он бы уштал меня в четверть минуты, но высокое начальство умело развернуло наш конфликт в нужную сторону, обеспечив иллюзию соревновательности с одновременным предупреждением, что неявка одного соискателя ни разу не будет считаться автоматическим поражением другого.

Выиграть по очкам нельзя. Победитель будет определён, лишь когда мы оба вернёмся в музей и положим этот долбаный меч ему на стол! После чего он выслушает доклад каждого из нас по отдельности, потом проведёт очную ставку, и лишь после этого можно хоть что-то говорить о том, кто из нас чего стоит...

Короче, когда мы оба вышли за дверь, то почувствовали себя идиотами, тоже оба и сразу. Мы не сговариваясь подали друг другу руки. Потом молча вместе прошли до наших комнат, где Герман предложил мне заглянуть в его хибару, чтобы обсудить план совместных действий.

Комната здоровяка не слишком отличалась от моей, разве что была на три-четыре квадратных метра больше по площади. А так всё весьма скромно: армейский матрас прямо на полу, десяток книг, в основном по истории Древнего мира, и почему-то самоучитель кройки и шитья, табурет, стол, аккуратно разложенные листы бумаги, завязанные папки, карандаши и авторучки в стакане, плюс встроенный шкаф с одеждой, ну и постер с Джонсоном Скалой на стене.

Как уже ясно, не шикавал тут никто. Я в очередной раз запоздало вспомнил, что не попросил аванс. Мы просидели вдвоём плечом к плечу над его заметками и чертежами местности, наверное, больше часа. По крайней мере, оторвать от этого занятия нас смог только Диня, и то не с первого раза. Он буквально орал нам в уши, что завтрак уже на столе, что Гребнева обижается и не ест в одиночку, что мы ведём себя как полные эгоисты и вообще... и кроме того... ну и так далее, но уже нецензурной лексикой.

– Да ладно, идём мы, идём.

Я с сожалением встал из-за стола, потому что идея поиска золотого меча уже захватила меня полностью. Здоровяк Герман поднялся следом и всё-таки прихватил пару листов, потому что мы не договорили. Выходили вроде неторопливо, но в коридоре всем пришлось ускорить шаг, потому что со стороны сада слышались приглушённые всхлипывания.

Когда мы выбежали к фонтану в поисках злобных врагов, посмевших обидеть нашу сотрудницу, то не нашли, естественно, никого, зато сама Афродита лежала грудью на столе, прикрыв лицо руками и заливаясь натуральными крокодиловыми слезами в три ручья...

– Что случилось?

– Ни... ничего, – она подняла на нас мокрые глаза. – Я тут сижу как... как дура одна. Жду их. А они... им всем оно... я им не важна даже.

Мы трое дружно вздохнули. Типа и вот это всё?

– Да, всё! А вам не... недостаточно? – окончательно завелась девушка, потому что и мы, надо признать, повели себя не лучшим образом. – Молчите теперь, да? Довели меня до слёз и довольны? А то я не знаю, что вам всем от меня нужно?! Мужики, мужланы... Да-да, «какая цыпа, вот я б ей вдул, подержался за буйки, засадил огурчик по самые помидорчики!» И это предел ваших мечтаний о женщине?! А если я рождена для другого? Если я призвана дарить любовь, а не торговать сексом? Если у меня кроме дыр есть ещё... какие-то чувства и душа? Но вы... вы все меня только... хотите, и всё!

– Не хотим! – за всех извинился я, секундой позже поняв, какую ляпнул глупость.

Диня и Герман зажали мне рот, но было поздно: наша специалистка по древнегреческой росписи охнула, схватилась за сердце, покраснела от обиды и заревела ещё громче. Да, это был полный попадос с моей стороны. Извинения не принимались, любые попытки объясниться или оправдаться только усугубляли ситуацию.

В конце концов девушка растолкала нас всех и, всхлипывая, бросилась к себе в комнату. Два моих приятеля, облегчённо вздохнув, уселись за стол. Я беспомощно развёл руками.

– Забей, бро! Светка просто поняла, что у неё сейчас нос распухнет, а нам ещё за мечом пилякать.

– Да, – поддержал Земнов, – поешь лучше, нам всем надо набраться сил.

– Так вроде директор же сказал, что идём только ты и я?

– Не смейся, зема! – Денисыч уже разливал на троих. – Конечно, мы двигаем вместе! Гребнева всех отвлекает, Герман всё ломает и тащит, я, как всегда, на стрёме, на подхвате и вааще на всякий пожарный. Ну а ты...

– А я?

– Без тебя просто ничего не получится, – очень тихо ответил Земнов, и почему-то в его голосе звучала боль. Не участие и не сострадание, а именно боль.

Завтрак был практически таким же, как и прежние, но на этот раз к фруктам, овощам и сыру добавились ломти отварного, крепко просоленного мяса. Мы клали их поверх хлеба, делая бутерброды, а Диня ещё и намазывал сверху масло, сметану и даже мёд – вкусы у него были своеобразные. Это очень мягко выражаясь, потому что запивал он это вином, водой и молоком в произвольном порядке. Меня бы вывернуло...

Гребнева присоединилась к нам, когда мы фактически всё доели. Но она же вегетарианка и ест как соловушка, обычно ей хватает пары оливок и ломтика сыра. Наверняка бережёт фигуру. И уж поверьте, эту фигуру стоило беречь.

Есть вопросы, в которых почти все женщины трогательно единодушны – в ненависти к тем, кто ест и не толстеет. Так вот Светлана почти ничего не ела, но она отнюдь не выглядела худышкой с выпирающими костями, нет, она скорее была похожа на эллинские скульптуры, налитые здоровьем и ярко выраженной сексуальностью. А уж старики-греки, согласитесь, знали толк в красоте здорового тела.

– Когда выходим, мальчики? – безмятежно, словно бы и не она устраивала тут Стену Плача какие-нибудь десять минут назад, спросила наша Афродита. – Если что, мне нужно будет с полчаса на переодеться.

– Всем на сборы десять минут, – Герман первым встал из-за стола. – Форма одежды свободная, нас доставят напрямик к пещерам, дальше сами.

Я хотел остановить его, чтобы уточнить, в чём всё-таки моя роль, но не успел. Диня перехватил меня с какими-то глупыми вопросами, потом Светлана извинилась за то, что вела себя как эгоистичная дура, а для неё это не характерно, она не такая, это всё нервы, и она надеется, что я пойму, потому что... бла-бла-бла...

– Я уверяю тебя, это будет весело!

– У меня чешется с правой стороны. Как думаешь, это не венерическое?

– Так, милый. Это уже наезд?!

– О нет! Разумеется, я доверяю себе как тебе.

– Не поняла?

– Я не прав. Это всё моё косноязычие. Я хотел сказать, что чешется, но если оно есть у меня, то и у тебя будет тоже, поэтому...

– Ты мне изменял?

– Каким образом?!

– Вот и мне интересно...

– Милая, давай вернёмся к нашим игрушкам. Что они будут искать, меч?

– Меч. Но не переводи тему...

В общем, перехватить Земнова мне не удалось. Но, как и все, я стоял в указанное время у фонтана; никто не опоздал. На этот раз вся наша банда была одета в служебную униформу,

то есть в предоставленный начальством полувоенный камуфляж самого простого пошива. Каким образом штаны, футболка и куртка оказались у меня в комнате, я не знаю. Подозреваю, что принёс сторож, но, может, и не он.

Мужчины собираются быстро, нам не нужно тратить время на косметику, причёски и подбор нижнего белья. Поэтому я ещё даже успел сфотографировать на сотовый свои рисунки и отправить их сёстрам. Восторженное «Аря-ря-я!» откликнулось буквально через минуту – они меня любят и ждут.

Кстати, из рисунков им почему-то больше всего понравился Денисыч. Хотя он шут гороховый и пьяница, но сестрёнки его заценили больше, чем Афродиту, Церберидзе или даже Гюзель на щупальцах. То, что наш директор им не понравится, было ясно сразу, тем более что я рисовал его по собственной фантазии, то есть без тёмных очков.

Девчонки вообще не любят толстых взрослых. Исключение составляет лишь Карлсон, но он дружит с мальчиками. Вот, к примеру, тот же Винни Пух хоть и толстячок, но не потный взрослый, а вечно маленький смешной медвежонок. Медвежат все любят. Даже если они кусаются и воруют у вас на Севере сгущёнку из чума. С их няшностью бороться невозможно, я бы даже не пытался, исход был бы predetermined...

Герман построил всех нас, вновь проверил экипировку, ещё раз убедился, что все мы закамуфлированы, что Гребнева выглядит сногшибательно сексуально даже в таком мешковатом наряде, что Диня уже хороший, а я взял с собой сотовый.

Не факт, что будет связь, но, возможно, удастся пофотографировать раскопки. Лучше бы я обратил внимание на отсутствие на всех четверых хотя бы одной лопаты. Ну, не знаю, каких-то верёвок, вещевых мешков, фонарей, ламп, приборов ночного видения, да пусть хотя бы просто водительской аптечки.

Нет, все стояли налегке. Единственное, у самого Земнова висел на поясе охотничий нож, по размеру скорее похожий на небольшой меч.

– Выдвигаемся в район Кизил-Коба, или Красных пещер, идём по первой туристической тропе, – заглядывая в свой сотовый, зачитал наш смотрящий. – Ищем проход. Вопросы?

– Тока один... щё ты сказал-то сам п-понял? Эти п-щеры истоп... истоп... исхожены вдоль-поперёк уже лет сто! Щё мы там найдём, ага...

– Диня, заткнись, – тепло посоветовала Гребнева, но того уже понесло...

– Мы его веч-но слушаемся, а чуть чо не так, он же ж щелбанит в лоб! У м-ня сотрясение мозга...

– Чего? – не поверили уже мы трое.

– Вы злые, б-счеловечные и б-счувственные людишки! Я фсё сказал.

Поскольку больше ни у кого никаких вопросов не было, Герман по-военному развернулся на каблуках и первым направился из сада в коридор, девушка нежно скользнула ладонью мне под локоть, направляясь следом, а матерящийся на мадьярском наречии знаток всех языков, поправляя сумку на плече, вынужденно замыкал колонну.

Помнится, я ещё хотел расспросить свою спутницу о том, почему Денисыч вечно достаёт своих же сотрудников по поводу и без, но, прежде чем я раскрыл рот, она одним коротким движением приложила пальчик к моим губам. Это было невероятно соблазнительно, эротично и просто приятно. И, как оказывается, напрочь отключало голову.

Мы шли под руку, словно жених с невестой, красиво, торжественно и гордо. За нашей спиной раздавались архангельские частушки доперестроечного времени и почти неприличного содержания:

Как-то раз в одном лесу

Полюбил медведь лису.

И в оргазме три часа

Очень плоская лиса!

...В следующий раз при случае непременно спрошу, где он их берёт. Хотя, если предположить, что это некие вариации застольных песен, тогда понятно. Всё, что пусть хоть самым левым боком, но соотносится с алкогольной темой, всегда в зоне его национальных интересов.

«Севастопольский» наш «бриз»

Выдаёт такой сюрприз:

Вьлешь в даму литр «бриза» —

Ни трусов и ни капризов!

Это мне показалось уже неприличным, но Афродита лишь беззаботно рассмеялась, а вдохновлённый успехом бородатый полиглот продолжал в том же духе:

Нам один знакомый бог

Жаловался, что не смог,

Раз ему псы Артемиды

Обкусили всё либидо...

О каком конкретно боге шла речь, мне неизвестно. Таких историй и картин мы в

университете не проходили. Но девушка вновь тихо прыснула в кулачок, словно бы прекрасно поняла намёк. Я уже был готов спросить у неё, но тут мы вдруг шагнули под хорошо освещённые высокие каменные своды знаменитых крымских пещер, и мне с трудом удалось сдержать вздох восхищения.

Не знаю почему, наверное, какое-то чудо природы, но стены и потолок действительно казались красными. То есть реально красный цвет всех оттенков, от пурпура до краплака, от холодного кадмия до тёплого марса, а ко всему этому плюс все вариации лимонно-жёлтого и горячего оранжевого! Это поистине казалось немислимым, но тем не менее имело место быть!

Повсюду работали лампы дневного света, под сталактитами проложены дощатые дорожки, над некоторыми тропинками установлены перильца из толстых верёвок, а недалеко от нас двигалась к выходу туристическая группка во главе с шумным гидом. Как мы сюда попали-то, а?

И пока я удивлялся, как именно мы сюда вошли, Денисыч, развернув меня за плечи, пустился в рассказ, также изображая из себя отпетого и чуть заикающегося экскурсовода:

– Красные пещеры были открыты в х-хрен знает каком году, хрен знает кем, претендентов-первооткрывателей хоть застрелись! Но вроде как в девятнадцатом веке эт-то место причесали, обиходили и открыли для посещения всем желающим. Археологи разных стран рылись тут в поисках золота, как кроты психованные, но увы, облом, трагедь и комедь в одном флаконе...

– Никто ничего не нашёл, – догадался я.

– Почему же? Один санкт-петербургский художник нашёл, – вдруг припомнила Светлана, томно закатывая глаза. – Он даже хотел меня нарисовать. Но, во-первых, одетой, что почти оскорбительно, а во-вторых, чтоб я же ему за это и заплатила! А я не плачу мужчинам за такие вещи.

– Как его звали?

– Ах, Александр, если бы я запоминала всех, у меня бы голова распухла. Какая-то простая деревенская фамилия. Быков, Теленков, как-то так...

– Видимо, Константин Коровин, – улыбнулся я, пока Герман вёл нас всех по узкой тропке в сторону от ещё двух групп туристов.

Но Гребнева вдруг обернулась, её глаза заискрились:

– Да, точно! Именно так его и называли, на иностранный манер – маэстро Коровин!

Наверное, я немножечко обиделся, потому что так откровенно врать в лицо своему же товарищу по работе всё-таки невежливо.

Да любому дураку известно: Коровин работал в Крыму, у него даже была мастерская в Гурзуфе, и он оставил там ряд великолепных пейзажей периода начала двадцатого века, пока не был вынужден уехать из-за кровавых событий русской революции тысяча девятьсот семнадцатого года.

То есть по факту с ним могла встречаться лишь прабабушка нашей специалистки по чёрно- и краснофигурной росписи. Она считает меня настолько необразованным? Но шедший впереди великан неожиданно обернулся:

– Это какой Коровин?

– Никакой, – обрезал я. – Нас пытаются уверить, что Светлана общалась с тем самым художником, одним из предтеч русского импрессионизма, другом Шаляпина и Серова, который умер в...

– Друг мой, – прервал Земнов, пропуская девушку вперёд. – Афродиту можно упрекнуть во многих вещах, но она никогда не врёт. Это противно её природе.

– Поддерживаю, бро! И ваще, чисто так, навскидку, а чо тут этот ваш Коровин сделал?

– По непроверенным данным, установил стальной сейф без задней стенки и замаскировал его так, что отыскать невозможно.

– Парни, а с металлоискателем не пробовали?

Герман едва ли не на пальцах объяснил мне, что такие вещи тут категорически запрещены, и если мы подадим на официальное разрешение на раскоп, а значит, физическое повреждение уникальных стен природного заповедника, то нас упекут ещё до получения всех документов.

Даже высокие связи Феоктиста Эдуардовича не позволяли такое провернуть. Всё было необходимо сделать максимально тихо и без разрушений. Я задумался.

Хорошо, играем по вашим правилам. Что мог сделать художник, чтобы замаскировать вход? Залепить его. Возможно, но так, скорее бы, поступил скульптор или, допустим, Врубель, или Кустодиев, или Сомов – все они ещё и лепили. Коровин – нет. Значит, только закрасить.

– Ищем кракелюры.

На меня уставились три пары ровно ничего не понимающих глаз.

– Краска должна была быть нанесена достаточно толстым слоем, чтобы имитировать камень, – стиснув зубы, проскрипел я. – А значит, в той или иной мере она полопалась или вспучилась от сырости. Попробуйте найти сеть мелких трещинок, необычные пузырьки на скальной породе, места, где камень словно пустой внутри.

Выражение глаз моих сотрудников не изменилось. Мне пришлось плюнуть и кинуться искать самому. Если исходить из того бреда, что мне тут навешали на уши, известный

художник вдруг решил стать великим авантюристом и что-то там от кого-то спрятать.

Допустим. Просто допустим, но тогда где он это мог бы сделать? Только на самом видном месте, поскольку именно так и развлекались живописцы начала двадцатого века – в так называемых «обманках». Говорят, подвыпившие русские купцы платили немалые деньги за быстрый рисунок сгоревшей спички на столе в трактире. Но только если официант попытается смахнуть её на пол или забрать со скатерти.

Никому не известно, умел ли такое Коровин, но ведь он одно время даже преподавал в Санкт-Петербургской академии изящных искусств именно живопись. Так что почему бы и нет? Земнов кивнул остальным, все дружно сделали вид, что помогают мне, разойдясь по тропе. Я вижу вас насквозь, ребята! *Ego te intus et in cute novi!*[12]

Герман просто лапал стены, сам себя укоряя за то, что так неправильно и он может случайно сбить красивый узор камней или оставить отпечатки рук. Денисыч исследовал самые тёмные уголки, поскольку именно там он мог незаметно приложиться к содержимому амфоры, не вытаскивая её из сумки.

Светлана вообще отошла подальше от нас, став в лучах ламп – стройная, изящная, в грубом камуфляже, – и делала вид, будто бы поправляет волну золотых волос. В результате две параллельные экскурсии остановились, потому что мужики вытянули шеи, щёлкали её на фото и махали руками. Она отвернулась от вспышек и как раз в этот момент позвала меня:

– Александр, здесь, кажется, подпись?

Вообще-то пещеры часто пестрят подписями круглых идиотов, непременно желающих оставить человечеству память о себе, своих друзьях, городе, любимой девушке типа: «Коля + Нина», «Загит и Дамир = Кавказ – сила!», «Пермь, ДМБ-89» и так далее. Очень жаль, что всех их нельзя расстреливать на месте. Большинство этих конченных дебилов живы только лишь потому, что закон запрещает убийство. Но на этот раз в небольшом углублении, почти впритык к лампе, ввинченной в стену, виднелась характерная подпись красной краской...

– Это Коровин. Мы нашли.

Как оказалось, найти ещё недостаточно. Нам пришлось ждать, пока гиды сумеют-таки вернуть себе внимание групп и увести разлакомившихся туристов дальше по маршруту. Трое мужчин всё равно попытались лезть знакомиться, и разбираться с ними пришлось нашему здоровяку. Обошлось не без обид, но хотя бы все ушли своими ногами.

После этого Земнов аккуратно обстучал всю стену от пола до потолка на пару метров в обе стороны. Характерный звук металла под слоем краски и штукатурки был обнаружен достаточно быстро. Более того, оказалось, что если нажать пальцем на букву «К» в подписи художника, то сверху сдвигается бронзовая пластинка, открывая гравированный текст и кнопки цифрового замка старого сейфа.

– «Набери пароль, или голос уничтожит вас», – вслух прочёл я, быстро шлёпая Диню по

шаловливым ручкам.

– Ты чо, зема? Это моя тема, я все языки знаю, все пароли, пусти хоть гляну...

– Нужно подумать.

Три моих товарища недоумённо переглянулись, но отступили. Что ж, придётся объяснять на пальцах:

– Вы читали Дэна Брауна или Йена Пирса? Лучше Пирса, конечно, но, как я понял, не читали ничего. В общем, если человек искусства что-то прячет, то делает он это с максимальной фантазией, так чтоб ни один случайный копатель ничего не нашёл. А ведь речь о Константине Коровине, эстетике, баловне публики, игроке и мастере шарад. Если пароль не подойдёт, то сейф заклинит и его придётся открывать только взрывчаткой. И то, если он немецкий или швейцарский, вряд ли получится.

– Александр, вы такой умный! Это возбуждает...

– Точняк, Саня, бро! Не, ну меня не в этом смысле, но ты... короче, думай...

Земнов лишь молчаливым кивком подтвердил согласие с остальными членами группы. Цифровой замок был достаточно простым, латинский алфавит в четыре ряда, нижняя строка свободна, по центру круглое окошечко с цифрой три. Значит, сейф всё-таки импортный.

По идее всё понятно: жми кнопки в нужном порядке – и дверь откроется. Тройка, скорее всего, означает три попытки. Конечно, хотелось бы ещё знать, какое кодовое слово стоит в пароле. Засада...

– Минуточку, а почему «голос»? Почему чей-то там голос уничтожит нас? – так же вслух, негромко, бормотал я, потому что мои спутники, похоже, потеряли интерес к теме.

Светлана расчёсывалась, Диня пару раз успел пригубить, и лишь Герман сосредоточенно смотрел на стену, словно размышляя, а не сможет ли его кулак пробить скалу.

– Голос уничтожит вас. Допустим, при неверном пароле включается механизм грома или чего-то подобного. Уничтожить в пещере можно лишь обрушением потолка, значит, будет взрыв. А голос... так, погодите, Коровин дружил с Шаляпиным! С самым громким басом России! Допустим...

Я выдохнул и решительно поманил нашего специалиста по языкам:

– Как правильно пишется латиницей «Шаляпин»?

Денисыч отхлебнул, вытер губы и с молниеносной скоростью пробежался пальцами по кнопкам. Раздался мелодичный металлический щелчок, и цифра в кружочке сменилась на двойку. Из всего слова Chaliarin на последней строке выпрыгнуло лишь окончание – in.

– Первая попытка показала, что мы на правильном пути, – кисло улыбнулся я.

– Зема, не то чтоб я так уж лез с советами, но, может, этот твой художник зашифровал своё имя? Типа так...

И прежде чем я хотя бы ойкнул в ответ, этот гад быстро набрал Kogovin. Второй щелчок – и наши шансы открыть сейф уменьшились ещё на одну попытку.

– И чо т-ты мне всё разр-шаешь, а? Я ж пьяны-ый в зюю.

Мне жутко хотелось дать ему по башке, но в этот момент окончание изменилось на – rovin. Да, мы действительно двигались в правильном направлении. Диня был прощён, потому что теперь уже я точно знал пароль. Гребнева, повернув прекрасную головку, попросила нас ускориться: на входе нарисовалась новая группа туристов. Нашли время...

– Последняя попытка, – хрипло выдавил я. – Близким другом Коровина был художник Валентин Серов, в Академии их даже в шутку прозвали Серовин и Коров. Почему? Поэтому!

Я покосился на Земнова: всё-таки за всю эту авантюру отвечать ему. Он встал рядом, положил мне руку на плечо и не задумываясь кивнул. Что ж, мне оставалось набрать лишь буквы Se. Часть стены дрогнула, очерчивая прямоугольник метр на полтора. Герман судорожно зацепился пальцами за край сейфа и, безжалостно разрывая полотно великого художника, открыл проход.

– Ты уверен, что он музейный работник, а не вандал?

– Всё идёт по плану.

– План в том, чтобы открыть им тайный вход?

– Ещё раз говорю тебе, дорогая, всё идёт по плану.

– Хватит цитировать Егора Летова, я его не люблю!

– Ну, кто-то любит, это вопрос вкуса...

– Я не «кто-то».

– Всё равно рано или поздно в пещерах нашли бы подземный храм, а так мы хотя бы развлечёмся. Потому что с каждым веком развлечений всё меньше и меньше.

– Ну, давай я тебя развлекаю... мр-р...

– А людишки?

– Сначала мр-р...

Диня подтолкнул меня в спину. Я заглянул внутрь: чёрный зев вёл в глубину, из которой виднелся слабый голубоватый свет. Наверное, можно идти. На этот раз возглавлял отряд я, за мной – Денисыч, за ним – Светлана, а наш великан, с трудом протиснувшись последним, аккуратно прикрыл дверь.

Щелчка замков не прозвучало, значит, мы тут не заперты, уже одно это радует. Но тут же раздался шум падающих камней. Возможно, нас завалило. Час от часу не легче. Ну и что же дальше? Никто не ответил, мы двинулись вперёд на слабенький голубоватый свет.

Из сейфа мы вышли в широкий проход, высота потолка позволяла не пригибать голову. Скальные стены были явно обработаны человеческими руками и отполированы едва ли не до зеркального блеска. На толстом слое пыли угадывались старые следы изящных мужских шпиблет, неужели здесь и вправду ступала нога Константина Коровина? Что же он тут нашёл? Почему решил скрыть это от людей? Зачем придумал всё это?

Мы прошли, наверное, шагов двадцать – двадцать пять, проход расширялся, свет впереди становился всё ярче, совсем не пахло подземельем, наоборот, воздух был чист и дышал ароматами горных трав. А вскоре перед нами развернулся настоящий скальный храм.

Высокие своды пещеры буквально сияли отражённым солнечным светом, падающим из-под потолка. В центре находилось нечто вроде ступенчатого алтаря, слева и справа высились огромные каменные быки с крыльями, украшенными синей и зелёной мозаикой.

Кажется, нечто похожее мы проходили ещё в шумеро-аккадском эпосе, но у этих ещё почему-то были длинные бороды, завитые колечками. Стены украшены очень реалистичными изображениями жрецов или стражей в длинных одеждах, с чем-то вроде копий в руках.

У копыт быков стояли бронзовые ларцы, украшенные чеканкой и литьём. Первым к ним и кинулся торопливый знаток всех языков на свете.

– Сокровища! Бро, ты реально крут! Без тебя бы сюда фиг попали. Герман, скажи?

– Каждый из нас специалист в своей узкой области, – весомо подтвердил он, – но никто не смог бы найти решение, если бы с нами не было человека, знающего историю искусств.

– А я его просто поцелую, – объявила девушка, но Герман решительно встал между нами:

– Поход не окончен, нам ещё может понадобится его ясный ум и обширные знания.

– Ладно, милый, тебя я тоже поцелую!

– Не сейчас, – ещё строже обрезал наш суровый командир. – Ищите золотой меч.

Гребнева сморщила носик, но чисто из вежливости прошлась по пещерному храму взад-вперёд, и поскольку не обнаружила ничего похожего на греческие вазы, то быстро потеряла интерес к этому мероприятию. Причём её вряд ли можно было бы назвать ленивой, нет,

просто ей было здесь откровенно скучно. Сокровища, золото, бриллианты и прочее не манили Афродиту, она была выше всего этого.

Зато наш специалист по древней металлургии и мрамору словно с цепи сорвался. Он раз десять обегал всю пещеру по кругу, заглянул во все щели, рыскал по всем углам, пытался вскрыть все ларцы (безрезультатно), обстучал все стены, ища то ли скрытые рычаги, открывающие новые проходы, то ли, наоборот, опасаясь коварных ловушек в стиле фильмов об Индиане Джонсе. Я пытался ему помогать, но в любом случае всё это изрядно отдавало большой одержимостью...

Денисыч же, наоборот, удобно устроился задницей прямо на алтаре и достал новую амфору. Иногда мне кажется, что его сумка – это какой-то портал в греческий алкомаркет или дьюти-фри. Ему больше ничего не было интересно: ни куда мы влезли, ни где этот меч, ни как нам всем отсюда выбираться. Невероятная лёгкость его отношения к миру – читай: феерический пофигизм – просто поражала.

– Мальчики, мы вообще надолго здесь? – явно начиная раздражаться, зевнула Гребнева.

Но к тому моменту мы с Германом взмокли и вымотались буквально как негры на плантациях Барбадоса и поэтому вежливо ответить девушке не могли, хорошо ещё не лягнули чего, соответствующего настроению. Светлана зевнула ещё откровеннее, даже не пытаясь прикрыть ротик ладошкой, и кивком головы указала на алтарь:

– Загляните уже Дине под задницу, он сидит там на какой-то надписи. Может быть, это ключ?

Заглядывать под задницу знатока древних языков я отказался категорически – не мой стиль. Но великан Земнов не задумываясь бросился вперёд, поднял товарища за шиворот и просто пересадил на пол. Тот не обиделся, даже от выпивки не оторвался ни на секунду.

А на алтаре, где он только что столь вальяжно бражничал, действительно имелась вырезанная в камне чаша с круговой надписью непонятными буквами. Подобный шрифт был одновременно похож на арабский, иврит, древнерусскую клинопись, азбуку Морзе и что-то ещё совершенно мне незнакомое.

– Друг мой, прояви свои незаурядные способности, – Герман кротко выдохнул через нос и отобрал у Денисыча амфору. – Что. Тут. Написано?

– Банал... ный, это... жерт-в-ник. Жертвенник! Льёшь кр-р-ровищу, п-лучаешь этот... как его, запретный склад.

– Клад?

– А я чо сказал?! «Прольётся кровь, и чистотой своей насытит небеса, достойнейший получит в дар бесценное сокровище Тавриды!»! Чо ещё не понятно?

– Значит, нам требуется совершить жертвоприношение? – сразу догадался я.

Как мне показалось, что первым, но трое сотрудников нашего музея почему-то смотрели на меня очень странными взглядами: Герман – со стыдом и болью, Светлана – с сочувствием, а Диня – даже с упрёком, как на последнего дурачка.

– Вы чего?

– Понимаешь ли, бро... Если в дохристианских европейских религиях речь идёт о жертвоприношении, то, как правило, это человеческая жертва. Конечно, в ряде случаев допускалась замена на коня или быка. Но сюда, как ты понимаешь, животное не затащить, значит... короче... Чо ты как этот, зема?!

– Как кто? – я непроизвольно сжал кулаки, но Герман встал между нами.

– Денисыч прав, жертвенник нужно наполнить. Но чья кровь в него потечёт, будет решать жребий.

– Глупости, – холодно обрезала девушка, капризно притопнув каблучком. – Мне очень нравится Александр, но он всего лишь человек. Его выбор предопределён.

– Какая ты нудная, Светка... но не дура, не дура...

Земнов расправил и без того широкие плечи, сдвинул брови и как главный в экспедиции принял решение. Он что-то долго говорил, но я вычленил главное: девушка не в счёт, потому что, простите, уже далеко не девушка, а древние боги предпочитают девственниц. Знаток языков тоже не прокатывает – в его крови больше вина, чем, опять-таки простите за тавтологию, этой самой крови. Остаётся мы двое.

– Герман, не глупи. Ты не человек, ты герой!

– Вот именно, а кровь героев всегда текла на жертвенники. Я же достаточно проливал её в бою, чтобы испытывать страх.

Гребнева принялась заламывать руки, наш здоровяк начал искать палочки для жребия, Денисыч привычно раскупоривал очередное винишко, я же не понимал вообще ничего, потому что всё происходящее было как некий экспериментальный театр с новомодной постановкой древнегреческих трагедий. У нас теперь делают похожее в Екатеринбурге, кому-то нравится, кому-то нет, но за слово «афедрон» (задница!) со сцены даже премии от министерства культуры выдают!

Пока все были заняты делом, мне вдруг взбрело в голову самому хорошенько рассмотреть алтарь. И знаете, а эта чаша хорошо если вместила бы пол-литра жидкости. Но тогда вроде и не особенно страшно: кровопотеря не фатальная и в целом вполне совместимая с жизнью. Если это позволит нам забрать в музей редчайший артефакт, то почему бы и нет?

Я спросил у Германа. Он покачал головой, но тоже подошёл посмотреть.

– Друг мой, ты вновь прав! Наполнить чашу несложно, я легко сделаю это сам.

– Стоп, а если мы оба прольём кровь? Тогда вообще получится по двести пятьдесят грамм. Так можно?

– Две жертвы вместо одной? Богам такое всегда угодно.

– Я не о богах, – мне с трудом удалось удержаться от того, чтобы не стукнуть его по патетическому лбу. – Я о чисто технической части. Пол-литра с человека – это всё равно много, а по двести пятьдесят...

– Герман, Александр, что вы несёте? – театрально простонала Светлана, – Диня, скажи хоть ты им?

– И ск-жу! С-кжу! Бро, не смеши, разьв-ве пол-литра многа?!

Никто даже ахнуть не успел, как этот вечно пьяный гад выбулькал в каменную чашу половину амфоры! И стоял довольный, как цирковой медведь после ведра медовухи...

– Убью, – еле слышно каким-то пошлым фальцетом пропищал могучий специалист по мрамору и бронзе, смыкая руки на его тощей шейке.

Денисыч в ответ выпустил струйку вина изо рта прямо в лицо Германа. Гребнева влезла меж ними, отвешивая по пощёчине и тому и другому, после чего все трое воззвали ко мне за помощью. Пришлось засучивать рукава и вмешиваться.

Мелкая драчка грозила перейти в массовую, но тут раздался всасывающий чавкающий звук, вроде как в биотуалетах современных поездов, и чаша опустела. Мы все замерли. Потом послышался каменный скрежет, алтарь начал поворачиваться вокруг своей оси, открывая бронзовый ящик без крышки, где и лежал...

– Золотой меч тавров, – одновременно выдохнули мы все четверо.

И да, на подушке из мелких серебряных монет, так называемой «чешуи», покоился железный, изрядно тронутый ржавчиной клинок греческого или скифского происхождения с действительно золотой рукоятью. Вот эта часть меча находилась в идеальном состоянии.

С золотом редко что происходит, оно не окисляется и не утрачивает ценность, сколько бы ни пролежало в земле. Почистил от грязи, отполировал тряпочкой – и хоть сейчас на витрину. Герман выпустил синеющего товарища и с глазами, полными слёз умиления, опустился на колени:

– Друзья мои, мы всё-таки нашли его. Меч наш...

Афродита бросилась на него сзади, счастливо подпрыгивая и целуя в макушку. Диня, верный себе, встал на четвереньки, проорал что-то на суахили, тут же откупорил очередную амфору и начал расплёскивать её содержимое по стенам и полу, словно гонщик, выигравший

престижное суперралли. А я даже не успел присоединиться к общему веселью, поскольку именно в этот момент каменный бык слева от меня с хрустом повёл плечом.

– М-м-м, не хочу казаться паникёром, но, похоже, меч всё ещё не наш...

Вздрогнул пол, росписи на стенах ожили. Воины, стражи или жрецы неловко спрыгивали на полированные камни, разминая затёкшие руки и ноги. Как помните, каждый был вооружён длинной заточенной железкой произвольной формы. И судя по всему, эти парни умели обращаться с оружием.

– А ведь я говорила, что нужна кровь! Но кто я такая, чтобы меня слушать? Слабая, наивная и совершенно беззащитная девушка...

Гребнева быстро расстегнула верхнюю пуговицу военной куртки, демонстрируя шикарный бюст, но стражей это почему-то не заинтересовало.

– Евнухи, что ли? – уныло уточнила она. – Ой, всё!

И наша золотоволосая красавица неожиданно крутанулась на левой ноге, в высоком ударе правой буквально сметая ближайшего к ней воина. Остальные замерли на секунду, а потом, раззявив рты в беззвучном крике, молча ринулись на нас в атаку. Драка была яростной...

Земнов заорал, что ничего никому не отдаст. И, заткнув артефакт за пояс, врезал двоим нападающим тем же каменным саркофагом. Мелкие монетки, взлетевшие вверх и упавшие дождём, заставили нападающих отступить, словно именно серебро было способно причинить им боль. Но это ненадолго.

Они перегруппировались и вновь подняли причудливые копья-серпы. Мы с девушкой заняли позиции справа и слева от здоровяка Германа, который сражался, как эпический герой древних мифов. Проблема была лишь в численном превосходстве противника (четверо против более полусотни), в лучшем вооружении (у нас его вообще, считай, не было), и самое главное, в том, что они все были уже мёртвые. Очень давно, поэтому их нельзя было убить. А нас можно.

– Аря-ря-я!

Я держался благодаря армейскому рукопашному бою, но тем не менее пропустил два скользящих удара: один – под колено (и хорошо, что не по сухожилию), второй – по левому плечу. Длинная, но не слишком глубокая рана, хотя кровь пошла волной. Перевязываться некогда и нечем, да и обработать стоило бы хоть перекисью, мало ли какие вирусы у них на копьях. Уточнять не было времени.

Девушке досталось поменьше, она показала себя необычайно ловкой и гибкой, свободно опрокидываясь в мостик и садясь на шпагат. Её одежду прорезали в пяти-шести местах, но вроде крови не было видно. А вот наш главный защитник Багратионовых флешей с панорамы Франца Рубо получил столько ран, что непонятно, как вообще держался на ногах.

В драке поучаствовал даже Диня, кинувший из-за наших спин пару пустых амфор. Одну жрецы дружно разбили ещё в воздухе, другой он таки отбомбил кому-то по голове, но на исход битвы повлияло совсем другое. Один из каменных быков повернул лобастую башку в сторону нашего друга и просительно замычал.

Мы все едва не присели, но никогда ни на секунду не теряющий самообладания знаток тысячи языков мгновенно наполнил жертвенную чашу по второму разу. Вновь раздался всасывающий звук, и уже два быка с глазами, налитыми красным вином, тряся бородами, склонили страшные рога и встали на нашу защиту. Охрану храма они буквально впечатали в гранитный пол широкими раздвоенными копытами, нас не трогали, а милашку Денисыча так даже вылизали с ног до головы. Как большущие ласковые мастифы, честное слово...

– Нам не пора сваливать? – спросил я, вовремя подставляя плечо пошатнувшемуся великану. Его камуфляж был мокрым от крови. Германа качало.

– Ещё как пора, – подтвердила Светлана, уверенно подхватывая его с другой стороны. – Ах, Александр, если б вы знали, он же вечно лезет всех спасать в самое пекло! Совсем бессмертный, что ли?!

Мы трое кое-как выбрались из храма, стараясь не попасть под ноги нежным каменным быкам, и двинулись к выходу. В хлам облюнявленный Денисыч счастливо расцеловался с громадными скульптурами в дёсны и поспешил следом. В жертвенную чашу вылилась третья амфора креплёного греческого вина. Могучие быки провожали нас нестройным, нетрезвым, но абсолютно удовлетворённым мычанием.

В проходе Земнов стал уставать, у него подгибались ноги, он спотыкался, а тело его с каждым шагом становилось всё тяжелее и тяжелее. Я с трудом удерживал эту тушу, а каково приходилось стройной, хрупкой девушке с той стороны, оставалось только догадываться. В завершение всего подвыпивший языковед, разбежавшись сверх меры, не успел вовремя затормозить и врезался в нашу троицу. Естественно, свалив всех...

– Диня, *stultus stultorum rex!*[13]

– *Stultus stulta loquitur!*[14] – мгновенно парировал он.

В наш интеллектуальный диалог вмешалось негромкое ворчание, напоминающее рык крупной собаки. Я повернул голову и встретился взглядом с Церберидзе. Горбун легко поднял нашего командира, взвалил его на спину и потащил по коридору. Гребнева встала, отвесила Денисычу звонкий подзатыльник и удалилась вслед за сторожем. Мы двое поплелись последними.

– Без обид?

– Какие обиды, бро? Ты единственный, с кем можно хоть о чём-то поговорить на латыни.

– Слушай, но как вообще мы сюда попали?

– Ты о чём?

– О том, что мы только что были в подземелье Красных пещер и вот...

– Саня, забей! Это наш дорогой директор намутил через сестрицу свою, а как чо работает, никто из нас не знает. Мы типа пользователи, а он сисадмин. Въехал?

Разумеется, я ничего не понял. Но переспрашивать уже не имело смысла, на Диню напала специфическая алконафтная икота...

– Получается, мы просто подарили им меч?

– Дорогой, ты драматизируешь.

– Я готов выслушать твою версию, прорицательница.

– Но нам же было интересно.

– Значит, всё-таки подарили...

– Мы сыграли красивую партию настоящими игрушками. Лично мне понравилось. Что ещё может быть более важным на фоне этого?

– Меч у них, они все живы, кровь не насытила жертвенник, их единство и сила в целости, наши жрецы побиты, священные быки пьяны в свинину. Я ничего не упустил?

– Ты меня не лю-би-ишь...

...Директор музея встретил нас как героев Троянской войны, и если для нас не была открыта арка или возведена стела, то это лишь из-за банальной нехватки времени. Потому что когда все мы, включая приободрившегося, хоть и перемотанного бинтами на манер каирской мумии Земнова, переодевшись и вымывшись, вышли вечером в сад, то нас ожидал роскошный стол. Свежие овощи и фрукты, горячие мясо и рыба, татарские сладости, греческое вино, черноморские морепродукты – в общем, всё, чем славилась земля Тавриды!

Но самое главное, что к нам на этот раз присоединился новый гость, а вернее, гостья. Очень высокая молодая женщина, брюнетка с короткой стрижкой, спортивной фигурой и очень белой кожей. Одета в укороченное трикотажное платье спортивного фасона, белые кроссовки, плюс небольшой модный рюкзачок на спине и два строгих добермана без намордников слева и справа. В общем и целом, дама на стиле.

Вообще-то я люблю собак, но с этими даже взглядом встречаться было страшновато. Хотя к хозяйке они ластились как дети.

– Дорогие друзья мои, позвольте ещё раз и вновь представить вам мою драгоценную сестрицу Милу! Благодаря её щедротам и постоянному вниманию к проблемам экологии всего полуострова мы здесь живём и процветаем!

Все привстали, дружно подняв приличествующие случаю хрустальные бокалы. Строгая сестра Феоктиста Эдуардовича от вина отказалась категорически, чуть пригубив из бутылочки воду без газа. Потом она перевела взгляд на меня, доберманы преданно следили за каждым её движением.

– Так вот каков твой молодой герой, не юноша, но муж, что вынес все невзгоды и быть полезным смог неоднократно? Музейные труды всегда полны препятствий – от скуки лютой, что, подобная орлу, терзает печень и до опасностей несметных, где алчности волков приходится не руку в пасть совать, а голову саму. Скажи мне имя, добрый человек, которым вознаградили тебя отец и мать?

– Мне отвечать в гекзаметре? – шёпотом уточнил я у Денисыча.

Тот важно кивнул. Хорошо, попробую, это не слишком трудно.

– Мне имя Александр, что в переводе значит «мужей защитник». Так решила мать матери моей, отец же прислушался к её совету. Она была достойнейшей из женщин.

– Охотно верю, – поддержал меня директор, поправляя тёмные очки. – Давайте же поднимем этот бокал за наших предков! Без всякого поэтического суесловия. И угощайтесь уже, друзья мои, этот небольшой, так сказать, пир в вашу честь!

Мы все ещё раз дружно чокнулись.

– Может быть, ещё кто-то хочет сказать?

– Я, – мгновенно подскочил Денисыч. – У меня тост в стихах:

Те, кто слушает Дудя, сожалеют погода.

Потому что этот Дудь явно всем желает вдуть.

А поскольку нечем вдуть, людям в уши гадит Дудь!

Никто не понял, с чего это и к чему, чем досадил блогер-иноагент нашему языковеду-алконавту, но тем не менее чокнулись чисто из вежливости. А потом соучредитель и меценат нашего музея беззастенчиво потребовала от знатока языков и вин освободить ей место. Диня вскинул было непокорную бровь, но доберманы насупили свои оранжевые брови, и ему не оставалось ничего, кроме как быстренько отвалить.

Мила Эдуардовна присела рядом со мной, плечом к плечу. Ела она мало, только фрукты, в общих разговорах не участвовала, улыбалась мягко, держалась скромно, ни на кого не давила, не упрекала и не требовала отчётов, пила лишь воду. Мы расслабились.

Как я понял впоследствии, очень зря.

Солнце коснулось горизонта. Директор посидел с нами не более десяти минут, фактически

просто говоря тосты. За час обиженный Денисыч накидался не просто в стельку, а практически в гавань пелопоннесскую. То есть он и на четвереньках никуда уползти не мог, а потому уютно свернулся калачиком под столом.

Очень бледный Герман Земнов получил в дар от нашей гостьи баночку какой-то пакистанской чудодейственной мази пуштунов и, вежливо откланявшись, чуть прихрамывая, ушёл к себе. Светлана успела подхватить его у самого входа в корпус, когда он едва не врезался лбом в косяк. Девушка бросила на меня укоризненный взгляд, не сказав ни слова. Но я и так всё понял...

Её хрупкость и незащищённость были обманчивы, а под нежной женственностью скрывалась стальная пружина. Я мог лишь удивляться, как после пяти больших бокалов крымского вина наша Афродита ещё способна так быстро двигаться? Лично мне было трудно даже шевелить губами. Хотя я, кажется, выпил на половину амфоры больше...

– Итак, одни мы, – обернувшись ко мне, объявила сестра директора. – Теперь скажи мне, о герой, сумевший выжить, доволен ли ты службою своей богам?

– Кому? – не сразу въехал я.

– Богам искусства, что в музеях хранят сокровища эпох ушедших. А ты о чём подумал?

– Уф, всё-таки сложные философские вопросы лучше решать на трезвую голову и никак не за праздничным столом, – попытался улыбнуться я, но она вдруг очень точно, как будто знала, ткнула пальцем в тот самый порез на руке, прикрытый рубашкой. Боль была дикой, а бинты сразу пропитались кровью.

– Не лги мне, ибо ложь противна сердцу чистому героя, – наставительно, но без злорадства отметила Мила. – Мне ведомо всё то, что брату моему, а он почти всевидящий, поверь мне. Я знаю, без тебя все эти глупые милашки и шагу не вошли бы под Гурзуф, а если б и попали, так не смогли бы отличить фальшивку пошлую от гордого оригинала. А ты сумел. Ты смог дерзнуть встать против мертвецов оживших, как их явление не было противно самой природе сущего земли.

– Это... довольно больно.

– Боль отрезвляет. Брат считает мой, что ты прошёл проверки в верности музею. Наш клан не так велик, но крепко спаян. И все мы здесь чуть-чуть родня друг другу, но ты иной. Твой мир очеловечен гораздо более, чем наш.

– Так в чём проблема? – уже всерьёз заинтересовался я.

– Лишь в том, что взгляд твой обжигает мне колени...

Кажется, я чуть не подавился оливкой. Если это не был прямой намёк на переход знакомства к отношениям, то что же тогда это было? Возможно, в голове моей ещё вовсю развлекались синюшные черти под красными алкогольными парами? Или же я настолько легко попал в

самую простенькую женскую ловушку, когда и отказ и согласие равно рискованны? Ох, да смысл гадать, когда можно просто действовать?

– А расскажите о себе, – предложил я, ненавязчиво обнимая за плечи сестру директора.

Этот метод, вычитанный мной в одной смешной книге про нашего парня с волшебным мечом, попавшего в Срединное королевство, всегда себя оправдывал. Женщины обожают говорить о себе любимых и в этом плане ни разу меня не подводили. А пока они себе болтают, ваши руки, взгляды и многозначительное кивание на фоне разлитого закатного золота тоже делают своё дело...

Однако этим вечером что-то пошло не так.

– Последний юноша, что видел меня, лишённую одежды, разорван был моими псами, – Мила демонстративно, с подчёркнутой холодностью убрала мою руку со своего плеча, а доберманы счастливо зарычали в предвкушении.

– Я ничего не видел.

– Глаз не сводя с моих коленей и углубляясь взглядом в декольте? Проступок малый, что же, наказание быть может соразмерным или... нет? Отважный Александр, человек, что отличает кисть Веласкеса от Гойи, Саврасова не путая с Крамским, Конёнкова с Голубкиной, Родена с Шадром, а Дега с Кандинским. Скажи открыто, кто из нас прекрасней – я или эта... Гребнева Светлана? «Вилы. Каков бы ни был мой ответ, я в заднице, глубоко и надолго...»

Агрессивная феминистка мягко улыбнулась, хотя я не уверен, что не произнёс последнего гексаметра вслух, а лишь подумал. По факту ответа не было. Потому что любой мой шаг неминуемо грозил либо увольнением, либо покушением. Псы напряжённо оскалили клыки, и я предпочёл увольнение.

– Мила, вы пытаетесь сравнить два типа женской красоты, но они несравнимы. Если же вам интересно моё личное мнение с точки зрения субъективного эгоизма, то мои симпатии на стороне нашей специалистки по древним росписям.

– Ответ был честен, – после минутной паузы признала она с грустью в голосе. – Не то чтобы понравился он мне, но ты не лгал, ложь боги не прощают.

Вместо ответа я осенил себя широким крестным знаменем. Не знаю, что произошло и почему вдруг, но доберманы сорвались с места в ту же секунду. Удар четырёх лап в грудь буквально смёл меня со скамейки, отбросив так далеко, что я чудом не расшиб себе голову о мраморный бордюр фонтана. Над моим лицом зависли две оскаленные пасти, горячая слюна с клыков капала мне на лоб и...

– Хватит, – негромко проворчал чей-то знакомый голос.

– Почему их просто нельзя убить?

- Потому что много раз пробовали и мы, и до нас, это бесполезная трата времени.
- Время – единственное, чего у нас в избытке.
- Но мы можем попробовать убить этого вредного парня из Екатеринбурга.
- И память о Егоре Летове тебя не остановит?
- Милая, одно с другим не связано.
- Угу, вот только скажи мне ещё раз: «Всё идёт по плану», и я дам тебе по башке!
- Нам по башке.
- Ненавижу, когда ты прав...

Доберманы дружно обернулись и поджали купированные хвосты. В дальнем углу сада послышались шаги, и в наступающих сумерках к столу вышел прихрамывающий горбун Церберидзе. В руках никакого оружия – ни палки, ни электрошокера. Не представляю, чем он мог так напугать этих могучих зверей, но они, скуля, словно маленькие щенки, брошенные мамой, наперегонки ринулись прятаться за спину своей хозяйки.

- Сосо? Как ты не вовремя, – Мила Эдуардовна досадливо закатила глаза. – Оставь нас!

Сторож и волосатым ухом не повёл. Дотопал до меня и протянул руку, помогая встать на ноги. После чего, не слушая слов благодарности, просто присел рядом на корточки, словно крымский татарин. В который уже раз этот странный старик спасает мне жизнь?

- Я повторять тебе не буду, раб!
- А мне ты повторишь? – к нам бесшумно вышла золотоволосая девушка, на ходу сжимая и разжимая кулаки. – Фригидная пустышка...
- Жена-изменщица пришла меня стыдить? Смешны упрёки той, которой стыд неведом!
- Ты по собакам всё? Уж лучше б мужика нашла, дура...
- От дуры слышу! Корова с сиськами!
- Стерва-плоскодонка!

Две красавицы встали друг перед другом, как две шаровые молнии, искря так, что зелёный дым начал стелиться по траве. Чёрно-белый полюс энергии против серебристо-розового, блондинка против брюнетки, голубые глаза против карих. На фоне быстро темнеющего неба и алмазной россыпи звёзд это выглядело особенно эффектно.

Потом обе девушки разом рявкнули:

– Диня, хватит притворяться! Уведи Александра.

Мой вечно пьяненький приятель мигом выполз из-под стола и на четвереньках добежал до нас с горбуном. Ушлые доберманы тут же заняли нагретое им место под тем же столом.

– Саня, валим отсюда!

– Но они же...

– Подерутся, помирятся, не первый раз, бро! Светка в период ПМС целый город может разнести, но Милка всё поправит, она ж на экологии повёрнута по самую ватерлинию. А вот лезть под ноги в женской драке – дело неблагодарное и порой даже несовместимое с жизнью.

То есть он практически уволок меня в коридор, хотя я старательно упирался. Не ожидал с его стороны такой силы и энтузиазма. Но оказывается, что этот несуразный тип с изрядным брюшком и едва ли не козлиными ногами, когда ему надо, обладает железными мышцами.

В ту же секунду сзади полыхнуло, и коридор заволокло дымом. Я кое-как сумел вырваться, кинулся обратно в сад и горячей взрывной волной был отброшен обратно, словно осенний лист клёна. Пролетел метров двадцать и затормозил спиной уже у двери в собственную комнату. Денисич важно отсалютовал мне откупоренной амфорой и выплюнул на пол пробку. Он в своём репертуаре.

Я поднялся, отряхнулся и всё равно пошёл вперёд, потому что обстановка с внешнего периметра явно накалялась. Дважды грянули раскаты грома, запахло порохом. Мне никто не встал поперёк дороги, не пытался удерживать, уговаривать или тормозить, но...

– *Lupus non mordet lupum*, – выдохнув, пробормотал я, – волк не убьёт волка. А уж тем более волчица не съест волчицу.

Света и Мила сидели рядышком у фонтана, очерченные светом лунного серебра, словно две мраморные скульптуры, и беспечно бултыхали ножками в воде. Шумели оливы и яблони, беспечно искрилось небо, никаких следов недавней бомбардировки и близко не было, ни одна травинка не пострадала. Разве что режущая глаза пороховая гарь всё ещё остаточно витала в воздухе, уносимая свежим ветерком. Зашквар...

С меня хватит. Завтра же пойду к Феоктисту Эдуардовичу и потребую объяснений, что и почему, то есть какого чёрта лысого здесь происходит?! Если мы сотрудники музея, то почему занимаемся не рядовыми исследованиями и даже не полевыми раскопками, а каким-то диким участием в приключенческих фильмах? Хотя если подумать, то нам и на раскопках делать нечего, это работа для археологов, в мои обязанности входит лишь...

Вот именно! Я даже границ своих служебных обязанностей до сих пор очертить не могу. Музей искал в штат специалиста по общей истории искусств, но ведь не вербовал ещё одного члена организованной бандитской группировки? Лично я, когда летел в Крым, рассчитывал

на спокойную, даже рутинную, работу с описью, бумагами, атрибуцией тех или иных предметов. Добавим сюда консультации сотрудников, чтение лекций, проведение экскурсий для школьников, в конце концов, но никак не всё это!

Не прошло даже недели, а меня уже били, в меня стреляли, меня спаивали, мне пытались отрезать ноги! Меня явно пытались принести в жертву свои же, и я (дебил конченный?) был не против! Потом меня убивали настоящими железными копьями жрецы или воины, нарисованные на стенах! И кроме того, я ежедневно подвергаюсь соблазнению со стороны нашей специалистки по чёрнофигурной и краснофигурной росписи греческих ваз, а сегодня меня чуть не затравила собаками сестра нашего же дорогого директора!

– Какой вывод следует из всего, что я видел собственными глазами? Либо всё, что здесь происходит, является результатом переноса древних мифов в нашу реальность, либо я схожу с ума, у меня биполярное расстройство, и, пока я ещё способен давать себе в этом отчёт, мне необходимо срочно показаться хорошему психотерапевту.

– Всегда есть и третий путь, бро, – раздалось в ответ за моей спиной.

– Пить не буду, – не оборачиваясь, отрезал я.

– А кто говорил о выпивке?

В следующую секунду тяжёлая глиняная амфора разбилась о мою бедную голову. Наверное, я рухнул там же, где и стоял, но не могу поручиться за это в точности, сами понимаете. Взамен логичных и самокритичных мыслей пришли сны. Цветные, эмоциональные и насыщенные, как после прочтения длинной, но очень интересной книги...

Запомнилось не всё, но один момент был особенно ярким. Я вёл своих младших сестёр по узкой тропинке к морю. Близняшки, спускаясь с горы вниз, смеялись и на ходу рвали какие-то синие ягоды с кустарника.

Солнце клонилось к закату, на небе ни облачка, чистое оранжево-розовое полотно от края до края. Народу на пляже почти не было, галька слегка обжигала босые ноги, но это лишь поднимало настроение. Лёгкий бриз, вода наверняка прогрелась, а из морской пены навстречу нам выходила Светлана Гребнева.

Она отжимала мокрые волосы и была целомудренно одета в цельный красный купальник. Что всё равно не скрывало совершенных линий её фигуры, и трое-четверо мужчин на полупустом пляже едва не посворачивали шеи, глядя в её сторону.

Светлана подошла к нам, потрепала за косички девочек, а потом без всякого предупреждения жадно поцеловала меня в губы. Мои сёстры захихикали, показывая друг другу язык. Мы не обращали на них внимания, Афродита целовала меня в шею, в грудь, в солнечное сплетение, в живот и...

Я проснулся. Солнце било в окно. Голова слегка побаливала после вчерашнего, но я помнил,

что мне, вообще-то, неслабо досталось. Небольшая, но заметная шишка на затылке только подтверждала нехорошие воспоминания. Меня крепко напоили и зачем-то шандарахнули по башке.

Однако рана на плече оказалась стянута новой аккуратной повязкой, незнакомый травный запах свидетельствовал о наличии какой-то мази под бинтами. Царапина на ноге заклеена широким пластырем. Неожиданно, но приятно.

– Похоже, обо мне кто-то позаботился...

Я высунулся в коридор, скрипнула захлопывающаяся дверь в комнату Гребневой. Значит, она уже освежилась и теперь мне можно захватить душевую. В общем, примерно через полчаса мне удалось полностью собраться, морально подготовиться, настроить себя соответствующим образом и вновь выйти в коридор.

На этот раз я помнил дорогу, это близко: прямо, потом налево и второй поворот направо. Не знаю, стоит ли говорить, что короткий запомнившийся маршрут привёл меня совсем не туда. Мягко выражаясь. Так-то если честно, то уже минут через десять бесплодных блужданий я выражался отнюдь не мягко и даже не по латыни. Есть ситуации, где русский мат практически незаменим в эмоциональном выплеске чувств.

И видимо, небеса меня слышали. Потому что в сумрачном коридоре вдруг совершенно из ниоткуда появился солнечный зайчик, запрыгав у меня под ногами, убегая и возвращаясь, словно предлагая следовать за собой. Я, конечно, сначала осмотрелся по сторонам, пытаюсь понять, откуда он, собственно, тут взялся. Но ни одной дырочки в потолке, в стене или дверном проёме, откуда бы мог струиться свет, не было. А зайчик был.

Короче, я пошёл. Буквально за две-три минуты он успешно вывел меня к кабинету директора. Весело попрыгал на позолоченной дверной ручке и пропал. Я даже не успел сказать ему спасибо. Ну ладно, очень надеюсь, что мы ещё встретимся.

Постучать я не успел, дверь раскрылась сама.

– Александр, дорогой мой, – Феоктист Эдуардович привстал из-за рабочего стола, приветливо протягивая мне руку. – Заходите же, мы вас ждём!

Кроме него в кабинете оказалась Мила. У её ног так же лежали два добермана, любопытствующе поводя острыми ушками. Видимо, на лице моём слишком явно мелькнула растерянность, потому что девушка неожиданно прыснула со смеху:

– Да не бойтесь вы уже, я не всегда такая жуткая зануда, как может показаться! И умею разговаривать не только гекзамером, уж поверьте. Мои ангелочки тоже чрезвычайно милы, вы посмотрите, посмотрите на них... Это же пуськи и няшки!

Я обменялся коротким взглядом с доберманами. Они улыбнулись мне во всю пасть, полную адских зубов, искренне недоумевая, зачем их так обозвала хозяйка? Положа руку на сердце,

один укус этих ангелочков – и ты в раю...

– А ведь он ни слова не сказал о вашем вчерашнем... м-м... недопонимании. Грин, может, и не столь красноречив, но его дела говорят за него! Думается, что это повод?

– Феоктист, ещё только утро, – укоризненно вздохнула девушка, закатывая глаза, но её брат многозначительно поставил на стол запотевшую бутылку шампанского. – «Севастопольский бриз», красное полусладкое?! Ну, тут надо быть полной дурой, чтобы отказаться...

Я был готов признать себя дураком, потому что отказался. Сколько можно! Тут уж либо работа, либо печень в банке с синькой. Но мне всё равно налили, и после первого же глотка я забыл, зачем вообще сюда шёл! Это было нечто...

– Александр, пока не забыл, вот, – директор протянул мне запечатанный конверт без адресата. – Ваша банковская карта «Мир», со Сбером до сих пор, увы, бывают проблемы. Аванс и премия уже зачислены. То есть там порядка трёхсот семидесяти тысяч в рублях.

Я не задумываясь отхлебнул ещё, потому что по договору вся зарплата была в двадцать пять тысяч. Музейных работников, исключая руководство Эрмитажа, вряд ли можно назвать богатыми людьми. Духовно – да, но не материально, и если здесь такие премии, то за это место нужно держаться зубами.

– Мы стараемся не терять ценные кадры, – значимо подмигнула Мила Эдуардовна. – Мой брат ещё не говорил вам о новом задании?

Я отрицательно помотал головой, до сих пор не в силах осознать упавшие на мой счёт суммы. Половину нужно отправить родителям, мне всё равно здесь негде особенно тратить. И какие-нибудь местные вкусняшки надо прикупить для сестёр. Спрошу у Денисыча, он наверняка всё здесь знает, посоветует, где что взять. Так что там насчёт нового задания?

– Александр, я не в курсе, следите ли вы за международной обстановкой, но, уверен, есть вещи, о которых слышал любой. Я имею в виду выставку скифского золота из музеев Крыма, которая до сих пор находится в Голландии, в известном музее Алларда Пирсона, и по поводу её возвращения ведутся международные судебные дебаты.

Мне пришлось кивнуть и отхлебнуть ещё. Не то чтобы я был в курсе всех тонкостей, но об этой нашумевшей истории, конечно, слышал.

– Лично мы стоим на стороне правды, то есть если золото скифов взяли в Крыму, то в Крым оно и должно быть возвращено! Но на Западе сочли, поскольку разрешение на вывоз подписывало государство Украина, то именно ей как государству и должно быть возвращено музейное имущество. Что же нам остаётся?

Я протянул пустой бокал. Феоктист Эдуардович наполнил его, последовательно добавив себе и своей сестрице. «Севастопольский бриз» сделал своё красное полусладкое дело, и, кажется, сейчас меня можно было подписать практически на всё. Тем более что вопрос

касаясь патриотической линии, а мои родители воспитывали нас в духе любви и верности к нашей обширной родине.

После третьего бокала шипучего вина на голодный желудок мне уже не так легко удавалось сфокусироваться на словах начальства.

– Вроде бы всё просто: откуда взяли, туда и вернули! Но ведь нет... По-ли-ти-ка! А мы, коренные крымчане, только страдаем от этого международного дебилизма. Александр, вы как хотите, но наш «Херсонес» далее не намерен терпеть этого западного самодовольства!

– Что нужно с-сделать? – послушно спросил я, пока сестра директора выливала в мой бокал остатки шипучего вина. По ходу, кажется, почти всё пришлось выпить мне: шампанское в их фужерах стояло почти нетронутым. Ох, ну вот как они это проворачивают?

– Вернуть!

– В смысле? Всё п-правительсто России, всё министерство международных отношений, Лавров и его команда не смогли вернуть скифское золото, а м-мы...

– А мы его просто украдём! – Мила грозно сверкнула глазами и хлопнула ладонью по столу, так что все три бокала подпрыгнули, а пустая бутылка резко бросилась горлышком вниз, прячась под столом, дабы не нарушать устоявшейся русской традиции времён наполеоновских войн: пустой таре на столе не место!

Всё, что было дальше, я помню неточно и смутно. Обрато через коридор меня сопровождали два кобеля с женскими именами Пуська и Няшка, но более добрых, милых и замечательных собачек я не встречал никогда!

Каким-то чудом, разведя руки в стороны и покачиваясь, как баркас Айвазовского, мне удалось выбраться в сад. Я трижды окунул голову в фонтан, ледяная вода реально отрезвляла. Завтрака на столе не было, никого из наших в саду тоже. Доберманы исчезли, хотя их языки на своей щеке я очень хорошо помнил.

Со второго раза у меня получилось сесть на мраморную скамью, уставившись взглядом в небеса, и задуматься, а так ли была неправа Мила?

Ну, просто если кто-то на время возьмёт мою вещь с моего же разрешения, а потом, решив, что я недостойный владелец, передарит её другому, то я буду крайне недоволен. Где взял, туда и верни. Все эти странные политические игры не могут иметь ничего общего с порядочностью и честностью. В политике же всё решает сиюминутная целесообразность.

Но, с другой стороны, культура и спорт всегда были вне подобных игр. Хотя нет, простите, спорт подмяли уже лет десять как. Музейное братство ещё держалось, но вот начинает сыпаться и оно. Почему?

Допустим, Эрмитаж или Третьяковка как музеи были доступны в правление Российской империи, также в годы советской власти, ну и далее – в наши дни современной России.

Другим странам не пришло в голову расхватать коллекции зарубежного искусства на основании того, что власть сменилась.

Россия также не требовала вернуть из Киевского музея полотна Врубеля, Куинджи и Васнецова только на основании того, что республика стала страной, а это русские художники. Так почему, получив золото скифов из Крыма, где оно было найдено и атрибутировано, его намерены переправить на Банковую, где скифы и не ночевали ни разу?!

Это несправедливо. Но есть ли у нас хоть какая-то возможность исправить это честным путём? Переговорами, судами, апелляциями, воззванием к международным законам и здравому смыслу? Вопрос риторический, ответ короткий – нет. Хотя, как говорили римские философы, *Salus reipublicae – suprema lex*[15].

– Привет, бро, да ты в печали? – У фонтана нарисовался улыбающийся Диня. – Судя по остаточному аромату, ты уже неслабо принял на грудь, и без меня? Обидно, однако...

– Присаживайся, – я подвинулся на скамье, и он плюхнулся рядом.

– Где пил-то?

– Директор угощал, в честь премии. Хотя вроде как я шёл туда с другими целями, но ладно. Короче, ты не в курсе нашего нового задания?

– Не, бро. Но ты давай детализируй и жги, чо они там с Милой Эдуардовной задумали? Да не делай такое лицо! – Он быстро откупорил амфору, отхлёбывая прямо из горла, и протянул мне. Я отрицательно помотал головой. – Как хочешь. Эх, Саня, Саня... Да каждый раз, когда эта стерлядь с двумя злобными пёселями тут появляется, нашего шефа просто накрывает нездоровым энтузиазмом, а мы потом расхлёбываем...

Понятно. Пока я откровенно делился с пьющим приятелем деталями недавнего разговора, наш специалист по древним языкам только хмыкал, хихикал и прикладывался к вину всё чаще. Из дверного проёма вышел старик Церберидзе с большущим подносом в руках. Он начал накрывать стол к завтраку, я стал ему помогать, столкнувшись с удивлённым взглядом старика и явным недоумением Денисыча:

– Зема, мы тут сотрудники, а не обслуга. У каждого свои обязанности. Разок поможешь – тебя каждый раз припахивать будут.

Я даже не стал отвечать. Зато когда всё было расставлено, горбун благодарно потёрся о мою руку головой. Седые волосы его были жёсткими, как металлическая щётка в слесарной, на моём запястье осталось несколько мелких царапин, но обращать на это внимание было как-то неудобно, что ли...

Буквально через пару минут вышел Герман. Не знаю уж, что за мазь дала ему сестра нашего Феоктиста Эдуардовича, но на нём больше не было ни одного бинта, а три самые глубокие раны просто прикрыты обычным пластырем. Лицо ещё, конечно, бледное, но общий вид

вполне себе бодрячком.

– Рад видеть вас, друзья мои! – он уселся за стол напротив нас, но ни к чему не прикоснулся.
– Как я понимаю, на этот раз мы ждём только нашу Афродиту?

Ну да, начинать завтрак неполным составом было бы невежливо, а единственная дама в нашем мужском коллективе деликатно запаздывала. Завтрак, конечно, не остыл бы – остывать нечему, – кроме разве что кофе. Который, кстати, сегодня подали в первый раз.

– На полуостров его завезли турки, – неодобрительно качая головой, сказал Герман. – Я никогда не понимал вкус этого напитка.

– С винишком плохо сочетается, двойная нагрузка на печень и сердце, – подтвердил наш полиглот. – И Светка кофе не пьёт, говорит, типа он чернит зубки.

Я же не мог ответить ни слова, наслаждаясь изумительным ароматом, идущим из носика кофейника. За все дни, которые я провёл на новой работе, на стол не ставились горячие напитки. Странно, но здесь как будто бы не пили ни чай, ни кофе, ни какао. Вода и вино, кажется, один раз был компот или морс. Или вообще не было?

Гребнева подтянулась минут через пятнадцать, когда мне удалось ввести в курс дела уже и Земнова. Нежная красавица с железным характером присела к нам, улыбаясь столь обворожительно, что, естественно, пришлось пересказывать ту же утреннюю историю уже в третий раз. Что, в принципе, не так уж и трудно.

Если Диня был уже на кураже, Герман полон энтузиазма и веры в правоту справедливости, то Светлана оказалась совершенно равнодушной к затее директора. Она отщипывала маленькие кусочки белого хлеба, заедала его оливками и виноградом, но категорически отказалась принять участие в обсуждении такой важной темы.

Мы же, трое мужчин, единогласно и единодушно пришли к решению о том, что крымское золото должно быть возвращено на его историческую родину! Каким образом всё это воплотить в реальность – вопрос другой, и отыскать на него мгновенный ответ вряд ли предоставляется возможным.

– Но, как говорили древние, *Vivere est militare!*[16]

– Звучит как тост, – тут же вскинулся наш знаток всех языков, но пить ему сегодня пришлось в одиночестве. Поддержать хотя бы на один бокальчик отказались все.

Я вдруг поймал себя на мысли о том, что, невзирая на все бравурные речи и могучий русский патриотизм, дело, с которым нам предстоит разобраться, относится к популярной серии фильмов «Миссия невыполнима». Да и вообще, о чём тут можно рассуждать всерьёз? Ну не об ограблении же суверенного европейского государства, правда?!

В конце концов, мы все тут музейные работники, узкие специалисты, но никак не опытная группа международных воров антиквариата. Нас гарантированно ждёт арест, суд и тюрьма.

Почему-то мне кажется, это совсем не то, ради чего я устраивался на новую работу, да? Разумеется! Но всё-таки на какой-то момент мне вдруг показалось, что я, собственно, и не жил до того дня, как меня приняли в частный выставочный комплекс музея «Херсонес»...

– Слушай, а так вообще можно?

– Ты про вчера, когда я предложил тебе попробовать в новой позе?

– Тоже мне новая, ты всё равно не дотягиваешься, но я не про это.

– Я дотягиваюсь, смотри...

– А-а-а... Убери руку!

– Что не так?

– Я хочу знать, кто им разрешит лететь в Голландию и обворовывать музеи?! Это же преступление. Международный скандал! Куда смотрит полиция? Почему молчит совет Европы?

– Милая, ты сама хотела, чтобы игра продолжалась. Я просто слегка их подтолкнул, кое-где нажал, кое-что сдвинул – и вот...

– А-а-а... Убери руку!

– Убрал.

– Как ты это делаешь, извращенец? Хочу ещё...

...После завтрака сторож сумрачно сообщил, что Феокист Эдуардович ждёт нас с Земновым. Денисыч и Гребнева могут заняться своими прямыми обязанностями по экспозиции музея. В частности, нужно исследовать тот самый золотой меч тавров, на чьей рукояти ещё тогда мы обнаружили гравированные надписи на непонятном языке.

Кроме того, оказывается, сегодня прислали вёрстку статьи для британского журнала BBC History, автором которой была как раз таки наша специалистка по греческим вазам, а поскольку сама статья была переведена на английский именно Денисычем, то его участие также требовалось и в этом вопросе.

Мы же направились в кабинет начальства. По пути я спросил у Земнова, что он рекомендует посмотреть в городе. Он развёл руками, но я настаивал.

Премию мне выдали, так что можно было бы всей компанией посидеть где-нибудь в хорошем приморском ресторанчике. Севастополь сам по себе легендарное место, уникальная бухта, куча архитектурных и исторических памятников, фруктовый рынок, набережная, история Крымской войны и героев Великой Отечественной. Скучно же, наверное, всё время торчать в музее?

– Вечером, после работы, пошли все?

Великан смущённо вздохнул и вновь отрицательно помотал головой.

По его словам, я-то как раз могу прогуляться, никаких запретов на это нет, но вот составить мне компанию тоже никто спешить не станет. Гребневу пытались несколько раз чуть ли не похитить – на яхту, в сауну, в горы на шашлычки и всё такое. Но самое главное, что она-то как раз не против, вот только любое подобное мероприятие заканчивается, ещё не начавшись, потому что горячие южные мужчины бьются в кровь за одну её улыбку...

Диня теряет тормоза, и его вечно приходится вытаскивать пьянучим из местного отделения полиции. В последний раз он споил московского генерала ФСБ, они устроили безобразные пляски голышом в детском парке, их задержали, а поскольку на тот момент китель и фуражка были на нашем специалисте по древним языкам, его-то выпустили, а когда всё разъяснилось, чуть не посадили за присвоение чужой формы.

Сам Герман ни разу не был героем криминальных сводок, несмотря на своё телосложение и рост, ни в чём предосудительном не участвовал, но выходить в город всё равно не любил. Как я понимаю, он почему-то стеснялся людей. Так называемый синдром дефицита внимания. Ему было проще одному, когда не нужно ничего объяснять, ни перед кем оправдываться, ни у кого ничего спрашивать.

В общем, я всё про всех выслушал, проникся, поверил, но отвечать за чужие комплексы не собирался. Мне было интересно посмотреть Севастополь, и глупо не пользоваться возможностями, когда они есть.

Директор с ходу подтвердил, что да, разумеется, само собой, естественно, а как же иначе. «Вы, молодой человек, непременно должны знать город, где находится наш музей! Идите хоть сейчас, но возвращайтесь до полуночи. Потом все будут спать, и даже бдительный старик Церберидзе уже может не открыть двери».

– Теперь по делу, – Феоктист Эдуардович, пощёлкал клавишами ноутбука и развернул к нам экран. – Вот эта папка. Как видите, здесь подробная опись, цифровые фотографии, точный вес и ценность каждого предмета, что находятся сейчас в Амстердаме. Конечно, скифы не всегда дружили с греками, но тем не менее это не повод воровать из нашего общего Крыма их национальные сокровища, – он поправил тёмные очки, хмыкнул и продолжил: – А вот в этой папке – всё о том месте, где они хранятся. Часть коллекции, взятой из Киева, уже вернули на Украину, часть до сих пор выставлена на музейное обозрение, часть скрыта в подвальных запасниках. Разумеется, всё на сигнализации, система охраны почти совершенна. Признаем, что и полиция Голландии тоже не зря ест свой хлеб. Вопросы?

– Сколько у нас времени? – спросил Герман.

– Очень немного. Фактически завтра буду ждать от вас подробный план действий. Моя сестра обеспечит вас всеми необходимыми документами, ваше присутствие ни у кого не вызовет никаких подозрений. Чем меньше времени вы затратите, тем выше шансы. Грин,

напомните, в вашем резюме вроде было указано знание английского?

– Да, не идеально, но говорить и читать могу.

– Отлично. Не держу более ни минуты. Вы ещё что-то хотите спросить, Александр?
Александр, ау?!

Вот тут я не сразу понял, что обращаются ко мне. Потому что в голове что-то перемкнуло, и острые иглы стали покалывать виски. Мне ведь не послышалось, что он сказал «завтра»?

То есть мало того, что мы идём на преступление века, так это ещё и в сжатые сроки, стахановскими темпами? Как можно предоставить поэтапный план ограбления музея искусств в центре Европы, в столице Голландии, в ярком Амстердаме, городе мельниц, тюльпанов, наркотиков и красных фонарей, уже завтра? Бред какой-то...

– Мы пойдём, – слегка толкнув меня плечом, встал знаток мрамора и металла. – А ноутбук можно взять с собой?

Директор кивнул ему и улыбнулся:

– Грин, не заморачивайтесь. Мы тут и не такие операции проваливали. Выйдете в город, развейтесь, отдохните. Я могу вас попросить прикупить пару пакетиков сухариков со вкусом испанских колбасок? Наш Сосо их просто обожает, сделайте приятное старику.

Я вспомнил, что раньше меня об этом же предупреждал и Земнов. Надо не забыть. В общем, мы покинули кабинет начальства как раз в тот момент, когда меня решительно потянуло на выяснение тысячи вопросов по предстоящему заданию. Великан проводил меня до моей комнаты, сказал, что ему надо обмозговать всё одному, но вечером после ужина он представит черновой план к обсуждению. Я просто махнул на всё рукой. Пусть. Не хочу даже думать обо всём этом...

Поскольку времени было вагон и маленькая тележка, я ещё около часа просидел за рисованием. Быки получились почти сразу, но сцена драки со жрецами не давалась долго. Наверное, просто потому, что я их не так хорошо рассмотрел. Трудно любоваться тем, кто изо всех сил старается тебя убить, а эти жилистые парни прилагали все усилия.

Потом я ещё сделал набросок Гребневой в купальнике, как она показывает средний палец спешащим к ней катеркам со жгучими горцами в облепляющих красных плавках. Вроде похоже, хотя выражение лица мне передать не удалось. Оно у неё было не то чтобы недовольное или брезгливое, скорее скупающее. Скуку рисовать трудно.

Где-то к часу дня, отправив рисунки сёстрам, я рискнул-таки попробовать и пригласить ребят прогуляться. Диня был у Светланы, выходить они наотрез отказались оба. Девушка продолжала работу над коррекцией своей статьи и без знатока языков обойтись никак не могла. Я пожелал им удачи и уже уходил по коридору, когда наш общий друг сделал попытку удрать со мной, но изящная белая рука поймала его за воротник и едва ли не с матом втянула

обратно.

От ворот я вызвал такси. На этот раз коридоры решили не путать меня лабиринтами, а позволили выйти из здания. Пока ждал машину, ещё раз обратил внимание на сам дом. Два этажа, белые дорические колонны, красная крыша, сад за оградой, буйство зелени, но в целом ничего особенного. Каким же образом там внутри всё размещалось?

Спальные комнаты, душевые и туалеты, кабинеты, переходы, камеры, музейные хранилища, экспозиционные залы, запасники, а ещё где-то и кухня. Кстати, ведь саму экспозицию-то я до сих пор и не видел. Ладно, попрошу показать вечером.

Или завтра, до того как Герман предоставит пошаговый план ограбления Амстердама. Водитель, молодой рыжий парень, охотно включился в разговор, подсказывая, куда ходят туристы и где можно недорого перекусить.

Что ж, должен признать: Севастополь покорила меня. История присоединения Крыма, трудовые подвиги князя Потёмкина, памятник Нахимову, героизм русского флота и простых солдат, обороняющих бастионы от массированных атак французов с англичанами, картины Айвазовского, дети в бескозырках, российский триколор, полощущийся на ветру, южное солнце и улыбки загорелых девушек наверняка пленяли каждого.

– По своей воле я не уеду отсюда никуда.

– Да, земля тут непростая, – неожиданно прозвучало в ответ.

За моей спиной стоял старик в потёртой морской форме девятнадцатого века. Белые штаны и форменка из парусины, полосатый воротник, на груди потрёпанный временем серебряный Георгиевский крест. Такие костюмированные люди часто встречаются во многих городах, одеваются сообразно эпохе или историческому событию и зарабатывают на фотографиях с прохожими.

Вечерело. Я стоял на набережной, смотрел на стелу в честь затопления адмиралом Нахимовым парусного флота, чтобы не дать линкорам противника войти в Севастопольскую бухту. Разговаривать не хотелось, но старик оказался настойчивым.

– К родне приехал, офицерик, али по службе?

– Устроился работать в музей, – я старался отвечать вежливо, но коротко.

– Хорошее дело. В морской?

– В частный, в «Херсонес».

– К грекам, стало быть, – хмыкнул он. – А чего ж, народец они не глупый, дело своё знают, разве хитры порой без меры. Жалование-то платят хоть?

Я молча кивнул, всем видом давая понять, что не настроен на поддержание разговора.

– Да ты, смотрю, в печали, твоё благородие. Поддай старому моряку рубль на водку, так я тебя выслушаю и горю помогу.

Классика курортного разводилова, как вы поняли. Но на тот момент в голове моей всё было переполнено эмоциями и впечатлениями, поэтому я безоговорочно достал «пятихатку» (меньше просто не было) и вручил старику. Он обомлел, перекрестился и попытался поцеловать мне руку.

Этого я, разумеется, позволить не мог, но почему-то вдруг рассказал пожилому вымогателю всё. И о нашем грядущем ограблении Голландии, и о планах директора, и об энтузиазме своих товарищей, и о собственных сомнениях, и...

– А вот тут бросай якорь, офицерик, – неожиданно оборвал меня старый матрос. – Ты что ж, за золото русское пострадать боишься? Позволишь нешто, чтоб ворьё ихнее верх взяло? Так вот я тебе скажу: сокровища крымские тока Крыму принадлежать и должны! Коли мы их кому по доброте и вере на время сдали, так и те всё возвернуть обязаны.

– Ой, вот только лечить меня не надо. Сам всё понимаю.

– Дак понимаешь, так иди и делай! Службу исправлять как велено надобно, иначе не человек ты русский, а не знай кто, не пришей собаке хвост! И деньжищи свои заberi!

– Эй, погодите... – слова замерли у меня в горле, потому что гневный старик просто ушёл в море. Прямо сквозь ограду набережной.

Три шага – и он растворился в набегающей волне. На мостовой остались лежать брошенные пятьсот рублей. Он побрезговал взять их у меня, и ещё никогда в жизни мне не было так стыдно. Я поднял деньги, купил на них цветы и положил на то место, с которого моряк ушёл в вечность.

Потом спросил прохожих, где тут ближайший продуктовый, взял сухари для нашего сторожа, кое-что ещё на два пакета и вызвал машину. Гулять по городу больше не хотелось. Оказывается, эту привилегию ещё нужно заслужить. А призраки моряков, сражавшихся за Севастополь в Крымской войне, здесь вполне себе можно встретить до сих пор.

После нескольких дней работы в музее меня уже мало что могло удивить или заставить искать научное обоснование. Всю обратную дорогу я ехал молча, уйдя в свои мысли и абсолютно не желая возвращаться к реальности. Хотя, с другой стороны, как можно в неё вернуться, если ты из неё и не выходил? Давайте разберёмся.

Реальность именно потому такой называется, что она здесь и сейчас, вокруг и рядом, есть и будет, а наши собственные фантазии на счёт её трактовок – это уже личное дело каждого конкретного психа. В данном случае, меня. Но я-то не псих!

Так что если мне реально довелось встретить реальное привидение в реальном времени нашего реального существования, то сколько можно тупить по этому поводу? Что было, то

было, я видел это собственными глазами, и если мне врут они, то кому ещё можно верить...

– Пришёл? – из-за ограды меня встретил заботливый взгляд горбатого сторожа.

– Это вам, – я протянул ему пакет из мини-маркета с пятью пачками сухариков. По чести говоря, там были не только со вкусом испанской колбасы, но и с беконом, с говядиной, с копчёностями и чем-то ещё.

Сосо Церберидзе обомлел, из уголка рта побежала слюна, а глаза увлажнились от чувства благодарности. В общем, несмотря на прежние недоразумения, кажется, мы с ним хорошо подружимся. Горбун, едва не повизгивая, сопровождал меня в сад, где я уже стал выкладывать пакеты с подарками для остальных: фитнес-хлебцы для Германа, знаменитые самарские конфеты для Гребневой и коктебельский коньяк для нашего пьющего друга.

Мне удалось успеть вернуться до ужина, стол ещё только накрывался усилиями того же Сосо, и как я понимаю, был достаточно плотным. Курица, баранина, свинина, три вида сыра, оливковое масло, белый хлеб, гора овощей и фруктов. Вода. Вина не было, но если с нами пропитой Денисыч, то из его бездонной сумки амфоры с греческим красным появляются буквально по щелчку пальцев. Короче, не пропадём.

Пока ждал наших, успел прочитать сообщения от сестрёнок в ватсапе:

«А в твоём Крымушке круть! Хотим к тебе! У тебя хайпово! Релаксатор по полной, неть? Мы тебя любим. Дома всё норм. Аря-ря-я!;)))»

Ну, это в их репертуаре. Минимум текста, максимум информации. Близняшки вообще своеобразно выражаются. А минутой спустя к столу резко вышли наши сотрудники, и я огрёб от каждого. Хотя сначала всё было хорошо, даже замечательно.

Светлана при подарке разразилась счастливым визгом, повисла у меня на шее и расцеловала в обе щёки. Здоровяк страшно смутился: ему ничего никогда не дарят, и он чуть ли не пытался вернуть мне деньги. Диня так просто обомлел: обычно он всех спаивает, а тут вдруг его. Потом они заглянули в свои пакеты, и... медный таз накрыл поляну!

Поясняю. Оказывается, Герман фанат не только здорового образа жизни, но ещё и честной еды. То есть хлеб из пенопласта он не ел, не ест и есть не будет, ибо это противоречит природе вещей. А вот обычный белый трескает запросто, особенно если с творогом, маслом или мёдом. Типа так.

Светлана Гребнева категорически отмела конфеты, она не приемлет ничего сладкого, поскольку бережёт фигуру. Истерик не закатывала, а просто щедрой рукой угостила всех, не попробовав ни одной, даже чисто для приличия. Даже просто для того, чтобы порадовать меня.

А наш Денисыч, этот эстет в мятой тунике, чёрной футболке и сандалиях до колен, совершенно не пьёт коньяк. Как не заливает в себя пиво, водку, бренди, портвейн, саке,

виски, самогон и так далее. Только вино! Греческое и красное! И он меня предупреждал!

Короче, с подарками сослуживцам я влетел по полной...

Нет, на меня никто не обиделся, прямо наоборот, но осадочек остался. После ужина наш специалист по древним скульптурам из мрамора и бронзы выложил на стол несколько листов бумаги, распечатанных на принтере. Подробнейший план того самого здания музея в Амстердаме, где хранилось наше (!) скифское золото.

Сомнений в том, что мне предстоит его вернуть, не было ни на йоту: старый моряк действительно помог, в две минуты вправив мне мозги. Оказывается, есть вопросы, которые решаются очень просто – одним ударом македонского клинка по сложносоставному узлу в городе Гордий. И если Гребнева по-прежнему придерживалась нейтралитета, то Герман и Денисич на мою историю отреагировали очень эмоционально:

– Саня, да ты красавчик! Встретить старого моряка с бастиона – большая редкость. Это, считай, как благословение получить!

– Он прав, друг мой. Даже я ни разу не видел старого моряка, хотя о нём знает весь Севастополь. Невероятно, что тебе довелось встретить его. Это к удаче.

– Которая нам всем очень не мешает, если вы не возьмётесь за дело, – раздражённо вмешалась девушка. – Я не верю в ваши сказки и чудеса, я сама чудо! Поэтому давайте уже не будем тянуть кота за мошонку, а просто займёмся делом?

Мы все трое посмотрели на неё с живым укором, как на чрезмерно строгую учительницу немецкого в кожаном боди и с хлыстом в руках. Она всё поняла без слов, обозвала нас извращенцами и зарылась с головой в бумаги, принесённые Германом. Судя по тому, как резко она откладывала в сторону нужные и комкала, отбрасывая за спину, то, что считала лишним, Гребнева отнюдь не была дурочкой и умела работать с материалом.

– Всё, теперь я могу выслушать ваше мнение, мальчики!

Великан Земнов пустился что-то пространно объяснять, но уже через минуту она оборвала его на полуслове:

– Музей Пирсона в Амстердаме – одно из самых охраняемых зданий столицы. Выставка скифских реликвий под названием «Крым – золото и секреты Чёрного моря» открыта ещё в две тысячи четырнадцатом году и имела огромный успех. А в связи с грандиозным скандалом по возвращению Крыма в Россию интерес к выставке только вырос. После стольких лет судебных исков и апелляций на скифское золото наблюдается устойчивый ажиотаж. А из всего, что ты тут наворотил, ясно прослеживается только одна линия: разгромить музей, убить охрану, захватить сокровища и с боем прорваться обратно в Севастополь! Герман, мать твою земную женщину, ты совсем дурак?!

Могучий специалист по мрамору и бронзе неуверенно замялся. Возможно, не совсем, но,

пожалуй, в данном случае таки есть место для сомнений. Диня поднял руку, заступаясь за товарища:

– Светк, ну Светк, ты чо уж так-то? Не будем мы ничо громить, пройдем по-тихому в подвалы и сопрём всё, что наше! Я б так ещё и чутка ихнего прихватил неслабо, так с-скть в качестве комп-нсации за моральный ущерб. А чего? Тут уже весь Крым нервничает, чо они золото наше зажали-и...

– Эмоции приняты. А по делу?

– Ну чо эт... да! Мила, которая Эдуардовна, не может нас прям... в эти... в запасники запузырить? А там Саня... как начнёт пальцы веером тыкать: эт настоящее, эт нет, фуфло, подделка липовая из Подберёзовки!

Я молча кивнул – чисто из соображений мужского братства. Светлана Гребнева страдальчески вдохнула носом, закатывая глаза и вздымая грудь, как все настоящие женщины, поправила выбившуюся золотую прядку и подчёркнуто медленно протянула:

– Хорошо, дорогие мои. Кто будет договариваться с Милой?

Взгляды трёх моих сослуживцев привычным (уже!) образом сошлись на мне. Типа раз я с директорской сестрицей пил «Севастопольский бриз» в его кабинете, значит, мне и все карты в руки, с козырями, флеш-роялями и прочими плюшками.

– Но, в сущности, почему бы и не мне? – сам себе удивился я.

Кажется, вслух, но может и нет. Не уверен, потому что наши сразу закивали, как будто я заранее на всё согласился и всё всем подтвердил. Если задуматься всерьёз, то мне по факту не очень было понятно, как я должен договариваться с Феоктистом Эдуардовичем об участии его сестры во всём этом деле.

Ну, если вспомнить, то лично она ничего мне не обещала, а сам директор упомянул лишь только необходимые документы. Значит, в Голландию нам приготовят заграничные паспорта, а уже там, на месте, мы будем выкручиваться сами. Стоп!

Почему тогда Диня так уверен, что нас доставят сразу в подвалы запасников? Он знает что-то, чего не знаю я? Глупый вопрос. Они все знают больше, чем я, по-любому. Такое бывает. Почему?

– Потому что, – почти хором начали все трое, – мы тут давно работаем, а ты четвёртый день. Или пятый, без разницы. Да хоть шестой, кто их считает? Какое вообще значение имеют дни перед вечностью?!

У меня не было ответа. Поэтому Гребнева вновь взяла бразды правления в свои нежные ручки и популярно объяснила всем, что без подробного плана запасников, где хранятся сокровища скифов, она и шагу из музея не сделает. И никто не сказал и слова против.

– Хорошо, – согласился я, хотя моё мнение было проигнорировано ещё до того, как я вообще его озвучил. – Нет проблем, ребята. Естественно, я с вами. Милу беру на себя!

Мне благодарно кивнул лишь наш честный здоровяк, остальные никак не прореагировали от слова «абсолютно». Дальнейшее обсуждение шло по следующему плану:

- 1) я договариваюсь с сестрой директора о доставке нашей группы в определённое место в подвалах музея Пирсона;
- 2) Гребнева занимается нейтрализацией охраны, у неё свои методы;
- 3) Земнов разгребает то, что осталось жизнеспособно после встречи с чарами Светланы;
- 4) Денисыч прикрывает и её, и его (всех поит, сам трезв!);
- 5) я определяю, какие сокровища являются истинными, а на каких нас пытаются надуть. Хотя тот же Герман разбирается в металлах или мраморе лучше меня...

Ну, типа примерный план таков. Летим в Голландию, идём в музей Пирсона, влезаем в запасники, тащим всё, что наше. Не слушаем намёки Денисыча! Вообще его не слушаем, он вечно всех толкает на что-нибудь противоправное. Для него это хайп, для всех остальных – сплошные проблемы, в чём я убедился через несколько часов...

– Тебе удалось договориться?

– Естественно, при наших возможностях это не было слишком сложно. Тем более что там легализованы ряд наркотиков.

– Я имела успех?

– Они в шоке от твоих голых фото! Мне пришлось долго выбирать самые непристойные. Но у нас уже есть предложения на свинг.

– У меня.

– Нет, именно у нас.

– Но потом мы можем их убить?

– Потом они будут умолять нас об этом!

– Только недолго.

– Ты не любишь, когда тебя умоляют?

– Еда не должна умолять, пусть заткнётся...

...В общем, после принятия совместного решения мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись. Надутый знаток всех языков показал нам язык и остался сидеть за столом, благо амфоры в его чудесной сумке не заканчивались. Подозреваю, что у него там какой-нибудь тайный карман, создающий иллюзию бездонности. Ну, или бутылки там сами собой волшебным образом клонируются.

Поскольку впечатлений за этот день я нахватался на половину жизни, то на кровать практически упал, уснув ещё до того, как подушка коварно ударила меня по голове, мигом отправляя в царство древнегреческого бога Морфея. А этот бог, как известно, шутить не любит, зато обожает придумывать волшебные истории, позволяя своим гостям прожить тысячи самых разнообразных приключений во сне...

– Саня, зема, бро, вставай, короче!

Никогда ещё меня не будили столь бесцеремонно. Быть может, в последний раз во время службы на флоте. И если это тот, о ком я подумал в первую очередь, поднимаясь уже с пола (хорошо, если не со сломанным носом), то я его убью. Надо так ему и сказать в лицо:

– Диня, я тебя убью...

– Ой, боюсь, боюсь! Я тя умоляю... там ф-ф саду Милка, а т-ты с ней догова-во-вори-риться обещал. Было такое? Было. Фсё! Я те помог, разбудил, а т-ты ругаешь-сь-вся, некрасива-а...

– Что она делает в саду? – мрачно проворчал я, понимаясь с пола и натягивая джинсовые шорты.

Как объяснил мой нетрезвый приятель, уютно укладываясь на мою же кровать, в дальнем углу сада есть мишень, и сестра директора практикуется там в стрельбе из лука. Естественно, когда все спят, чтобы никому не мешать и чтобы её никто не беспокоил.

– Но зачем тогда я её буду беспокоить?

– Так она фсё, отстр-лялась. А утром м-жет уехать.

– Всё равно это как-то неправильно...

В ответ раздался нежный храп с руладами и переливами. Добиться от Денисыча ещё хоть слова уже никак не представлялось возможным. Я надел футболку, натянул шорты, кое-как пригладил волосы, набрался решимости и пошёл в сад. Благо двери в коридоре были открыты, воздух чист и свеж, а свет полной луны заливал дорожку матовым серебром. Заблудиться не получится по-любому. Но, как оказалось, уф-ф...

В саду, на первый взгляд, не было никого. Тут вдруг явственно раздался визг тетивы и звон вошедшей в мишень стрелы. Я обернулся на звук. К мраморному фонтану вышла Мила Эдуардовна, в руках у неё был большой лук, за спиной пустой колчан, а платье на спине совершенно мокрое от пота. Два верных добермана при виде меня распахнули пасти и замерли, как обалдевшие фарфоровые статуэтки.

Девушка меж тем, не замечая меня в упор, сняла платье через голову и шагнула в фонтан. Автоматически я отметил, что фигура у неё тоже великолепна, хоть и чуть шире в плечах по отношению к бёдрам, если сравнивать с той же Гребневой. Грудь тоже на два размера меньше, и кубики пресса на животе, но в целом весьма так вполне себе впечатляюще. Она успела окунуться дважды, прежде чем вдруг поняла: в саду что-то не так.

Не что-то, а кто-то. Конкретней – я. Упс...

От визга у меня заложило уши! Потом пошёл рёв гневного гексаметра:

– О, извращенец! Вновь посмевающий невинной девы наготу облапать взглядом, так готовься к наказанию! Ибо никто не смеет видеть меня голой, плескающей на девственную грудь прохладу водных струй! И лоно омывая, я не позволю пошлому мужчине смотреть на это чудо, когда слюну пускает он в траву и вожделеет жадно...

– Прошу прощенья! Я ничего не видел! Это... как бы... лунатизм! Хожу себе, хожу...

Мила не задумываясь вышла из фонтана, представ передо мной во всей обнажённой красе, схватила лук и... резко поняла, что стрел-то в колчане нет. Я облёгченно выдохнул, пятясь назад, но тут она вспомнила о доберманах. Короткий свист, псы мгновенно подобрались, прижали острые уши, оскалили клыки и напружинили стальные лапы.

– Вперёд, мои защитники и слуги! Лишь только голову его мне принесите, я посмотреть в глаза его бесстыжие хочу, а тело ваше. Голодны, так ешьте... Кусь его!

...Кажется, так быстро я не бегал ещё никогда. Пролетел половину коридора, прежде чем понял, что мог бы спрятаться в своей комнате. Или постучать в двери к остальным, крича о помощи. Но поздно, нарастающий рык за спиной глушил все разумные мысли, кроме желания бежать отсюда сломя голову.

На короткой дистанции с неожиданными поворотами у двуногого всегда есть преимущество перед четвероногими в манёвренности: мне было легче сворачивать за угол, а собаки практически пролетали мимо, скребя когтями по полу и недовольно ворча.

Но, с другой стороны, у них лучше дыхалка и больше энтузиазм, хотя спасение собственной жизни тоже неслабая мотивация, рано или поздно они бы меня загнали, как оленя в лесу. А потом я зацепился за что-то подолом футболки и упал...

Доберманы тут же встали, огляделись, самодовольно хмыкнули и пошли ко мне угрожающе неторопливо, с расстановочкой, словно бы не спеша портить себе удовольствие. Я встал на ноги, прижимаясь спиной к какой-то двери. Рука нащупала выдающуюся деталь металлической петли или засова – за него, видимо, я и зацепился. Грозные пуськи неумолимо приближались, роняя слюну на пол, и времени на размышления у меня больше не было. Я рванул засов, распахивая дверь в темноту...

В лицо ударил такой густой запах навоза и прелой соломы, что я невольно зажмурил глаза, задерживая дыхание. Было страшно сделать вдох. Доберманы рядом плюхнулись на задницу, недоумённо переглянулись и, вскинув оранжевые брови, дружно уставились на меня. Круглые глаза их были полны искренней укоризны: типа ты чего, дяденька, мы ведь так хорошо играли в догонялки? Печалька...

– М-м-м, – могучим оперным басом промычало нечто из тёмной комнаты, раздался тяжёлый стук копыт, и стальные рога царапнули каменный пол.

Доберманы в испуге обняли друг дружку, а я уже тащил их за ошейники с криком:

– Валим отсюда, парни-и! Аря-ря-я!

Ох, как же мы бежали в ту ночь...

Коридоры вели куда угодно, но не в нужную сторону, за нашими спинами грохотали копыта какого-то жуткого рогатого зверя, подгонял горячий пар из его ноздрей, но это точно не был обычный бык, зубр или бизон. Положение спасли сами пёсели: когда до них дошло понимание общей опасности, уже они оба потащили меня в нужную сторону, к своей маме.

– Что происходит, мальчики? – спросила уже одетая и чуточку успокоившаяся Мила Эдуардовна, когда мы вылетели в сад и дружно занырнули в фонтан.

Громадная туша пронеслась мимо.

– Какой идиот выпустил Минотавра?!

Мы с доберманами вынырнули, и сначала все трое облегчённо выдохнули, потому что жуткая зверюга с головой и ногами быка, но телом человека, едва прикрытого чёрной набедренной повязкой, преспокойно жрала траву в углу сада, как самая обычная корова. А потом под строгим взглядом хозяйки оба остроухих предателя указали на меня лапками.

– Я не хотел, это случайно получилось. Простите...

В сад ворвался здоровяк Земнов в красных трусах до колен и с какой-то первобытной дубиной в руках, за ним вышла заспанная Светлана в прозрачной ночнушке, а откуда-то из дальнего угла сада сюда же спешил горбун Церберидзе. Ночь пополнялась новыми участниками, становясь всё веселее. Меня буквально заклевали со всех сторон:

– Александр, вы сегодня в ударе! Выпустить Минотавра? Я бы спросила, не дебил ли вы, но, боюсь, это уже вопрос риторический.

– Друг мой, твой поступок весьма странен. Никто никого не держит взаперти без важной на то причины. А если ты хотел совершить подвиг, то мог бы дождаться и меня...

– Зачем? Нельзя! Опасно!

– Так, дорогие мои, – возвысила голос сестра директора. – Думаю, всем нам нужно успокоиться, выпить вина и на трезвую голову разобраться во всём, что тут произошло. Прошу всех за стол. Кто ответственный за вино?

– Денисыч, – я выплюнул струйку воды и встал. – Собственно, с него всё и началось...

...Минотавра увёл наш сторож, его тут безропотно слушались все. Тот факт, что я нарвался на голую Милу, ни у кого удивления не вызвал, как и её реакция на меня. Никому не нравится, когда на тебя пялятся в процессе купания, а плавки или отдельные купальники в Крыму не в чести. Это исключительно моя проблема. Вспомнить хоть поэта и художника Максимилиана Волошина, официально провозгласившего пляжный нудизм в Коктебеле.

С двумя доберманами после всего пережитого мы вообще стали закадычными друзьями.

По поводу самого получеловека-полубыка сестра директора всё объяснила сразу, чтоб я не строил себе фантазий. Хотя и мог бы.

В общем, это больной человек, у него шизофрения, он считает себя легендарным Минотавром, поэтому носит ужасную маску в виде бычьей головы с рогами. И копыт у него нет, просто тяжёлые ботинки с металлическими подковками. Лечить его трудно, но старик Сосо справляется. Так же, как и уже знакомый мне маньяк Полипенко, он содержится в одиночной палате, при контакте опасен, но так или иначе управляем. Вот и всё.

– Что-то ещё, Александр?

Поскольку в данный момент на моих коленях сидела пригревшаяся Светлана в тончайшем газе с кружевами, любые уточняющие вопросы каким-то чудесным образом вылетели из моей головы. Вернувшийся к этому моменту Герман сказал, что Диню нигде найти не удалось, но вот его сумка лежала в моей комнате под кроватью. Так что три амфоры у нас есть.

– Довольно и одной, – строго пресекла сестра директора, вновь вспоминая, кто тут главный.

– Найдите четыре чаши, мне тоже надо выпить. Нервы не железные.

Посуду принёс всё тот же сторож, вино оказалось холодным и кисло-сладким, нам хватило пары глотков, чтобы уже все окончательно успокоились и расслабились. А после второго бокала мы с Милой и доберманами в лицах пересказывали хохочущим Герману и Светлане все события этой шумной ночи.

Под конец первой амфоры я практически заново открыл для себя и греческую комедию, и римскую трагедию, и театр абсурда эпохи Возрождения, и даже животный цирк дедушки Дурова, потому что старались все, а смех лечит как ничто на свете.

Кто там сказал, что собака на сцене всегда переиграет человека? Так вот, если совсем уж по совести, то два добермана всухую, судя по аплодисментам зрителей, уделали нас с их хозяйкой. Grimасы – чо происходит? Скулёж – мама, нам страшно... Подвывание – он

больше не хочет играть?! Грозный рык – поймаем и съедим! Бег на месте – нас не до-го-ня-ят. И в конце ещё раз на бис – прыжок в фонтан, так что брызгами окатило всех, и это было неподражаемо!

Я надолго запомнил эту ночь. И не в последнюю очередь потому, что именно тогда вновь почувствовал себя подлинной частью этой небольшой семьи под названием «Коллектив сотрудников частного музея “Херсонес”». Спать разошлись уже под утро.

Никем не обнаруженный Денисыч по-прежнему храпел в моей кровати, там же, где я его оставил. Мне пришлось, стянув одеяло, устроиться на полу и, как ни странно, прекрасно выспаться за оставшиеся три часа до завтрака. Это было чудесное время...

Утром все члены нашей команды встретились за завтраком.

– Друзья мои, всё готово к походу, – сразу начал Земнов, налегая на сыр, хлеб и варёные яйца. – Никакого вина! Нас встретят и помогут местные музейщики.

– Купленные или идейные? – деловито уточнила Светлана.

– Работают за деньги, не волнуйся. Делимся на две группы, ты идёшь с Грином, мы с Денисычем.

– Разве продажного человека не легче перекупить?

– Не всегда, – обернулся ко мне великан. – Наёмник может предать, но лишь раз. Более никто не даст ему работу, и он умрёт в презрении. А идея, политический взгляд, убеждения, вера могут свободно меняться у самого честного человека хоть всю жизнь. Сегодня он верит греческим богам, завтра, вступив в армию Рима, богам римским, а послезавтра станет тайным христианином. Кто его осудит?

Тоже верно, в знак согласия кивнул я. Да хоть та же моя мама в разное время была убеждённой комсомолкой, научной атеисткой, рьяной христианкой, духовной последовательницей Ошо, а сейчас с неменьшим интересом приглядывается к родноверию и знахарству. При всём при том она замечательный человек, добрейшей души, и я её люблю.

– Если больше ни у кого вопросов нет, то... – Земнов встал, за ним поднялись и мы. То есть мы с Гребневой, потому что Денисыч вдруг впал в детские обидки...

– Не, типа сам план меня не парит, но чой-то Саня пойдёт со Светкой? Сам с ней иди!

А мы с земой двинем, он – за! Слышь что, бро, а не махнуть ли нам прям щас в ихний Амстердамчик? Потусим пару часиков до операции, я те квартал красных фонарей покажу, там такие кариатиды за стеклом сидят в неглиже, что аж...

На этот раз возмутителя спокойствия призвала к порядку специалистка по красно- и чёрнофигурной росписи. Она просто подняла пустую тарелку из-под фруктов, одним ударом расколотив её в пыль о лоб Денисыча. Любитель сухого и полусухого в чёрной футболке с

хинкалями рухнул под стол, словно муха, прибитая кухонным полотенцем...

– За что вы его так?

– За попытку недобросовестной конкуренции, – лучезарно улыбнулась девушка. – Идёмте, Александр! Поверьте, ни в одном квартале каких бы ни было фонарей вы не увидите того, на что способна я.

Мы под руку прошли в коридор, где она томно шепнула мне на ухо, чтобы я переоделся и через пять минут был у неё. Дверь не будет заперта, потому что через те же пять минут ей понадобится мужчина, чтобы застегнуть лифчик. Надо ли говорить, что уже через четыре минуты я в пёстрой гавайке, синих джинсах и лёгких туфлях на итальянский манер стоял у её комнаты. Похоже, Светлана услышала стук моего сердца и сама распахнула дверь.

– Вы прекрасны, как богиня...

– Почему как?

Моя коллега ещё ни разу не выглядела более обворожительно. Она была одета в длинное белое платье из тонкой льняной ткани с открытыми плечами и умеренным декольте, талию перехватывал позолоченный пояс, такие же украшения были в ушах, на шее и на руках. На ногах – белоснежные сандалии в тон на невысоком каблуке. Волосы забраны в причёску, открывающую заднюю часть шеи, на лице никакой косметики, ей удавалось восхитительно выглядеть и без неё.

– Так мы идём? – Гребнева подхватила меня под локоть, уверенно и нежно потянув за собой.
– Ой, сумочку забыла!

Она потянулась назад, сняла с вешалки у зеркала небольшую дамскую сумочку из белой кожи с тиснением в греческом стиле, закинула её на круглое плечо, и мы вышли из двери прямо на... набережную канала, под тускнеющее вечернее солнце, стальное небо и разноязычное окружение шумного европейского города. По ходу я даже споткнулся, не наворачнувшись в канал только чудом. А вернее, моя спутница сумела меня удержать.

То, что чем красивее женщина, тем она беззащитнее, – миф. Бесстыжий, бессмысленный и бесполезный. Как я, кажется, уже говорил, невзирая на тонкую и белоснежную кожу, чуть тронутую золотом загара, и внешнюю слабость, Светлана была сильнее многих мужчин. Уж мне-то лично пришлось в этом убедиться, причём не один раз.

– Извините, – я выправился, с трудом заставляя себя не пялиться во все стороны и не орать в голос. – А мы уже в Амстердаме?

– Да, нас доставили как можно ближе к музею, – подтвердила она, заранее отвечая на все мои невысказанные вопросы. – И в этом нет никакого секрета. Кажется, Мила называет такие переходы телепортацией. Уверена, что правительства многих стран этим пользуются. Куда экономичнее и безопаснее, чем летать самолётами, организовывать охрану,

заморачивать кучу народа со всех сторон. Вы ведь не верили всерьёз, что лидеры больших стран везде мотаются общественным транспортом?

Мне не оставалось ничего, кроме как закусить губу, просто прикидывая цену такого телепорта. В том, что они давно изобретены и ими реально пользуются сильные мира сего, сомнений не было. По крайней мере, если Мила Эдуардовна может позволить себе подарить скромному частному музею подобный порт, то, видимо, он вполне себя окупает. Ну, или у неё нереальные связи даже не межгосударственного, а вселенского уровня.

– Нужно спешить, они закроются ровно через два часа.

– Остальных ждать не будем?

– Все уже здесь, но каждый присоединится в своё время. Да, вот ещё, – Светлана пристально посмотрела мне в глаза и очень тихо сказала: – Я не знаю, что вы думаете о нас, но, поверьте, мы не воры. Мы сотрудники музея «Херсонес». Хорошие или плохие, наивные, пьяные или героические, а иногда даже пустоголовые. Но мы всегда поступаем честно.

– Вы мне нравитесь.

– О, я знаю...

– Не в этом смысле. – Её губки обиженно дрогнули, и я быстро поправился: – То есть и в этом тоже. Вы мне очень нравитесь! Но я имел в виду, что мне хорошо здесь. Вы все отличные ребята, и я хотел бы остаться в ЧВК.

– Тогда не тратьте слов и ускорим шаг.

Гребнева спокойно развернулась и прошла вперёд. Интересно, она вообще поняла, что сейчас я практически признался ей в любви? Как-то обидно, наверное. Переспрошу потом при случае, уже напрямую. Хотя и так понятно, что такой роскошной женщине никак не может быть интересен провинциальный нерешительный парень под тридцатник, неброской внешности, не построивший карьеру и не имеющий богатых родителей.

Диня как-то говорил, что она предпочитает металлургов и военных в высоком чине. На этом фоне я не котировался однозначно. Светлана остановилась и недоумённо обернулась ко мне, я сдвинул брови и догнал её в четыре шага. Ладно, мы здесь по делу, личное подождёт, но *magna res est amor!*[17]

Пока поднимались по ступенькам вверх, я попробовал вспомнить всё, что знал о музее Алларда Пирсона. На лекциях по истории искусств студентов учат многому, и рефераты о мировых или провинциальных музеях, галереях, выставочных залах мы сдавали регулярно.

Кажется, в основном здесь выставлялись декоративно-прикладные вещи (керамика, резьба по камню, дереву и кости) разных народов и континентов: Египет, Африка, Индия, Китай – всё довольно сумбурно, но по-любому интересно. Картины тоже были, правда, не самые выдающиеся. Вот выставка золотых изделий причерноморских скифов, конечно, как раз таки

идеально вписывалась в их формат.

На кассе я не очень уверенно попросил на английском два билета, расплатился картой «Мир», и ничего, её приняли. На контроле вежливый охранник попросил нас показать вещи, Светлана безропотно раскрыла сумочку, улыбнулась, и мужик едва не растёкся счастливой лужей на своём рабочем месте. Нас пропустили без вопросов, а ведь она ему даже декольте не показала. Хотя и могла бы, это тоже мощное оружие.

В сумочку мельком успел заглянуть я, там не было ровным счётом ничего. Даже дна. Ну, или показалось, не знаю, не уверен. Вообще-то смотреть в женские сумочки неэтично, мало ли что там носят милые дамы – хоть прокладки, хоть топор.

– Куда теперь? – шпионским шёпотом спросил я.

– Наслаждаемся искусством, в нужное время нас позовут.

По факту это самое нужное время пришло достаточно быстро: мы даже не успели толком посмотреть отдел Древнего Египта, как я почувствовал знакомый запах алкоголя, идущий от одного расписного гроба. Подойдя на шаг ближе и наклонясь, я чуть не отпрыгнул в сторону, когда из-под крышки на меня посмотрели весёлые глаза нашего специалиста по древним языкам.

– Ты что здесь делаешь, некрофил несчастный?

– А по-моему, очень даже счастливый, – девушка потащила меня в сторону. – Пусть полежит в гробу, раз ему это нравится. Нам нужен Герман.

Здоровяк нашёлся в самом дальнем зале и был переодет в слишком тесную для него форму охранника у дверей служебного входа.

– Спуск в подвалы здесь, – как можно тише прошептал он. – Общий сбор ровно через двадцать пять минут. Наши друзья здесь устроят небольшую шумиху, музей закроют, посетителей выведут. Запасники на втором подвальном уровне.

Мне хотелось спросить его об охране и сигнализации, но в зал вошла небольшая группа китайских туристов, человек сто, так что разговор пришлось свернуть. Тем более что при виде золотоволосой девушки гости музея мигом переключились исключительно на неё.

Гид пыталась развернуть группу, уговорить их посмотреть на африканские маски вроде тех, что когда-то вдохновили Пабло Пикассо, но тщетно. Китайцы наперебой умоляли нашу специалистку по греческой вазовой росписи сфотографироваться с ними вместе, всей толпой и с каждым индивидуально. Это могло затянуться надолго.

Светлана буквально купалась в мужском восторге: такие уродины, с их точки зрения, встречаются лишь в Европе, а в Поднебесной, как известно, совсем другие стандарты женской красоты. Волосы только чёрные, глаза миндалевидные, так называемый «лисий

взгляд», плоская грудь и крохотная ножка, не позволяющая женщине толком ступить и шага, ибо, невзирая на весь прогресс современности, стоит помнить, что Китай до сих пор – страна традиций. А потом вдруг без предупреждения сработала сигнализация. Жуткий вой сирены из Египетского зала резал уши и давил на психику, провоцируя у любого человека невольный приступ паники. Но не той, когда падаешь лицом вниз, закрыв уши руками, а когда испытываешь лишь одно желание – бежать отсюда со всех ног!

Я бросился спасать свою спутницу, китайцы такой же дружной и дисциплинированной толпой ломанулись на выход, окна мгновенно закрылись металлическими шторами, а охрана музея безуспешно пыталась выковырять из гроба нашего Денисыча, который, пьяно хохоча, кидался в них мумифицированными кошками. Сирена стихла...

– Я ничего не пропустила?

– Ну вообще-то было интересно. Эти ребята из «Херсонеса» умеют держать интригу.

– А твои помощники?

– Как ни странно, они не подвели, в подвалах сейчас собрана вся древняя нечисть Нидерландов. Изрядно подзабытая, немного укуренная, но всё ещё любящая кровь.

– Не возбуждай меня.

– Я всего лишь сказал «кровь».

– И я об этом же... о-о-оу...

– Кровь, кровь, кровь!

– Иди ко мне, мой жеребец...

– Но мы всё пропустим?

– И что?!

– Действительно. Ради нас они всё повторяют...

...Земнов, появившись из-за угла, отчаянно замахал нам руками. Как я понимаю, вечный пьяница выкрутится сам, нам же предстоит спуск в подвалы. Гребнева, чуть приподняв подол, шла первой, за ней Герман, уже потом я. Дальнейший план уточнялся и корректировался нами по ходу.

– За этой дверью ещё двое.

– Я разберусь, – пообещала девушка.

– Но никакого рукоприкладства, будь добра просто отвлечь их внимание, – лишний раз

напомнил ведущий нашей группы. – Нам важно проскочить как можно быстрее.

– При виде меня у мужчин проявляется избирательное зрение...

Мы спустились по лестнице на два прохода, за стеклянной дверью находился пункт пропуска. Светлана взбила волосы, выкатила грудь и, максимально обнажив декольте, пошла вперёд. Минутой спустя раздалось презрительное: «Фу-у...», вслед за тем короткие звуки ударов, и взлохмаченная девушка выглянула к нам:

– За мной, мальчики!

– Ну я же просил... – тоскливо простонал Герман при виде двух бессознательных тел, валяющихся в проходе.

– Я старалась как могла! Даже сиськи показала! Кто виноват, что в этой стране так много открытых геев?!

– Но бить-то их зачем?

– А зачем они целовались при мне в служебное время на рабочем месте?

Спорить было бессмысленно и некогда. Да и не с кем, кстати, потому что девушка уже ушла вперёд, оставляя нам шанс догнать её на следующем повороте. Мы попали в некое складское помещение, довольно обширное по площади. Это и были так называемые запасники – святая святых любого музея или галереи.

Высокие стеллажи с картинами и скульптурами, правильно подобранная температура, термометры и датчики на стенах, рассеянный свет, чтобы не повредить старым книгам или гравюрам. Всё как надо, как положено, хотя и достаточно бессистемно, на первый взгляд.

Но музей Алларда Пирсона вообще весьма своеобразен, выстраивая на относительно небольших площадях достаточно серьёзные экспозиции. Я бы сказал, что он наиболее схож с нашим Государственным музеем истории религии в Санкт-Петербурге, ничем не хуже, пусть это и лишь моё личное мнение.

– Ищем все! Наше золото где-то здесь.

– Ну и с щего иво иск-ть? – удивился знакомый голос из дальнего угла помещения. – Я всё давно н-шел! Вот наши ящ-щи-ч-ки...

– Денисыч?!

Мы все кинулись на его поиски, довольно быстро обнаружив пьяненького знатока древних языков, возлежащего в позе Сократа на двух деревянных ящиках, опломбированных и запечатанных. Даже моего скромного знания английского хватило, чтобы правильно прочесть: «Крым – золото скифов и секреты Чёрного моря». Дальше уже более мелким шрифтом были набраны адреса городов и музеев, которые предоставили те или иные вещи.

Могучий Земнов переместил причмокивающего губами сотрудника на соседнюю полку повыше – чтобы не мешал – и на один взмах оторвал крышку с первого ящика. Внутри в поролоновой пене лежали небольшие, но тяжёленькие свёртки из пористой упаковочной плёнки.

– Друзья мои, мы нашли его, – Герман в умилении едва не опустился на колени. – Нашли и теперь сможем вернуть домой украденное...

– Золото скифов, – равнодушно зевнула Гребнева. – Поздравляю всех нас, забираем блестяшки и уходим. Мне тут почему-то неуютно.

– Да кто ж нас отпустит-то? – почти трезвым голосом хихикнул Диня с полки. – Ты, Светка, прям «капитан Очевидность», неуютно ей... ик!

Только в этот момент уже все мы резко поняли, что находимся в подвалах не одни. А вот те, кто сидел в засаде, обнажили когти и клыки.

Враги выходили молча. В том, что это именно враги, не было ни малейшего сомнения. Держу пари, что все подвалы в Амстердаме связаны с официальными наркопритонами какой-нибудь сложной системой взаимных вентиляций, потому что увиденное мною могло объясняться только наркотическим дымом, обволакивающим сознание. Я чем-то надыхался, точно. Просто потому, что иначе первый бы звал на помощь и сам сдался голландской полиции, а сейчас мне страшно не было. Интересно – да, но не страшно. Мне, кстати, даже взбрело в голову тепло улыбнуться горбоносому рогатому мужчине в длинном алом плаще, из-под которого, кажется, выглядывал волосатый хвост с кисточкой. Он на улыбку не ответил, да и толпа разнокалиберных монстров за его спиной тоже не выглядела дружелюбной.

– Имя моё Фрейшютц! – по-русски он чесал без запинки, но с лёгким северным акцентом. – Фы меня не снаете, сие прискорпно. В иной рас мы пы, пыть мошет, саключили сделку на фаши туши, но секотня...

– Прошу прощения, так туши или души? – не сдержался я, закусив губу.

– Туши, – попытался объяснить рогатый, – черес пукфу «т».

Светлана Гребнева прыснула первой, хотя смеяться, наверное, было невежливо. Мужик же не виноват, что у него дефект речи.

– У каштого есть своя туша, вы сря смеётесь...

А поздно – за девушкой укатился знаток древних языков, потом не сдержался я, потому что есть такие моменты, когда самая безобидная шутка, построенная на игре слов, спасает человека от боли или страха.

– Я кофору о фаших пессмертных тушах, клупцы!

– Да, – пряча улыбку в усы, подтвердил Герман, – мы воистину бессмертные туши. Особенно большая туша я, Денисыч скорее тушка, а наша подруга всё-таки имеет фигуру, а не тушу. Не рискуйте, называя её так.

Рогатый чуть не расплакался от обиды, его пёстрая банда, наоборот, показала клыки, и мне пришлось вмешаться:

– Мы прекрасно знаем, кто вы такой, господин Фрейшютц. Моя тётя была фанаткой музыки Вагнера, но, признаться, в опере вы скорее удачливый стрелок, чем... ну, как бы выразиться...

– Тьяфол? – опомнился он, быстро беря себя в руки. – Но фсе так и есть, молотой щелофек, крупные немцы исказили мою историю, а стесь, в Голландии, меня насывают тьяфол в красном плаще!

– Очень приятно.

– И мне. Поферте, я никокта не отнимал шизнь пес пофода. Но нам фсем нато что-то есть. Прихотится телать фыбор...

– Александр, – Земнов тут же сжал кулаки, закрывая нас всех широкой спиной. – Уводи остальных, я прикрою. Светлана, забирай золото. Денисыч, только не пей!

– Да погоди ты, раскомандовался, – я вовремя вспомнил советы директора. – Это же дьявол, понимаешь? А эти уродцы, словно сошедшие с полотен Иеронима Босха, – его жуткая свита. Но разве с дьяволом нельзя договориться?

– Поюсь, што уше нет, – виновато опустил голову рогатый. – Тело ф том, што нам фсем саплатили. Мы снаем, почему фы стесь, мы фас таже поттершиваем, это пыло пы только спрафетливо, но... Но фсе рафно не смошем фас отпустить.

– Значит, убьёте?

– Упьем и съетим. Исфините.

– Хм, – я сделал вид, будто бы задумался. – Но уж если нам всё равно умирать, то, быть может, вы хотя бы позвольте нам самим выбрать свою смерть?

– Пощему ше нет? Охотно!

– Тогда одну минуточку...

Я быстро обернулся к нашим, на ходу объясняя ситуацию. Дьявол в красном плаще действительно имел место быть в богато перемешанной мифологии Голландии, Фландрии, Бельгии, а также части германских и австрийских земель. Его столь часто рисовали европейские художники, что не знать этого типа было бы просто стыдно.

Однако в большинстве книг Фрейшютц описывался как достаточно доверчивый и по-своему честный представитель пекла. А поскольку лично мне ни капли не улыбалось устраивать кровопролитный махач в запасниках чужого музея, где всегда есть опасность задеть редкую картину или антикварную вазу, то, возможно, нам просто стоило чуточку схитрить? И тот же старина Иероним Босх всегда был готов подсказать как...

– Вот он, – я указал пальцем на заинтригованного Диню, – всегда мечтал налакаться вином до инсульта или цирроза печени. Кто готов с ним пить?

– Я! Я, я, нет, я! Мы! – загомонила толпа.

– Ты насфал его перфым, значит ли это, что он клафный среди фас? – жестом заткнув всех, обратился ко мне местный дьявол в плащике. Я важно кивнул. – Токда только мне принатлешит честь пить с ним! Кстати, что у нефо на рупашке, похоже на шенские соски?

– Это хинкали, деревня амстердамская! Жизни не знаешь, в Грузии не был, «генацвале, Гогия» не пел, цинандали не пил, в бубен не получал, а туда же... Я ж тя уделаю на алкашке, Мимино с рогами...

Кто бы что ни говорил о вреде наркотических галлюцинаций, но, оказывается, ими всё-таки можно управлять. Светлана, поймав мой взгляд, начала быстро доставать золотые украшения из ящика, ловко запихивая их в свою дамскую сумочку. Не знаю, сколько там поместится, но ладно, пока на неё не смотрят, мы продолжим.

Следующим на эшафот шагнул Герман Земнов. Было объявлено, что наш великан желает мериться силой с любым, кто способен победить его в честном бою, посредством... щекотки. Дело в том, что специалист по бронзе и мрамору был малость флегматичен, и я предположил, что защекотать его до смерти вряд ли у кого получится.

Тем не менее противники нашлись. Из задних рядов нидерландских монстров вышли двое странных существ. Хотя, боже ты мой, а какие ещё, если не странные, есть у Босха? Этих я хотя бы знал, таких тоже часто рисуют иллюстраторы страшилок в детских книжках.

Итак, их называли «оссхаерты». Оссхаерт – вроде как злой дух во плоти, принявший образ уродливого человека с непомерно длинными когтями, способными располосовать или затыкать любого. А боялся он разве что образа девы Марии. Не уверен, что у Германа есть при себе образок, но он же у нас по-любому герой и любит подвиги. Пусть развлекается.

– Светлана, вы?

– Александр, я несколько занята и уже взмокла, деликатно выражаясь, во всех местах, как портовая «шлюпка», – раздражённо откликнулась она, закончив перекладывать золото в сумочку и натужно пытаюсь достать из той же сумки какой-то тяжёлый мешок. – Придумайте что-нибудь за меня, у вас это здорово получается.

– Наша спутница хотела бы умереть от... от... от зависти к красоте другой девушки! –

наконец-то нашёлся я. – Есть желающие задавить её жабой?

Они нашлись, хоть и не сразу. После долгих споров, воплей и короткой драки с выдираньем волос против Светланы Гребневой вышла самая уродливая ведьма из всех, которых только можно представить. Горбатая, почти лысая, толстая, лицо – словно вымя у старой, облезлой дворняги. Но Фрейшютц благосклонно разрешил ей участие в нашей казни через зависть к красоте. Может, я чего-то не знаю?

– Что ж, теперь, видимо, я. Ладно, тогда я хотел бы умереть...

– Тофольно! Ты слишком красноречив, и мы упьём тебя послетним. Просто так, пез изысков, наши лесные пратря порфут тфое корло, и тфоя крофь причастит фсех!

Как видите, меня оборвали на полуслове, даже не дав возможности договорить. Под «лесными братьями» подразумевались трое здоровенных волкодлаков. Классическое зверьё с мускулатурой спортсменов-культуристов, клыки волка, красные глаза, в голове мозга, считай, вообще нет, сплошь одни инстинкты с уклоном в махровый садизм.

Описывать их далее смысла не вижу, таких тварей сплошь и рядом рисуют все художники по комиксам или книжкам фэнтези. Там героические герои с твёрдой складкой у губ и каменным подбородком легко стреляют волкодлаков серебряными пулями или рубят в капусту двуручными мечами. Чем и как с ними буду разбираться я, совершенно не понятно. Но оно ведь ещё когда будет, да и будет ли...

Пока властный рогоносец в красном плаще устраивался напротив нашего скромняги Денисыча, откупоривающего первую амфору, противники встали друг напротив друга. Первый поединок также начался после первой чаши. Голландский дьявол махнул полулитровую ёмкость креплёного греческого одним махом и, причмокнув языком, демонстративно надел пустую медную чашу на голову нашего Дини.

– Неушели мы так и путем пить напёрстками? Кто-нибудь потайте нам нормальные фёдра!

– Из вёдер пьют сивые мерины, а я не варвар! Давай на спор из горла?

– По-фампирски? Та, та, я тоже так умею!

Специалист по древним языкам уважительно кивнул и достал две амфоры по полтора литра каждая. Все вокруг замерли, не решаясь криками поддержки, свистом или проклятиями сбить дуэлянтов, приложившихся к горлышкам.

На этот раз Денисыч обошёл противника, выхлопав всё первым и, правильно поняв местные традиции, изо всех сил хряпнул пустой амфорой о башку Фрейшютца! Осколки брызнули во все стороны, сам дьявол едва не поперхнулся вином, а его свита разразилась воплями, топотом и бурными аплодисментами.

– П-протолшае-им, – чуть заплетающимся языком проблеял рогатый, тем не менее протягивая руку за следующей амфорой. – Я умею пить не пьянея, ипо я тьяфол, ха-ха! Ик!

– Ты не знаешь, с кем связался, сатир озабоченный, – с мрачной улыбкой ответил наш герой, запрокидывая голову.

Пенящаяся струя красного вина лилась ему прямо в широко раскрытый рот, а он каким-то непонятным чудом даже не тратил времени на глотки. Местные неслабо прибалдели: такого ещё никто не видел. Более всего это походило на цирковой аттракцион или переливание жидкости из одного сосуда в другой. Дьявол опять замешкался и второй раз получил пустой глиняной амфорой меж рогов!

– А снаете, это слекка польно? – неизвестно чему удивился он. – Перехотим на чаши...

– Скажи сразу, что сдаёшься!

– Ничефо-о подопнофо-о! Я... как это... перу паусу... Мы с фами пьем финишко и смотрим, как терутся остальные! Ну, которые фсе... интересно же ж?..

– Кстати, да, – согласился Диня, наполняя чаши. – Кто у нас там сражается следующим?

Перед припёршейся в запасники местной нечистью встал могучий Земнов. Благородное лицо Германа было совершенно спокойным, он прекрасно понимал, кто против него выступает, и знал, что со всем этим делать. Почему-то только сейчас я вдруг понял, что у этого человека за плечами такой боевой опыт, о котором не мечтает даже ветеран трёх войн.

Но сейчас перед ним стояли двое опасных противников, каждый из которых поигрывал такими длинными и острыми когтями, что казалось, будто на пальцах каждого по пять ножей. Итого двадцать. Это слишком серьёзное преимущество, и, судя по гнусным ухмылочкам, они отдавали себе отчёт в том, что победить их в открытой схватке практически невозможно...

– Посщекотайте ефо быстренько, я хочу... хотю... стелать сепе коктейль ис фина с крофью! А што? Хосю и фсё.

Диня вновь разлил вино по чашам. Ему было без разницы, кого и как спаивать, а в том, что именно он выйдет победителем, сомнений не было даже у самого мелкого бесёнка. Меж тем великан спокойно засучил рукава, повернул голову вправо-влево, похрустев шейными позвонками, и подмигнул мне, давая понять, что готов к бою, который вдруг оказался очень коротким – минута, не более...

С оглушающим визгом первый оссхаерт бросился в атаку, вздымая когти над головой. Герман же с нереальной для такого крупного мужчины скоростью подхватил деревянную крышку от ящика с золотом и выставил её впереди себя! Страшные когти прошили дерево едва ли не насквозь, но...

Именно в этот момент ударил второй злодей, а наш здоровяк просто развернул к нему первого, беззастенчиво прикрываясь задницей одного монстра от когтей второго.

Результат?

Я думал, что оглохну от вопля злого духа, получившего в филейную часть все когти-ножи своего торопливого приятеля. Земнов дальше в забеге не участвовал, потому что оба оссхаерта теперь мстительно гвоздили друг дружку! Один так и не мог вытащить когти из задницы друга, а второй, изгибаясь, бил его крышкой от ящика по дурной башке...

– Красифо-о... – завистливо икнул Фрейшютц, – эпический пой! Са эт-то ната ф-фыпить... Щелофек! На-ли-фай!..

Всем всё было ясно, но местный народец начал вроде как ворчать, что до щекотки дело так и не дошло. Тогда Герман честно пощекотал второго, отчего тот заржал в голос и засучил когтями, которые находились... сами знаете где. В ответ, взыв от боли и обиды, первый так шибанул доской своего товарища, что на пол они оба рухнули практически без дыхания. После этого победа нашего силача никем уже не оспаривалась.

– Ну и фсё... потумаешь... – дьявол в красном плаще снял с головы пустую чашу из-под вина и продолжил: – Кто там у нас слету-у-юсций? Хошу рефанша-а!

Светлана Гребнева, закончив свои дела, передала мне сумочку, а сама спокойно встала перед той ведьмой, что должна была устыдить её своей красотой. Как уже указывалось выше, тётка была страшнее ядерной войны, бр-р-р...

– Ха! – начала она, презрительно наморщив нос, более похожий на кривой, прыщавый баклажан. – Думаешь, ты самая красивая? Глупая девчонка, красота – штука изменчивая. Что стоит твоя талия, если у меня будет стройнее? Что стоят твои волосы, если у меня будут длиннее и гуще? Что стоит твоя грудь, если моя будет больше и выше, а?! Смотри же и готовься к позорному поражению...

В тот же миг ведьма выпила что-то из зелёного пузырька, сыпанула в пасть горсть сухих листьев, топнула ногой, три раза повернулась вокруг своей оси и вдруг так резко преобразилась, что...

– Как это развидеть? – простонал я, закрывая глаза руками. Поздно...

В общем, старуха решила, что для победы ей надо абсолютно во всём стать больше нашей специалистки по росписи на греческих вазах. И да, она это сделала именно так, как предупреждала. Но больше не значит лучше. Красота в гармонии, а тут... мама, не горюй!

Талия – вдвое меньше, то есть как у осы. Грудь всплыла под потолок восьмым размером, попа переплюнула любую бразильскую в ширине и крутизне, глаза стали огромными, как у гигантских мух, губищи раздулись в два помидора, носик уменьшился до размера пуговицы на ширинке, волосы стогом сена обрушились почти до пола, а ступни ног стали такими маленькими, что бедолага едва могла стоять. Красота – страшная сила...

– Девчонка уже сдохла от зависти?

Светлана даже не ответила, она лишь кротко вздохнула и послала сопернице воздушный поцелуй.

– Ах так? А я... я... вот!

Высокая грудь ведьмы выросла ещё на два размера, после чего эту дуру перевесило, она качнулась и, проклиная всё на свете, рухнула личиком в пол. Две здоровенные сисяндры спружинили, и тётку откинуло назад на крутейшую задницу, которая, как оказалось, тоже умеет пружинить не хуже баскетбольных мячей. Ну, если вы поняли, то ведьму кидало на пол задом-передом, как резиновую Зину!

Остановиться и встать самостоятельно несчастная уже не смогла, пришлось помогать всем. Других соискательниц на конкурс красоты как-то не нашлось. Изрядно накидавшийся дьявол махнул на неё рукой, сделал пару глотков и объявил следующий раунд. Типа меня.

– Упейте хоть э-тфа б-лтуна! Он нам фсё испортил... зацем он фаапще к нам припёрся? Мишаит пить!. Щё жтём? Упить ефо, я ск-сал...

Три волкодлака набычились, вздыбили шерсть, поиграли мускулами, принимая эффектные позы, и неспешно вышли вперёд. Бросив пару взглядов по сторонам, я понял, что помогать мне никто особенно не собирается. То есть абсолютно.

С упорством, достойным лучшего применения, Денисыч продолжал накачивать переменчивого дьявола в красном плаще, Земнов одобрительно помахал рукой, всем видом показывая, как он в меня верит. И лишь Светлана, шагнув навстречу, обняла меня за шею и нежно поцеловала в щеку.

– Не волнуйтесь, это же всего лишь блохастые псы. Возьмите палку и покажите им, кто хозяин в доме. Обернувшись к волкодлакам, она громко свистнула и повторила: – Эй вы, Александр назвал вас блохастыми псами! Слышали?!

После чего она забрала у меня свою сумочку и преспокойно уселась на ящик из-под скифского золота, круче Шэрон Стоун закинув ногу на ногу. Не могу сказать, что это так уж обнадёживало или хотя бы чуточку вдохновляло, но всё равно чисто визуально – приятное глазу зрелище.

– Аря-ря-я! – на всякий случай выкрикнул я, но тем не менее мне пришлось отступить.

Волколдаки грозно зарычали, я же оглядывался по сторонам в поисках хоть какого-то мало-мальски подходящего оружия. Увы, всё, что находилось именно в этих запасниках, представляло собой перевязанные коробки, забитые деревянные ящики, укрытые брезентом скульптуры и длинные ряды картин. Противник приближался.

Один раз мне почти повезло встретить чугунную копию Давида с мечом работы итальянца Бенвенуто Челлини, но меч оторвать не удалось, да и он всё равно был тупой. Прекрасно осознавая мозгом, что всё это лишь наркотические галлюцинации, что никаких монстров в

подвалах музея быть не может, что никто меня даже не укусит, а уж тем более не разорвёт, я тем не менее не мог полностью отрешиться от жути всего происходящего.

Меня загоняли в дальний угол трое против одного, и, будь они люди, я бы дрался. Но этот воплощённый ночной кошмар буквально охлаждал кровь, на корню давя инстинкт самосохранения. Я чувствовал себя забитым, запуганным ребёнком, к которому неумолимо приближается самый большой страх его жизни. Мне требовалось что-то реальное, настоящее, способное вернуть...

– Стоп, – сам себе скомандовал я, опускаясь на одно колено. Холщовая ткань, закрывающая ряды картин, как-то приподнялась на углу, открывая русские буквы. – «...нджи». Не может быть...

Герман и Светлана, до сих пор спокойно взиравшие на моё отступление, заинтересованно повернули головы.

– Ребята, это же Архип Иванович Куинджи! Русский художник греческого происхождения, преподавал в Академии, ученик Чистякова, приятель Репина, уникальный живописец начала двадцатого века. Светящиеся холсты! Неужели не помните?

– Не-ет, не пр-по-минаем, – ответил за всех дьявол в красном плаще, едва ворочая языком. – А щему это фашно? Это не фашно. Еште ефо уше-е...

– «Лунная ночь над Днепром», – я потянул вверх край ткани. – Куинджи написал несколько версий этой картины. Она была жутко популярна, и ему заказывали копии. Я знаю одну в Третьяковке, одну в галерее Догадина в Астрахани, одну в Русском музее Питера, ещё одну в Киеве, но чтоб ещё и в Амстердаме... Это же находка века!

Волкодлаки меж тем решили, что счастливый человек всегда вкуснее, и, оскалив клыки, бросились ко мне одновременно, пока я, как последний дурак, снимал тряпки, разворачивая картину. Вполне возможно, что вот тут бы вся эта история и закончилась, но шерстяные монстры увидели нарисованную луну, и... все трое дружно сели на хвосты, задрали морды вверх, и к потолку взлетел тоскливый волчий вой!

– Мощно п-тише? И так колова раскалыфавается-я.

Ну, как оказалось, очень даже можно. В том смысле, что при виде луны, столь реалистично нарисованной великим русским художником, волкодлаки вдруг стали мутировать обратно. С них клочьями сыпалась шерсть, с хрустом укорачивались кости, втягивались хвосты, исчезали клыки и когти, а буквально через минуту передо мной на бетонном полу корчились трое тощих студента-очкарика самой subtilной внешности.

– Бу-у... – зачем-то сказал я, и вся троица голышом бросилась под защиту Фрейшютца.

Вот что делает великая мощь русского изобразительного искусства! Денисыч, по-прежнему сидящий напротив пошатывающегося рогоносца, победно отсалютовал мне уполовиненной

амфорой, после чего вновь расхреначил её о голову собутыльника в красном плаще. Тот безропотно рухнул под стол копытами вверх.

Получается, что и в этот раз мы справились? Человек действительно может управлять своими страхами, фантазиями и глюками? Все наши бросились ко мне с распростёртыми объятиями. Гребнева добежала первой, здоровяк Земнов, подхватив нас двоих, закружил в воздухе. Вся банда Фрейшютца жалась в углу. Они, конечно, скалили зубы, строили жуткие рожи и показывали средний коготь, но нападать не решались.

– Свали-ва-ем отсюда, б-ртцы, – из последних сил попросил знаток всех языков. – Че слово, я больше не в... в силах пить...

– Надо забрать золото, – вспомнил я.

– Оно уже тут, – золотоволосая блондинка покачала дамской сумочкой на плече. – И не волнуйтесь, когда они хватятся, то найдут в ящиках самые высококачественные копии. А уж если обман раскроют, то никак не в интересах амстердамского музея признавать правду.

– Нам действительно пора, – вмешался Герман, – Мила Эдуардовна долго ждать не будет.

Денисыч понятиливо кивнул, подошёл к деревянному ящику, где лежало скифское золото, споткнулся на ровном месте и рухнул в него с головой. Мы вместе с Гребневой бросились ему на выручку, но кто-то одним жестом бульдозера подтолкнул нас в спину, и мы оба чуть ли не в обнимку полетели вниз, сквозь опилки, пенопласт, фальшивые золотые украшения, в бездонную тьму...

– Почему сразу я?

– А кто?!

– Да кто угодно – случайность, рок, судьба, предназначение, совпадение, боги...

– У тебя на всё есть отговорки!

– Потому что я не виноват!

– Но ты обещал! Ты нанял местных авторитетов, ты договорился с людишками, ты заплатил деньги и отправил им мои голые фото...

– Вообще-то наши.

– Не перебивай! Лучше объясни, почему они до сих пор живы?

– Кто, авторитеты?

– Не беси меня-я!

– Ну-у... возможно, мы недооценили силу...

– Чего? Этой жалкой истории искусств?!

– Александра Грина.

...Перелёт не был долгим. Фактически он длился меньше минуты, потому что, прежде чем я решился матом проорать: «Что тут вообще происходит?», мы все рухнули на свежую зелёную траву у фонтана в музейном саду.

Та же ночь, свет луны и звёзд, шум листьев над головой. Диня уже сидел за столом, не спеша доставая из неизменной холщовой сумки очередную глиняную бутылку. Наша так называемая Афродита, по-турецки скрестив ноги, без малейшей суеты поправляла растрепавшуюся причёску. И лишь специалист по скульптуре и древним металлам деликатно спросил, могу ли я слезть с его головы.

– Ой! Да, разумеется, извини... даже не заметил, как...

– Ерунда, мой благородный друг! Главное, что мы вернулись с победой, – просто улыбнулся он.

Честное слово, человека подобного бесстрашия и одновременно абсолютной, безоговорочной любви к друзьям я ещё не встречал никогда в жизни. Великан Земнов не думал о себе, презирал собственные раны и хоть порой зацикливался на своих проблемах, но, казалось, мог не задумываясь положить руку на плаху за проступок любого из нас. На тот момент я даже предполагать не мог, насколько был близок к истине...

Мы высыпали возвращённое золото скифов прямо на каменный стол у фонтана, и при свете звёзд оно играло мягкими лимонными переливами. Я сощурился.

Мне никак не верилось, что у нас всё получилось, но пентакли, браслеты, серьги и характерная зооморфная тематика ювелирных украшений: олени, запрокидывающие рога; кобылицы с жеребятами; быки и овцы; орлы, распахнувшие крылья; вздыбленные кони под бородатыми всадниками; даже грифоны и драконы – спутать это ни с чем другим было просто невозможно.

Видимо, меня начал отпускать наркотический амстердамский воздух, свежим севастопольским ветром дышалось значительно легче. Я обернулся к остальным – если мы действительно, невзирая на весь зашквар, смогли вернуть Крыму его достояние, то как конкретно оно произошло, уже неважно. *Per fas et nefas*[18], и сейчас я считаю это правильным! Заодно будет повод отправить близняшкам новые рисунки...

– А можно мне кое-что примерить? – вдруг спросила Гребнева.

– Во-о, – Диня, ни у кого не спрашивая разрешения, напялил поверх чёрной футболки большой золотой пентакль. – Зацени, бро, я скифский вождь Будакен Золотые Удила!

– Удила с буквы «м», – осадила его наша Афродита, – снимай сейчас же, это женское украшение!

– Вообще-то нет. Пентакли могли носить как вожди, так и их жёны и матери. Всё зависело от благосостояния.

– Александр, я думала, что хоть вы на моей стороне...

– А вот это уже чисто женские вещицы, – в ответ я протянул ей тяжёлые, сложно кованые серьги с крупными, но необработанными драгоценными камнями. – У причерноморских скифов были рабы, владеющие искусством обработки благородного металла. Есть легенды о том, что самые достойные могли даже жениться на местных девушках. Таких мужчин не брали в походы, ибо в селениях они приносили больше пользы, чем на войне. А скифы умели не только воевать, но и слыли честными торговцами.

Герман склонился над столом, подумал и выбрал небольшую золотую вещицу, где был стилизованно изображён тигр или барс, терзающий лошадь. Его взор затуманился.

– Я видел нечто похожее на груди моей знакомой женщины. Мы прожили с ней несколько лет, это было очень давно.

– Это та царственная фифа, с которой вы вечно цапались как кошка с собакой? У неё ещё была какая-то лошадиная фамилия...

Земнов поднял было руку для карающего подзатыльника, но передумал. Он лишь грустно улыбнулся нашему знатоку древних языков и вернул украшение на стол. Денисыч тут же поспешил извиниться в своей привычной манере, то есть достал из сумки очередную амфору. Чаши также появились как по волшебству, ровно четыре.

– Зема, сотоварищи, братцы и сестрицы, если когда вас обидел, простите меня, дурака! Сегодня мы все вместе такое провернули, таких фриков уделали, я с вас горжусь, чес-с слово!

– Принято, – мы разобрали чаши с густым красным мускатом, откликаясь на тост бородатого полиглота, как на искренний крик души.

Кажется, я начинал привыкать к некоторому (иногда даже чрезмерному) количеству вина в день. Но меня ведь заранее предупреждали, это Крым, это Херсонес, а непьющий музейный работник всегда вызывает слишком большие подозрения: уж не сволочь ли он? Наверняка примерно так и говорил Антон Павлович Чехов, поскольку подобная мысль могла взбрести в голову великого писателя исключительно на крымском побережье...

Разошлись за полночь. Всё золото было решено сдать на сохранение могучему специалисту по мраморным скульптурам, меди и бронзе. Лучшего хранителя и придумать было невозможно: он же над ним всю ночь спать не будет, хотя при мне написал сообщение Феоктисту Эдуардовичу, оповестив его о том, что задание выполнено успешно. Шеф,

конечно, не ответил – ночь, но поскольку просыпается он с первыми лучами, то наверняка заявится сразу, как прочтёт. Хоть в пять утра!

Я пофоткал на свой смартфон Светлану в скифском золоте, обещал переслать ей на почту или закинуть в «облако». Она мягко улыбнулась, сняла серьги и ожерелье, а потом сказала, что никаких связей по социальным сетям категорически не поддерживает.

Во-первых, ценит своё личное пространство, во-вторых, как натура увлекающаяся может увязнуть в спорах с форумными знатоками: «А вы в курсе, почему на греческих вазах у героев маленькая пипирка, а у варваров большая?»

Так вот уж она-то как раз отлично знает, что её тупо разводят на дебильный спор, потому что она женщина, а значит, априори ни в чём разбираться не может. Поэтому вечно страдала от невозможности доказать идиоту, что он идиот, даже если этот идиот категорически уверен в обратном. И в-третьих, не хочет, чтобы её нашли всякие знакомые, одноклассники или однокурсники...

– Бро, она боится, шта сама нач-н-нёт искать своих бывших мужик-ков... ик!

Что ж, мне пришлось пообещать непременно нарисовать одно из этих фото и подарить ей. Гребнева довольно щёлкнула болтливого сотрудника по носу, беззлобно обозвала его «завистником» и ушла к себе, качая бёдрами, словно греческая триера.

Герман, как и говорилось выше, собрал всё золото в обычное пластиковое ведро, пожелал нам спокойной ночи и отправился к себе. Денисыч предпочёл остаться у фонтана в гордом одиночестве, потому что меня уже тоже кренило набок. А вот когда я добрался до своей комнаты и лёг, то, резко провалившись в сон, почти в то же мгновенье вдруг поймал себя на том, что вроде бы и не сплю.

Ну как, то есть сплю, конечно, но сон мой настолько материален, что его можно было потрогать, вдохнуть, войти и выйти. Не знаю, как ещё объяснить понятнее, поэтому перейду к сути: в моей комнате, на моём табурете, направив на меня свет моей же настольной лампы, сидел странный человек.

Да, именно человек, и нет, именно что очень странный. Совершенно обнажённый и словно бы слитый из двух равноценных половин – мужской и женской. Разделение было слишком откровенным и шло от головы до ног. Мне доводилось встречать подобное в набросках учеников Леонардо эпохи Возрождения. Но чтобы увидеть воочию...

– Александр Грин, – без малейшего знака вопроса определил некто (потому что совершенно непонятно, как там его следовало бы называть), – тебе никак не стоит называть нас. Мы можем читать твои мысли, словно знаки звёзд на пересечениях Млечного Пути.

«Хм, если вы читаете мысли, то, наверное, мне лучше помолчать», – подумал я.

– Это разумно. Говорить будем мы, ты откроешь рот, когда мы потребуем ответа.

«Интересно, а вот Земнов, когда качается, он пьёт анаболики или подкалывается чем-нибудь?» – неожиданно для самого себя задумался я.

– Не отвлекайся, – напомнил гость уже почему-то женским голосом. – Итак, нам важно понять.

«Да нет, если бы он сидел на химии, то рельеф был бы проработан до мышечной ниточки. К тому же от вина он редко отказывается, хлеб ест килограммами, масло трескается, углеводы в виде фруктов и овощей, белок тоже без всякой системы, так что вряд ли».

– Остановись!

– С чего бы, – вслух ответил я. – Это мой сон, творю какую угодно хрень! Не нравится – могу вообще проснуться.

– Давай я сделаю ему больно, – предложил один голос другому. – Но если он закричит, то сюда сбегутся все.

– И что? Мы сейчас нематериальны, просто растворимся, и всё.

– А смысл тогда лезть к нему в подсознание?

– Ну да, ты права. Мы не можем уйти без ответов на вопросы. Эй, Александр Грин? Ты способен к конструктивному разговору?

«Надо будет смеха ради купить ему такие спортивные стринги, в каких выступают культуристы. А то он слишком серьёзно ко всему относится».

– Хорошо, мы даруем тебе право отвечать нам вслух, – торжественно сообщил(ла) он(она). – Скажи, ты веришь в богов?

– В бога? – поправил я. – Верю, умеренно. Родители крестили в детстве. А уже в университете мы проходили религиоведение как основу зарождения самых разных видов и жанров изобразительного искусства. По сути, искусство и вера происходят из одного корня в попытке осознания окружающего мира и самого места человека в нём.

– Получается, он дурак, – вновь заспорили голоса.

– Зато образованный.

– Но он ничего не видит в упор!

– Возможно, это защитная функция психики, позволяющая не сойти с ума. Потому что не с чего сходить.

– От дурака слышу, – обиделся я. – И дуры тоже.

– Всё, ему не жить.

– Сам вали отсюда, гермафродит пидерменствующий! Это мой сон, развели тут...

Наверное, мускатное вино всё ещё не до конца выветрилось из моей бедной головы, поскольку я недолго думая запустил ему(ей) чёрным маркером прямо в середину лица.

– Попал?

Да, я попал во всех смыслах. Фломастер удачно разрисовал женскую половину носа!

– Между прочим, эта краска очень плохо смывается.

Странный человек вскочил со стула и бросился на меня, но случайно задел шнур настольной лампы. Да чего там, он его выдернул с мясом, прямо с розеткой, из стены.

Сверкнула короткая зелёная молния, моя комната опустилась во мрак, а неожиданный и странный гость при виде электрического разряда мгновенно растворился в воздухе...

Кажется, на этом моменте я проснулся, потому что точно помню, как встал с кровати, поднял лампу, кое-как осторожно засунул розетку в стену. Потом подобрал свой верный чёрный маркер, так кстати оказавшийся под рукой.

Выглянул в окно: ночь была тиха и абсолютно лишена тайн. Разве что горбун Церберидзе неспешно прогуливался вдоль забора, словно охраняя покой всего музейного комплекса. Я зевнул и вновь завалился на кровать. Больше снов не было. А утром тот же сторож постучал в мою дверь – передать просьбу директора непременно быть у него до завтрака. Судя по ухмылке старика, разнос мне не грозит, шеф в хорошем настроении.

– А-а-а! Больно!

– И что?

– Я же спал!

– А почему ты спал с таким серьёзным видом?

– Потому что пытался вспомнить, кто вообще заказал нам этот частный музей.

– Ты его не знаешь.

– Но почему тогда его знаешь ты?

– У женщин могут быть свои тайны.

– А у мужчин свои способы узнать правду...

– А-а, как больно-о...

– Повторить?

– Да-а!

Старик Сосо проводил меня до кабинета директора. Мне хотелось спросить у него, что он делал ночью в саду. Если, конечно, мне и это не приснилось. Образ странного гостя из двух половин до сих пор производил жутковатое впечатление, не позволяя просто выкинуть его из головы. Но, как говорится, кошмарных снов не запретишь, так что мало ли...

– Александр, дорогой мой, заходите! Мы вас ждём.

Я пожал протянутую руку Феоктиста Эдуардовича, а с Земновым мы уже тепло обнялись, как фронтовые товарищи. На столе были разложены возвращённые сокровища крымских скифов. Как оказалось, начальство прилетело в музей с первыми лучами солнца, и они вдвоём с Германом составили подробнейшую опись с фотографиями и весом каждого предмета.

– Моя сестра уже в курсе, она прибудет чуть позже. К сожалению, ни один предмет из этой замечательной коллекции нам не принадлежит, а значит, будет возвращён в другие крымские музеи. Хотя кое-что мы хотели бы попробовать выкупить, – он подвинул ко мне ту самую золотую подвеску, где тигр терзал лошадь. – Наш сотрудник утверждает, что она напоминает ему о прошлой любви. Я пошлю запрос руководству о покупке или обмене этой вещицы. Всё по-честному!

Великан опустил глаза и благодарно кивнул.

– Ваши премии уже зачислены на карту. Ах да, один момент... Скажите, в их запасниках действительно находится неучтённый Куинджи?

– Да. И я уверен, что это подлинник.

– Хм, – директор закусил губу. – Конечно, это не наше дело. Но если вдруг каким-то образом во время фашистской оккупации полотно могло быть вывезено из Крыма, то... Грин, вы не могли бы заняться этим вопросом?

– Разумеется. Я могу тоже обратиться с просьбой?

– Во внимании.

– Я хотел попросить выходной на сегодня, собирался выбраться в город отправить посылку родным.

– Ни слова больше! – Феоктист Эдуардович полез под стол, достал бутылку крымского коньяка и большую коробку щербета. – Это от меня вашим родителям. И не смейте отказываться! Вы меня страшно обидите, а я ещё после обещанной чурчхелы не отошёл...

Что ж, мне оставалось только поблагодарить. Не знаю, где ещё встречаются такие начальники, способные найти подход к каждому сотруднику и спаять нас не просто в коллектив, а в настоящую семью. Причём не силой или железной волей, а добротой, заботой и справедливостью.

Я не хочу другой работы, моё место здесь, и сердце моё на берегу Чёрного моря, в маленьком частном музее «Херсонес».

– И да, если вам удобно, задержитесь хотя бы на час после завтрака. Вы ведь до сих пор не смогли оценить экспозицию нашего общего дома? Земнов и Гребнева проводят вас.

Ну наконец-то, а то я уже сколько здесь работаю, где только ни бывал, а собственного выставочного комплекса и не знаю. Ещё раз поблагодарив директора, я вышел из кабинета, Герман догнал меня на выходе, предупредив, что задержится.

– Сам дойдёшь?

– Я заблужусь, – честно предупредил я. – Ты хоть направление покажи.

– Прости, – опомнился он, – но на самом деле всё просто, тебе нужно лишь повторять одно простенькое заклинание, и лабиринт сам поведёт тебя.

– Заклинание? Серьёзно? Мы учёные или где?

– Просто запомни, – улыбнулся здоровяк, слегка хлопнув меня по плечу, – «Ариадны ниточка, проводи до калиточки, укажи дорогу к нужному порогу...»

– И типа всё?

– Всё. Это наш Диня придумал, мы сами не знаем почему, но оно работает.

И прежде чем я окончательно выразил свой скептицизм в смехе или намёках на разводилово, громоздкий специалист по мраморной скульптуре вновь исчез в кабинете.

Ну и ладно, подумаешь, сам разберусь. То есть получилось как всегда: я пошёл теми же поворотами, тем же коридором и, естественно, заблудился. Проблукнув так минут пятнадцать, проклиная всё на свете, в первую очередь себя и строителей этого чудесного здания, я тупо сдался, закрыл глаза от стыда и тихо прошептал:

– Ариадны ниточка, доведи до калиточки. Укажи дорогу к нужному порогу...

И пусть я не до конца повторил мелодику или даже неверно расставил знаки препинания, но вдруг словно лёгкий ветерок коснулся моей щеки. Сам не знаю почему, но мне захотелось за ним проследовать. Как говорится, *Si vivis Romae, romano vivito more!*[19]

И да, как ни глупо это выглядело, но я пошёл вслед за этим дуновением, внимательно прислушиваясь к каждому движению воздуха, и уже через пару минут за углом открылся

выход к моей комнате. Идти до сада было с десяток шагов, которые я уже практически пробежал, едва ли не крича в голос:

– Оно работает! Денисыч, ты гений!

За столом ждали только меня. Даже Герман быстрее вернулся. Наскоро перекусывая, я уточнил, что кому нужно купить в городе. В прошлый раз, помнится, мои подарки не возымели успеха, второй раз наступать на те же грабли мне не улыбалось, так что уж лучше спросить. Все наши пожалы плечами: никому ничего не нужно. Ну уж если очень хочется, то можно купить ещё раз сухарики для Церберидзе: старик их любит.

– Как хотите. А что по поводу экспозиции?

– Я покажу, – тут же поднялась Светлана.

– Вообще-то директор просил показать нас обоих, – заметил Земнов.

– А я что ж, один тут как дурачок квасить буду? Бро, я с вами! – привычно ударился в фальшивые обидки наш знаток древних языков. – Пойдёте одни – утоплюсь в фонтане и испорчу всем настроение!

Аргумент был принят, рисковать никто не хотел, потому что с алкоголика и не такое станется. Я оставил подарок директора у себя в комнате, и мы всем рабочим коллективом направились осматривать музейные ценности.

Оказалось, что зал совсем рядом – один поворот после кабинета Феоктиста Эдуардовича. Там нас встречали незапертые двустворчатые двери. Герман широким жестом предложил мне войти первым.

– Жутко интересно, – сам себе признался я. – Расскажите, что и как?

– Каждый из нас будет вашим экскурсоводом в своей области, – серьёзно подтвердила девушка. – Задавайте любые вопросы, но не кричите и ничему не удивляйтесь.

– Светка, ну что ты как эта? Знаешь же, что не кричать невозможно. Сама как орала...

Я улыбнулся и толкнул двери. Передо мной открылся совершенно современный музейный зал, компьютеризированный, отделанный по последнему слову техники, с лазерными указками, объёмным изображением, блуждающими надписями, но самое удивительное, что ни один экспонат не был заперт под витринным стеклом.

Всё совершенно доступно, хоть руками трогай! Чего я, конечно, не делал.

– Эти краснофигурные вазы, пожалуй, самые первые из сохранившихся. Или самые сохранившиеся из первых, – Светлана шла на шаг впереди меня, строгая и неподкупная, как декан исторического факультета. – Здесь изображена борьба Зевса с титанами. Насколько мне известно, этот миф изображался достаточно редко, и в основном до нас дошло лишь

несколько осколков.

– А это родосский мрамор, – перехватывал инициативу Герман, – очень редкий, его практически не встретишь ни в одном музее. Вот первые изображения богини земли Геи. Обрати внимание на сохранность, я лично участвовал в раскопках.

– Чёрнофигурное изображение Геракла и его интимная близость с царицей амазонок Ипполитой, дочерью Ареса. Кстати, Александр, вам не кажется, что в профиль древний герой несколько похож на нашего увальня Земнова?

– Бро, они тебя подкалывают! – веселился неунывающий Диня. – Смотри, вот это я переводил! Глиняная табличка с одним из первых описаний рождения Афродиты из пены морской. До меня считалось, что тут речь вообще о египетской богине Иштар. Современные учёные такие тупые-е...

– А эта бронза относит нас к истории начала обработки металлов путём их сплава и последующего изготовления оружия. Обрати внимание на бритвенную заточку! Считается, что бронзовые мечи были слишком мягкими и потому чаще использовались для укола, но вот этот создан для рубки...

– Эти вазы изготавливались не для вина, не для масла, а именно как произведения искусства! Обратите внимание на тонкость линий и детализацию, это поздняя Греция, скорее всего, Афины. Такие вещи художники делали для очень богатых людей. Здесь изображён один из почётных граждан города в образе Аполлона, гонящегося за нимфой. Лично я полагаю, что нимфу рисовали с любовницы заказчика или его гетеры...

В общем, если вы поняли, практически все экспонаты так или иначе относились к греческому наследию Крымского полуострова. А учитывая, что эллины наследили по всему черноморскому побережью, музей был... как бы так выразиться, мягко говоря... **ОЧЕНЬ** небедным! Очень, очень...

Золотое руно, и да, в нём реально хватало золота. Легендарный меч тавров, занимающий почётное место, с подробной росписью всех легенд, связанных с этим мифическим оружием. Ну и моё отдельное уважение Феоктисту Эдуардовичу за пустую полку, подготовленную к выкупу той самой золотой подвески из скифского наследия, что была столь важна для нашего добродушного великана.

В общем, я полностью растворился в греческой коллекции древностей, равной которой мне не доводилось видеть нигде, даже в альбомах по изобразительному искусству. Да, я не был в Афинах или на Крите, мне ни разу не довелось окунуться в Эгейское море, но то, что наши ребята насобирали здесь, сделало бы честь любому частному музею. Сотрудники «Херсонеса» не зря ели свой хлеб и уж тем более заслуживали таких зарплат и премий.

Оружие и доспехи – кинжалы, мечи, наконечники копий и стрел, шлемы, наручи, медные украшения со щитов. Мрамор – скульптуры, бюсты, портреты, рельефы. Глина (она же терракота), вообще всё: и скульптура, и портреты, и лампы, и вазы, и тарелки, а также

изображения всех мелких духов дома, о которых сейчас в приличном обществе и упоминать-то уже не принято.

Плюс к этому обширная коллекция монет. Несколько меньшая, но гораздо более редкая подборка греческих камей и ювелирных украшений, начиная от необработанных драгоценных камней, редкого в Крыму янтаря, здешних сердоликов и до уникальных серебряных зеркал, витых золотых колечек, цепочек или браслетов.

– Ребята, это лучшее, что я видел! Ваш «Херсонес» не сравним ни с чем.

– В смысле НАШ «Херсонес»? – практически в один голос поправили все трое.

– Разумеется, – поспешно согласился я, ибо впечатление было слишком большим для того, чтобы осознанно спорить хоть по какому-то поводу. Да и оно мне надо было?

...Примерно через час или полтора я вышел из калитки в город, помахав ребятам. Такси подъехало за две минуты после звонка. В моей голове всё ещё никак не могли улечься восторженные впечатления после просмотра основной экспозиции музейного комплекса «Херсонес». И это ещё при всём при том, что я не видел запасников или проекта готовящихся выставок. Попрошусь посмотреть в следующий раз, и вот тогда точно буду орать от воодушевления...

Водитель без вопросов доставил меня в центр. Мне хотелось посмотреть знаменитые бастионы, с которых поручик артиллерии некий Лев Николаевич Толстой вёл защиту города в Крымской войне. Именно после этого он написал знаменитые «Севастопольские рассказы».

Может, кому оно и не особенно интересно, но у меня было классическое образование, а это вызывает неукротимое стремление к чтению и самосовершенствованию. Но сначала я прикупил ещё пару коробок крымских конфет и сдал посылку на почту. Коньяк сначала не хотели брать, пришлось доплатить. Потом меня остановил знакомый голос:

– Гляжу, ты справился, офицерик?

Я резко обернулся, но призрака старого моряка нигде видно не было. Тем не менее на душе стало чуть теплее. Подумав, я сел в небольшой кофейне на перекрёстке и за двумя чашками капучино успел сделать несколько рисунков.

«Аря-ря-я! Эту Гребневу ты рисуешь чаще всех! Ха-ха!»

«Мы говорили с мамой, она не против, чтобы поехать к тебе в Крымушек!»

«Но если у нас троек не буде-е-ет...»

«А этот страшный, он кто?»

Последний вопрос касался рисунка того странного ночного гостя. Но у меня не было ответа,

кроме того что это всего лишь сон. Именно в тот момент, возможно, по недомыслию или же от переизбытка кофеина я совершил непоправимую глупость: отправил все рисунки нашему директору. Напрямую, через смартфон, прямо на почту.

Как, собственно, делал уже не раз, и уже в этом по факту было моё единственное оправдание. Хотя кого и когда волновало логическое объяснение причин проигранного боя...

Ответ пришёл буквально через минуту. Феоктист Эдуардович не стал размениваться на переписку, а позвонил и заорал в голос:

– Откуда этот рисунок? Грин, где вы видели это существо?!

– Во сне. А что случилось-то?

– Бегите! Не спрашивайте ни о чём, срочно вызывайте такси – и в музей! Здесь вы будете в безопасности.

– Я не понимаю...

Больше мне ничего не удалось сказать. В кафе вломились с десятков полицейских, меня окружили люди с пистолетами наизготовку, и молодой человек с холодным взглядом ткнул мне в лицо служебное удостоверение:

– Александр Грин? Вам придётся пройти с нами.

– Зашквар, – пробормотал я, прекрасно понимая, когда не стоит оказывать сопротивления. Вот сейчас был именно тот момент.

– Его арестовали?

– Естественно. С точки зрения российского законодательства он, несомненно, виновен.

– Значит, на этот раз победа будет за нами.

– Без Грина музей Херсонеса падёт.

– Неужели?

– Я сам долго не мог в это поверить, но, с другой стороны, мы вполне успешно разбирались со всеми, кто был до него.

– Тоже верно, увы...

– Ты говоришь так, словно тебе его жаль?

– Ну-у-у...

– Сука.

...Всё, что было дальше, как раз и являлось логическим объяснением слова «зашквар». Меня быстро обыскали, забрав все документы, сотовый, сумку с блокнотом, и сопроводили в машину полиции. Хорошо ещё, что не надели наручники.

На мои вопросы – что, зачем и в честь чего? – разумеется, никто не ответил. Ехали не очень долго, фактически минут двадцать, остановившись у районного следственного отдела. Потом меня провели на третий этаж, где мне пришлось ждать приёма ещё минут пятнадцать под охраной дежурного полицейского. Когда одна из двух дверей распахнулась, на меня устало посмотрел немолодой усталый мужчина и кивнул:

– Заводите.

Мне и раньше доводилось бывать в полиции: один раз за драку (не по моей вине), второй раз я оказался там как свидетель. Могу сказать, что от переименования и перехода из одной юрисдикции в другую мало чего изменилось. Плохой линолеум на полу, старые столы, компьютеры прошлого века, окно, забранное решёткой, вентилятор, шкаф, сейф.

Мне был предложен стул. Дежурный полицейский вышел, а следователь начал перебирать бумаги. Они всегда так делают, это заставляет задержанного нервничать. Но поскольку я никакой вины за собой не чувствовал, то и не парился особо.

– Итак, гражданин Грин Александр Степанович?

Поскольку это был вопрос, то я кивнул.

– Вы задержаны согласно заявлению группы граждан. Предварительное расследование буду вести я, майор Ладыженский Олег Дмитриевич.

Что ж, мне вновь пришлось кивнуть.

– Так, родился... Екатеринбург... учился в... окончил университет, потом служба в армии, морская пехота, Балтика, на данный момент являетесь сотрудником ЧВК «Херсонес». Всё верно?

– Да.

– То есть вы признаёте, что служите в частной военной компании?

– Это частный выставочный комплекс или просто музей.

– Очень интересно, – следователь без улыбки посмотрел мне в глаза. – Вот только что наши сотрудники пытались туда попасть, так ваш директор не открыл двери. Говорит, частная территория и без ордера он не обязан. Но мы получим ордер, не сомневайтесь.

Я пожал плечами. После того как я сам видел экспозицию, никаких сомнений о работе

именно в музее у меня не было. Кому надо, пусть проверяют.

– Грин, поверьте, лично я ничего против вас не имею. Полиция Екатеринбурга также подтвердила, что вы законопослушный человек. В целом. Но есть ряд вопросов.

– Спрашивайте.

– К нам поступило довольно странное заявление от нескольких, так сказать, равнодушных граждан, – майор Ладыженский достал распечатанный на принтере текст, – подчёркиваю, заявление странное, но мы обязаны реагировать и на такое. Цитирую: «В пещерах под Гурзуфом, имеющих заповедное значение, устроил взрыв, стрелял из огнестрельного оружия, создавал угрозу жизни отдыхающих, двое попали в реанимацию...». Не поясните?

– Охотно, – вдруг ни с того ни с сего переключило меня. – Там был схрон времён Великой Отечественной, где фашисты якобы спрятали украденные сокровища Пушкинского дома. Но увы, при осмотре всё оказалось подделкой, после чего меня атаковали зомби-эсэсовцы. Как раз они и стреляли. А по поводу тех двоих, что пришлось откачивать... Они слишком засмотрелись на загорающую в бикини Афродиту и немного нахлебались воды.

– Афродита – это кто?

– Древнегреческая богиня любви и красоты. У нас в музее так называют Светлану Гребневу, специалистку по росписи чёрнофигурных и краснофигурных ваз.

Следователь быстро строчил авторучкой, записывая мои показания. Такая у него работа, я же веселился вовсю.

– Что вы можете сказать по поводу обвинения вас в массовой драке в Анапе?

– Это вы про музей «Горгиппия»? Ну, я там особо не дрался, скорее убегал от их экскурсовода, у которой вдруг появились восемь щупалец вместо ног, кожа стала синей, а ногти опасно длинными. По ходу именно их гладиаторы напали на нашего Германа Земнова, он профи по истории древних металлов и мраморной скульптуре. Герман спортсмен и защищался как мог. Это многие снимали на видео, поищите в Сети.

Олег Дмитриевич промокнул лоб платочком, но гнул своё:

– Уничтожение уникальной росписи Константина Коровина в Красной пещере?

– Это было, признаю. Но я её лишь обнаружил, а потом мы прошли через сейф в подземный храм за мифическим золотым мечом тавров. Там ещё нужно было кого-нибудь принести в жертву, меня или Германа, но в результате Диня вылил вино...

– Какой ещё Диня?

– Наш специалист по всем древним языкам. Может послать матом на двадцати двух наречиях, и это не предел, – продолжал честно отвечать я, заводясь всё больше и больше. –

Потом со стен сошли фрески жрецов и атаковали нас, но каменные быки заступились, потому что были пьяными. А в конце всё завалило бульжниками, это легко проверить.

– В здании музея находится Минотавр?

– Мифическое существо с телом человека и головой быка? А вы сами-то в такое верите?

Майор поднял на меня тяжёлый взгляд, говорящий о страстном желании поубивать всех, кто скидывает на полицию столь идиотские заявления, но продолжил, взяв себя в руки:

– Как вы объясните вашу морскую экскурсию в Грузию, совершённую с нарушением всех таможенных и пограничных правил?

– Вы про Батуми? Волшебный город, как по мне, то махровая эклектика в архитектуре, практически на грани с безвкусицей, но Саакашвили такое любит. Кстати, там очень много турок.

– Я не об этом.

– Понимаю, – признал я, – мы плыли туда за золотым руном, это такая баранья шкура. Наш корабль был слишком быстрым, чтобы его обнаружили пограничные радары, но на обратном пути нас таки атаковали дроны, сбрасывающие вниз медные лезвия. Пока мы с капитаном отстреливались, остальные квасили в кают-компании. Ах, да! Ещё я купил там футболку, чёрную, хотел с газырями, а мне подсунули с хинкалями. Нет, не себе, в подарок!

– Кому?

– Дине.

– Это женщина?

– Нет, это Диня, я же вам говорил. Ну, или Денисыч, называйте как угодно. Полиглот и алкоголик, одно другому не мешает.

Следователь нервно скомкал исписанный лист бумаги, метко отправил комок в урну и, взяв новый лист, выдохнул, скрипнул зубами, но терпеливо продолжил:

– Спонсор вашего музея и по совместительству сестра вашего директора держит двух агрессивных собак породы доберман?

– Чушь и поклёп! Да вы их видели? Это же пуськи и няшки! Ангелочки, одним словом.

– То есть вас ими не травили?

– Это когда я увидел её голой в фонтане?

– А вы видели?

– Да-а... Хотите об этом поговорить?

Ладыженский покраснел и сбился. Пару минут он выравнивал дыхание, после чего пошёл с козырей, возможно искренне считая, что уж тут-то мне не отвертеться.

– Что вы можете сказать про Амстердам?

– Ну, я мало его видел. Фактически одну улицу и музей.

– Значит, вы признаёте, что были там буквально на днях?

Я задумался. По идее, можно было продолжать сумасшедшее веселье, но там, где замешаны международные отношения, всегда лучше быть чуточку осторожнее.

– А что по этому поводу говорит Аэрофлот? А визовый центр? А таможни России и Евросоюза? Не мог же я разом пересечь все границы и нигде не засветиться.

– Мы послали запрос во все ведомства. Ждём ответа. Европейская бюрократия слишком неповоротлива, с нас ещё потребовали уточнений: не гей ли вы, не подвергаетесь ли политическим репрессиям, не являетесь ли учёным-ядерщиком или биологом? Короче. Были или не были?

– Был. Мы собирались вернуть Крыму похищенное золото скифов. Но там в запасниках на нас наехал местный дьявол в красном плаще. Герману пришлось биться со злыми духами, у которых когти как кинжалы. Гребнева участвовала в соревнованиях по красоте среди ведьм, а я с помощью неизвестной копии картины Куинджи перевоплотил в людей трёх волкодлаков-культуристов.

Второй комок исписанной бумаги полетел в корзину для мусора.

– Да, чуть не забыл, а Денисыч в это время успел спить того самого рогатого. Кстати, отметьте, его имя Фрейшютц!

– Золото в Крым вы вернули? – устало выдохнул следователь.

Я самодовольно кивнул.

– Ну и слава богу. В общем, мы сделаем так. В музей вы больше не вернётесь, на время проведения следствия вам снимут номер в гостинице. За ваш счёт! – подчеркнул он. – Мы проверили баланс банковской карты на имя Александра Грина, ни один музейный работник столько не получает. Поэтому у нас ещё будут к вам вопросы. Но, по совести говоря, вам самому никогда ничего не казалось странным? Щедрый директор, друг-спортсмен, приятель-пьяница, неприступная красотка, собаки в доме, резкие перемещения по полуострову и в другие страны...

– Что вы имеете в виду?

– Что вам предстоит пройти обследование на наркотики. Вас или ваши знания кто-то банально использовал. Я-то могу закрыть на всё глаза, но вам жить...

У меня вдруг запершило в горле.

– На данный момент вы переходите из статуса задержанного в подозреваемые. Можете гулять где хотите. Но к музейному комплексу не приближаться и из города никуда не уезжать. Дежурный! – крикнул Олег Дмитриевич. – Сопроводите Александра Грина в машину, его ждут.

Я покинул отделение полиции с тяжёлым сердцем. Да, мне всё вернули, но слова следователя что-то задело у меня в душе. Пока мы ехали, я вновь и вновь прокручивал в мозгу все события последних дней. И да, чем больше я задумывался, чем глубже во всё погружался, тем яснее мне становилась вся глубина той пропасти, куда меня бросил рок или судьба...

Может быть, я всё ещё романтик, может быть, мне хочется верить в сказку, но что, если в первый же день работы мне подсунули вино с наркотиками? Чем иначе объяснить эту классическую схему вербовки нового адепта в секту или организованную бандитскую группировку? И это следователь ещё ничего не знал о горбуне, которого вполне можно счесть штатным палачом. Что же со мной случилось?

Полицейская машина привезла меня в мини-отель без названия. Да, такие тоже есть. Номер оказался вполне уютным, хоть и маленьким, не больше двенадцати- четырнадцати квадратов. Хотя, чего врать, моя комнатка в «Херсонесе» была ещё меньше.

Вайфай есть, душ, туалет – тоже, маленькая плазма на стене. Кровать узкая, односпальная, но я ведь и не ждал в гости прекрасную принцессу из сказки. Так что смысла выделяться не было. Меня заранее предупредили, что внизу всегда будет дежурить полицейский. Еду лучше заказывать в номер. Если же мне непременно надо выйти по какой-либо срочной надобности, я обязан ставить дежурного в известность.

– Что ж, это не худшее из того, что могло случиться, – сам себе пробормотал я, падая на кровать и включая телевизор.

Ничего особенного не было, разве что в стопятисотый раз крутили «Приключения Шурика» бессмертного режиссёра Гайдая. Я подошёл к окну: вид во двор, тоже ничего интересного. Но вот на самом подоконнике...

– Это подарок? – не сразу поверил я, катая на ладони тяжёлую старую пулю времён Крымской войны.

Сомнений, откуда это здесь, не было: старый матрос, чем мог, отблагодарил за то, что я сделал. Значит, всё правильно и жалеть не о чем. А через десять минут в дверь постучали:

– Уборка!

– Не нужно, я только заселился.

– Вы уверены?

Вот только тут я узнал её голос. В дверях стояла Светлана, серый костюм уборщицы не мог скрыть линий великолепного тела, а в глазах стояли слёзы:

– Ах, Александр! Я так скучала-а...

Она повисла у меня на шее, но, прежде чем я хотя бы успел обнять её в ответ, с лестницы раздалось:

– Доставка пиццы и... винишко!

Нетрезвый Денисич счастливо присоединился к общим обнимашкам, и последующее явление Германа Земнова с сумкой сантехника через плечо не удивило уже никого.

– Собирайся, бро! Мы... ик!.. уходим.

– Не волнуйтесь, – предупреждая мой вопрос, сладко прошептала девушка, – Мила Эдуардовна обещала решить все вопросы с полицией. Всё будет хорошо.

– Но тот рисунок, что ты отправил директору, – привычно поспешил взять командование Земнов, – ты правда его видел? Ты ведь не мог такое придумать, верно?

Посмотрев на них всех, мне оставалось ответить только одно:

– Я с вами, ребята. Я в команде.

– Он не сдастся?

– Нет.

– И это после всего, что мы сделали? Этот человечико псих, он совершенно не думает о спасении собственной шкуры.

– Такие встречаются, увы.

– Думаешь, он им поверил?

– Да.

– А они ему?

– В каком смысле?

– Ну, они же пришли за ним?

– Боги всегда приходят на помощь тем, кто в них верит...

Конец

*

notes

Примечания

В оригинале высказывание звучит: *Ave, Caesar, moritūri te salūtant!* – «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» (лат.)

Запросто, с легкостью (лат.).

3

Третьего не дано (лат.).

4

Твою ж мать! (лат.)

Руки вверх, русская свинья! (нем.)

Представление окончено (лат.).

Жизнь – это странствие (лат.).

О вкусах не спорят (лат.).

Победителей не судят (лат.).

Всё тайное становится явным (лат.).

Безумствуйте там, где это уместно (лат., Гораций).

Я вижу тебя насквозь! (лат.)

Тупейший из тупых (лат.).

Тупица тупицу учит (лат.).

Благо государства – высший закон (лат.).

Жить – значит сражаться (лат.).

Великая вещь – любовь (лат.).

Всеми дозволенными и запретными средствами (лат.).

Если живёшь в Риме, живи по римским обычаям (лат.).